

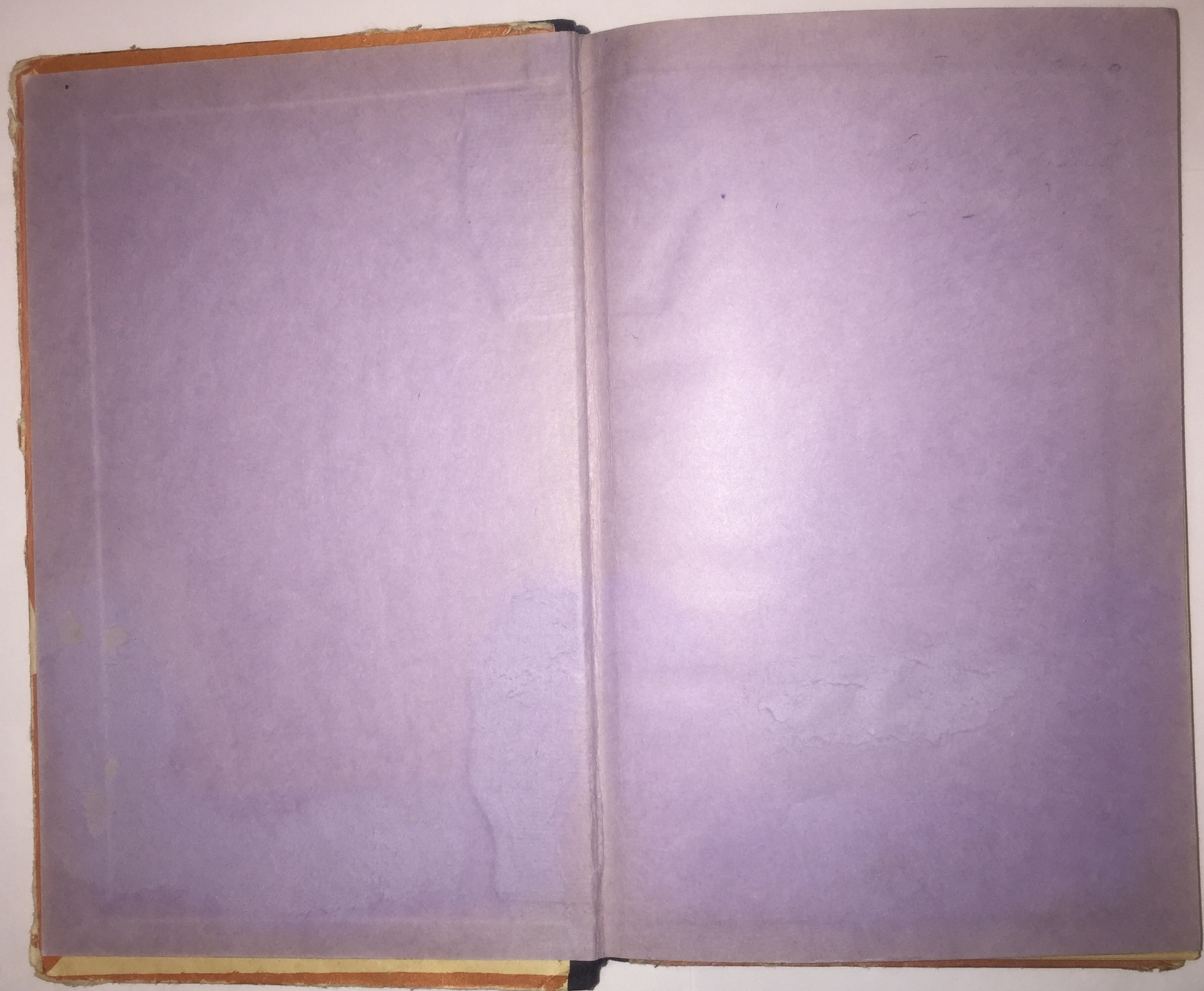
ВНИИ КРИМИНАЛИСТИКИ ПРОКУРАТУРЫ СОЮЗА ССР

Л.М.КАРНЕЕВА С.С.ОРДЫНСКИЙ С.Я.РОЗЕНБЛИТ

Методика
допроса

НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ
СЛЕДСТВЕНИИ

ВСЕСОЮЗНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ КРИМИНАЛИСТИКИ ПРОКУРАТУРЫ СССР

Издание нумерованное

Рассылается по списку

Экз. № ~~8892~~

Л. М. КАРНЕЕВА, С. С. ОРДЫНСКИЙ,
С. Я. РОЗЕНБЛИТ

ТАКТИКА ДОПРОСА НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва — 1958

Настоящая работа подготовлена коллективом научных сотрудников Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики Прокуратуры СССР под руководством кандидата юридических наук С. Я. Розенблита.

ОТДЕЛЬНЫЕ ГЛАВЫ НАПИСАНЫ:

Введение, глава I и глава IV — кандидатом юридических наук С. Я. Розенблитом.

Глава II — С. С. Ордынским.

Глава III — кандидатом юридических наук Л. М. Карнеевой.

Глава V — кандидатом юридических наук Л. М. Карнеевой и С. С. Ордынским.

В у
источник
которые мо
ния как
шем. Тру
рому не
чаях, ко
доказате
тись без
чение эт
к конкре
ризуют с
случаях
ства. Бе
часто оо
убедител
шено ли
виновен

Не м
ловном
не обяза
большин
рые пом
Отверга
показан
зательст
помогае
тельств
новен, д
нию дел
или час

ВВЕДЕНИЕ

В уголовном процессе наиболее распространенным источником доказательств являются показания лиц, которые могут сообщить следователю необходимые сведения как о самом преступлении, так и лице, его совершившем. Трудно себе представить уголовное дело, по которому не были бы допрошены свидетели. Даже в тех случаях, когда обнаружены вещественные или письменные доказательства, изобличающие преступника, нельзя обойтись без показаний свидетелей, которые раскрывают значение этих доказательств, устанавливая их относимость к конкретному обвиняемому и к его действиям, характеризуют самого обвиняемого. Показания свидетелей в этих случаях как бы цементируют все остальные доказательства. Без показаний свидетелей другие доказательства часто остаются разрозненными уликами, недостаточно убедительными для решения главного вопроса — совершено ли преступление, и при положительном ответе — виновен ли обвиняемый в его совершении.

Не менее распространенным доказательством в уголовном процессе являются показания обвиняемого. Закон не обязывает обвиняемых давать показания. Однако в большинстве случаев обвиняемые дают показания, которые помогают следователю установить истину по делу. Отвергая предъявленное обвинение, обвиняемый своими показаниями обосновывает свою позицию, приводит доказательства и доводы в свою защиту и тем самым активно помогает следователю собирать оправдательные доказательства, которые, если обвиняемый действительно невиновен, должны в конечном итоге привести к прекращению дела. Если же обвиняемый признает себя полностью или частично виновным, он также заинтересован в том,

чтобы давать исчерпывающие показания, так как в них он имеет возможность разъяснить, что им фактически совершено, каковы мотивы преступления и какие обстоятельства, по мнению обвиняемого, могут смягчить его вину.

Понятию допроса в советской юридической литературе придается двоякое значение. В узком смысле допрос понимается только как постановка вопросов допрашиваемому и выслушивание его ответов. В широком понимании допрос означает весь процесс получения показаний, включая свободный рассказ допрашиваемого, задаваемые ему вопросы и ответы, а также протоколирование.

В дальнейшем изложении мы под допросом будем понимать весь процесс получения показаний от свидетеля и обвиняемого, начиная с выслушивания его свободного рассказа и кончая протоколированием.

Конечная цель допроса свидетелей и одна из основных целей допроса обвиняемых заключается в том, чтобы получить правдивые показания, правильно освещающие обстоятельства расследуемого преступления. Однако для социалистического правосудия далеко не безразлично, какими способами добываются эти показания. Полноценными доказательствами являются только такие показания, которые следователь получил в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона. Всякое отступление от этих норм является нарушением законности, не терпимым в Советском государстве и не допустимым для советского следователя.

Некоторые практические работники склонны думать, что требование строгого соблюдения законности при допросе обрекает следователя на пассивную роль простого регистратора показаний свидетелей и обвиняемых и лишает его деятельность творческого, активного характера. Такое понимание роли следователя является глубоко неправильным. Закон определяет лишь основные условия допроса. Например, уголовно-процессуальный кодекс запрещает вымогать показания, применять к допрашиваемому насилие, угрозы. Он требует от следователя, чтобы свидетели и обвиняемые допрашивались порознь с тем, чтобы исключить влияние одного допрашиваемого на показания других. Закон устанавливает, что следователь должен сначала получить показания допрашиваемого

в форме свободного повествования об известных свидетелю обстоятельствах дела или о доводах, которые обвиняемый желает привести в свою защиту. Выслушав свободный рассказ обвиняемого или свидетеля, следователь может задать вопросы, выяснение которых он считает необходимым для всестороннего расследования дела. Таким образом закон обеспечивает право допрашиваемого рассказать следователю все, что он сам знает об обстоятельствах дела и считает важным, существенным для выяснения истины. Закон предусматривает обязанность следователя вести протокол допроса. Однако закон не регламентирует и не может регламентировать различные тактические приемы, выработанные практикой и криминалистической наукой, которые, естественно, ни в какой мере не должны нарушать законности.

Известно, что показания свидетелей и обвиняемых, как и все иные доказательства, подлежат тщательной проверке. Следственной практикой и криминалистической наукой разработаны тактические правила, позволяющие следователю эффективно проверять уже в ходе самого допроса показания, полученные от свидетелей и обвиняемых, и таким путем устанавливать степень их достоверности и предотвращать дачу ложных показаний.

Отличие тактических правил допроса от требований закона, касающихся допроса, заключается в том, что нормы закона являются для следователя обязательными во всех случаях, он не имеет права отступать от них и нарушать их; тактические же правила должны рассматриваться только как основанные на законе полезные рекомендации, которые следователь может применять по собственному усмотрению, сообразуясь с обстоятельствами каждого конкретного дела и особенностями допрашиваемого лица.

Применение тактических приемов допроса предоставляет широчайший простор для активности и инициативы следователя. Активность допроса заключается в умелом использовании следователем всех тактических средств, основанных на законе.

Советский закон запрещает применять как физическое, так и психическое принуждение при даче показаний. Но вполне допустимо и необходимо использование психологических моментов, например, темперамента допрашиваемого, его характера, настроения для того, чтобы

получить правдивые показания обвиняемого, скрывающего правду, или свидетеля, пытающегося выгородить близкого ему обвиняемого или желающего свести с ним личные счеты.

Уже давно ощущается потребность в разработке тактики допроса на научных основах. В ряде стран в разные времена делались попытки привлечь для целей допроса достижения физиологии и медицины и приспособить данные этих наук для оценки правдивости даваемых на следствии показаний. Широко известна практика следственных органов США, пользующихся при допросе специальными аппаратами, так называемыми «лай-детекторами» («разоблачителями лжи»), регистрирующими во время допроса частоту пульса, дыхания, давление крови и другие физиологические изменения в человеческом организме. На основании механической записи кривых этих изменений эксперты-операторы «лай-детекторов» делают выводы о том, показывает ли допрашиваемый правду или нет.

Советские ученые всегда отрицательно относились к таким критериям оценки правдивости показаний свидетелей и обвиняемых, справедливо считая, что хотя физиологические изменения в организме допрашиваемого являются результатом его психических переживаний, однако никогда нельзя с уверенностью определить, какие именно психические процессы вызывают к жизни то или иное физиологическое изменение в организме: волнуется ли допрашиваемый из страха разоблачения и наказания или волнение вызвано возмущением против напрасно выдвинутого обвинения, или какими-нибудь иными причинами.

Следует сказать, что в последнее время и в американской литературе встречаются высказывания, критикующие увлечение «лай-детекторами» и ставящие под сомнение безошибочность заключений «специалистов» по этим приборам.

Нам представляется, что возможной научной основой для разработки тактики допроса свидетелей и обвиняемых являются достижения науки психологии, основывающейся на марксистско-ленинской теории познания и учении И. П. Павлова о высшей нервной деятельности человека. Опыт показывает, что, пользуясь достижениями

советской психологии об ощущении, восприятии, запоминании, воспроизведении и других психологических категориях, можно оживлять память людей, желающих показывать правду, но запамятовавших те или иные важные для следствия обстоятельства. Данные психологии дают следователю правильный критерий для оценки полноты и правдивости их показаний, подсказывают тактические приемы, при помощи которых могут быть восполнены пробелы в показаниях и устранены искажения и противоречия в них. Вместе с тем психология помогает разобраться и в поведении обвиняемого и лжесвидетеля, скрывающих правду от следователя, и в некоторых случаях дает основание для разработки определенных тактических приемов, направленных на преодоление факторов, мешающих допрашиваемому показывать правду. Этим и объясняется то внимание, которое уделено в данной работе вопросам психологии. Дальнейшее развитие тактических приемов допроса немыслимо без широкого привлечения данных психологии, и долг ученых-психологов — помочь ученым-юристам и практическим работникам следствия разработать специальные разделы психологии формирования показаний и психологии допроса.

При расследовании некоторых категорий преступлений организация допроса свидетелей и обвиняемых, да и сама тактика допроса могут иметь специфические особенности (например, при расследовании дел о взяточничестве, половых преступлениях, разбойных нападениях и др.). Эти особенности тактики допроса по отдельным категориям преступлений разрабатываются в частных методиках и в этой работе рассматриваться не будут. В настоящей работе рассматриваются лишь общие тактические приемы допроса, применяемые при расследовании любой категории дел. В качестве примеров приведены как материалы из собственного следственного опыта авторов, так и отдельные дела, находившиеся в производстве следователей Москвы, Ленинграда и др., частично опубликованные в выпусках «Следственной практики»,готавливаемых Всесоюзным научно-исследовательским институтом криминалистики Прокуратуры СССР. В некоторых случаях действительные фамилии свидетелей и обвиняемых изменены.

Настоящая работа предназначена главным образом для практических следственных работников.

Не претендуя на исчерпывающий охват всех известных в следственной практике тактических приемов допроса, авторы сделали попытку в известной последовательности классифицировать и описать хотя бы основные из них с тем, чтобы помочь следователю в его трудной задаче — получить при допросе полные и достоверные показания.

Вместе с тем авторы попытались изложить вопросы тактики допроса на должном теоретическом уровне, для чего не ограничились одним только описанием тактических приемов допроса, разработанных следственной практикой и криминалистической наукой, но и стремились к тому, чтобы научно обосновать целесообразность тех или иных приемов или их нецелесообразность или недопустимость¹.

Таким образом, настоящая работа может оказаться полезной и для научных работников и студентов юридических высших учебных заведений, изучающих вопросы тактики допроса свидетелей и обвиняемых.

¹ В отечественной юридической литературе, а также в работах по психологии вопросы психологии допроса разработаны явно недостаточно. Из опубликованных работ в этом отношении заслуживает внимания конспект лекций проф. П. А. Шеварева «Психология», изданный в качестве пособия для слушателей Военно-юридической академии (изд. РИО ВЮА, М., 1946).

Из современных зарубежных авторов, серьезно уделявших внимание психологии допроса, следует отметить польского профессора П. Горошовского (Pawel Horszowsky, *Kriminalistyka*, Warszawa, 1955) и американского профессора Г. Дадича (George T. Dudycha, *Psychology for Law Enforcement Officers*, Springfield 1955).

ГЛАВА I

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ ДОПРОСА

§ 1. Общие вопросы; ощущения и восприятие

Показания свидетелей в подавляющем своем большинстве объективно отражают события, явления и предметы внешнего мира, для выяснения которых ведется допрос. Вполне достоверными и правильными бывают и показания многих обвиняемых.

Но в практике встречаются случаи, когда показания свидетелей и обвиняемых содержат неточности, искажаются, умалчиваются отдельные факты. Причинами отклонения показаний от истины являются:

а) Непроизвольные ошибки допрашиваемого, вытекающие из природы формирования показаний. Ошибки эти бывают различными и зависят от свойств психической деятельности человека.

Возможны ошибки восприятия, запоминания и воспроизведения. Бывают ошибки, источником которых являются чувства (эмоции) допрашиваемого в момент восприятия или воспроизведения. Некоторые ошибки могут быть результатом внушения. В практике встречаются не только произвольные ошибки в виде пробелов и искажений в показаниях, но и произвольный вымысел.

б) Заинтересованность допрашиваемых в исходе дела. Такая заинтересованность обычно имеется у обвиняемых, которые, боясь ответственности, дают заведомо неверные объяснения по своему делу. Но ложные показания дают и некоторые свидетели, руководствуясь различными побуждениями, в частности, желанием выгородить близкого им человека, совершившего преступление, боязнию

мести со стороны преступника и стремлением скрыть свое собственное поведение.

Важное значение для следователя имеет знание основных положений науки психологии. Это помогает ему строить допрос на научных основах, правильно оценивать полученные показания, ясно представлять себе процесс формирования показаний, распознавать причины ошибок в показаниях. Следователь использует эти знания и при определении тактических приемов допроса.

Показания людей на допросе — сложный психический процесс, сущность которого заключается в том, что в момент события в человеческом сознании отражается (воспринимается) объективная реальность внешнего мира, которая запоминается, а впоследствии во время допроса и воспроизводится. Материальной базой этого психического процесса является физиология нервной системы и в первую очередь ее высшего отдела — коры больших полушарий головного мозга.

Формирование показания начинается с того, что на человека, участвующего в каком-либо событии или видящего предмет, воздействуют определенные комплексы внешних раздражений, вызывающие в коре больших полушарий головного мозга определенные ощущения.

Ощущение является простейшим психическим процессом отражения в человеческом сознании отдельных объективно существующих свойств предметов или явлений. Эти свойства предметов или явлений, именуемые раздражителями, воздействуют на органы чувств (анализаторы). Каждый анализатор — весьма сложный нервный механизм, который начинается наружным воспринимающим аппаратом (рецептором). Рецептор воспринимает раздражение, вызванное определенным объективным свойством предмета или явления внешнего мира, перерабатывает его в нервное возбуждение и передает по центростремительному (афферентному) пути в клетки анализатора, находящиеся в определенных участках коры больших полушарий головного мозга.

Нервные импульсы вызывают в соответствующих корковых отделах анализатора нервные процессы, составляющие физиологическую основу ощущений. Здесь происходит высший анализ воспринятых раздражений и сопутствующие ему процессы возбуждения и торможения

определенных участков коры больших полушарий головного мозга. Эти процессы играют решающую роль для психической деятельности человека.

Различные раздражители действуют на разные анализаторы (органы чувств). Так, например, свет действует на зрение, звуки — на слух, запахи — на обоняние.

В зависимости от анализаторов, воспринимающих тот или иной вид раздражителей, ощущения подразделяются на зрительные, слуховые, вкусовые, обонятельные и др.

Анализаторы, воспринимающие различные ощущения, взаимодействуют друг с другом, в одних случаях усиливая, в других — ослабляя интенсивность раздражений. Поскольку разные стороны предмета воздействуют одновременно на разные анализаторы, у нас обычно сразу возникает восприятие предмета. Чаще мы воспринимаем сначала предмет в целом, синтетически, отражая в сознании его общий вид, а потом путем анализа выделяем в нем отдельные свойства. Чем больше анализаторов участвовало в процессе восприятия, тем полнее само восприятие. Так, например, восприятие человеком рояля будет более полным, если, помимо зрительного ощущения формы и цвета этого музыкального инструмента, у него будут и слуховое ощущение издаваемых им звуков, осязательное ощущение его полированной поверхности, двигательное ощущение его тяжести. Полнота восприятия яблока требует от человека, чтобы он, помимо зрительного ощущения его формы и цвета, получил также вкусовое ощущение этого плода. Одни зрительные ощущения не дают еще полного восприятия пистолета. Но если пистолет, помимо зрительных ощущений, вызвал у человека еще и осязательные (от того, что он брал пистолет в руки), или двигательные (от того, что он зарядил или разрядил его), или слуховые (от того, что при нем выстрелили из пистолета), то восприятие пистолета будет более полным.

Восприятие — это отражение предмета в виде конкретного образа. Значительную роль в образовании восприятия играет его направленность, основанная на жизненном опыте воспринимающего лица. Допустим, что одну и ту же книгу по географии воспринимают три человека, из которых один — по специальности географ, второй — типографский работник, а третий — художник. Первого будет интересовать главным образом содержа-

ние книги, он обратит внимание на ее построение, на наименование глав, и именно эти свойства книги будут им восприняты с наибольшей полнотой. Второй воспримет главным образом качество бумаги, шрифт, аккуратность фальцовки, цвет и материал переплета. Третий обратит внимание на размещение текста, на виньетки, на качество рисунков, на расцветку карт. Если каждого из них спросить об этой книге, то они по-разному опишут ее, выделяя и подчеркивая именно те свойства книги, которые они лучше восприняли в зависимости от направленности их наблюдения, обусловленной жизненным опытом. Зависимость восприятия от запаса знаний человека и его жизненного опыта называется в психологии а п е р-цепцией.

Практика показывает, что человек лучше воспринимает предметы и явления, с которыми он неоднократно сталкивался в своей практике.

Это положение можно проиллюстрировать на примере допроса свидетелей по делам об автотранспортных происшествиях. По делам этого рода свидетелями бывают как профессионалы — шоферы, так и лица, совершенно не знающие этой профессии. Для лиц, не знакомых с работой автотранспорта, такое происшествие иногда представляется хаотическим нагромождением зрительных и слуховых ощущений, в которых свидетель иногда не в состоянии разобраться. Далеко не всегда он ответит на вопрос следователя, что было раньше и что позже, не сумеет установить причинную связь событий. Если же свидетелем является шофер, то он, как показывает практика, отлично разбирается в механизме происшествия, в очередности событий, в причинах и последствиях.

Огромное значение жизненного опыта заключается также в том, что мы встречаемся с профессиональным совершенствованием органов чувств. Путем постоянной тренировки ощущения у профессионала обостряются, и он может воспринимать раздражители, стоящие за порогом нормального различения.

Под порогом нормального различения в психологии принято понимать ту грань, за которой человек с нормально развитыми органами чувств перестает ощущать разницу между величиной предметов, их цветом, высотой звуков. Для опытного профессионала эта грань нередко отодвигается далеко за порог нормального различения.

Так, дегустаторы вырабатывают в себе повышенную чувствительность к вкусовым и обонятельным ощущениям. Они безошибочно определяют по вкусу и запаху сорт сыра, вина, табака и других предметов. У ряда работников парфюмерной промышленности обострено различие запахов цветов и химических веществ. У музыкантов обострены слуховые ощущения. Повышенная способность к цветоразличению вырабатывается у художников, маляров, фотографов. Мукомолы на ощупь различают качество помола и сорт муки. У опытных шлифовальщиков наблюдается способность замечать на глаз мельчайшие зазоры, далеко стоящие за порогом нормального различения.

Значение жизненного опыта для восприятия всегда должно учитываться следователем при допросе свидетелей, являющихся специалистами в какой-либо области знаний или профессии. Поэтому, если в показаниях нескольких очевидцев одного и того же происшествия, в беспристрастности которых нет никаких сомнений, обнаруживаются противоречия, то при оценке доказательств следует больше полагаться на показания тех свидетелей, которые на основании своего жизненного или профессионального опыта лучше знакомы с данным вопросом. Если, например, производится расследование несчастного случая на производстве в результате несоблюдения правил техники безопасности, то особое внимание следователь должен обратить на показания тех очевидцев, которые хорошо знакомы с машиной и знают ее особенности.

Существуют факторы, мешающие свидетелям правильно воспринимать предметы или явления, которые они наблюдают, слышат, ощущают. Такие факторы в психологии подразделяются на объективные и субъективные.

Объективными принято называть такие факторы, которые не зависят от человека и, в частности, от состояния его анализаторов (органов чувств). К таким факторам относятся, например, неблагоприятные метеорологические условия, мешающие нормальному наблюдению (туман, дождь, облачность); время дня (день, ночь или сумерки); отдаленность предмета наблюдения, ухудшающая видимость; быстротечность события и кратковременность наблюдения, не дающие возможности охватить все стороны и детали происшедшего. К объективным факторам следует отнести и маскировку, предпри-

нятую преступником, чтобы затруднить распознавание оставленных им следов, например подвязывание обуви к ногам носками назад с тем, чтобы создать ошибочное впечатление о направлении движения.

К субъективным факторам относятся такие, которые зависят от состояния органов чувств человека: физические дефекты отдельных людей (слепота, близорукость, глухота, неспособность различать цвета и запахи), их болезненное состояние, усталость, страх, волнение. К субъективным факторам следует также отнести наличие или отсутствие внимания у воспринимавшего лица.

Особую сложность для восприятия составляют: быстротечные события и иные кратковременные наблюдения; пространственные и временные отношения.

На этих вопросах целесообразно остановиться более подробно.

§ 2. Восприятие быстротечных событий, пространства и времени

Быстротечные события. Быстротечными мы называем события, наблюдаемые человеком на протяжении секунд или даже долей секунды. К ним относятся многие убийства, почти все автотранспортные происшествия, несчастные случаи на производстве и др. Быстротечные события воспринимаются менее полно и всесторонне, чем предметы и явления, наблюдаемые в течение более длительного времени. Объясняется это тем, что каждый предмет, каждое явление имеет много сторон, а анализаторы человека вследствие кратковременности восприятия успевают схватить и запечатлеть лишь часть образов, в основном те, которые находятся в сфере его внимания. Остальную же часть наблюдающий затем не замечает для себя дополняет представлениями, основанными на его жизненном опыте.

Приведем такой пример. Свидетель, знакомый с оружием, присутствовал в тот момент, когда преступник стрелял. При допросе следователю нужно было выяснить у свидетеля, из какого оружия был произведен выстрел. Свидетель в момент восприятия был напуган. Его восприятие длилось не более одной-двух секунд. За это короткое время он не успел запечатлеть все свойства наблюдаемого им объекта и детали события. Свидетель заметил, что оружие было короткоствольным, что оно было

черного цвета, но он не рассмотрел, имелся ли у оружия барабан, и не обратил внимания на то, произошло ли после выстрела выбрасывание гильзы. Тем не менее при допросе свидетель утверждал, что в руке у преступника он видел пистолет.

На основании каких же данных свидетель утверждал, что у преступника был именно пистолет? Такая уверенность у него сложилась в результате нескольких отрывочных наблюдений. Он раньше видел и пистолеты, и револьверы, причем револьверы были светлые, никелированные, а пистолеты — черные, из вороненой стали. Оружие, из которого стрелял преступник, показалось ему таким, каким он привык видеть пистолеты. Ясно, что здесь возможна невольная ошибка в восприятии свидетеля, так как револьвер мог быть из вороненой стали, что же касается длины ствола, то ее определение свидетелем могло оказаться субъективным, не говоря уже о том, что существуют револьверы и небольшого размера. Если бы оружие наблюдало несколько человек, то вполне вероятно, что другие очевидцы обратили внимание на другие его свойства: на наличие или отсутствие барабана, на выбрасывание гильзы после выстрела. Если допросить этих свидетелей, то могут быть собраны данные, вполне достаточные для того, чтобы восстановить более подробное описание оружия, бывшего в руках у преступника, и определить его вид, а возможно, даже и систему. Но для этого нужно при допросе уточнить, какие свойства оружия восприняты свидетелем путем зрительных ощущений и какие — в результате обобщения жизненного опыта. Тогда следователь будет иметь возможность правильно оценить свидетельское показание.

При настойчивости следователя и добросовестности свидетелей этого можно достигнуть.

Знание законов восприятия быстротечных событий имеет важное значение в работе следователя. Он должен учитывать неизбежные у отдельных людей пробелы в восприятии некоторых деталей предметов, наблюдавшихся свидетелем короткое время, и не ограничиваться в таких случаях допросом одного-двух свидетелей, а должен собрать как можно больше показаний очевидцев. Это, разумеется, не означает, что всегда следует допрашивать всех без исключения многочисленных очевидцев происшествия, да это и невозможно, но во всяком случае надо выявлять

и допрашивать свидетелей, пока не будут полностью и достоверно освещены все детали предмета или явления, имеющие существенное значение для дела, пока не будут заполнены пробелы и исправлены искажения, имеющиеся в показаниях первых допрошенных свидетелей. Допрашивая каждого свидетеля, следует выяснить у него, на основании чего он высказывает те или иные суждения, что он видел и слышал сам, что он помнит твердо и что — менее твердо. Следователь должен тщательно сопоставлять и оценивать показания разных свидетелей и после тщательной проверки принимать как правильные только достоверные показания. Таким образом, из группы порою противоречивых и отрывочных показаний часто удается создать верную картину события или явления.

Пространственные отношения. Пространственные отношения часто имеют весьма важное значение для дела. Поэтому следователю приходится при допросе свидетелей и обвиняемых затрачивать много усилий для точного восстановления величины предметов и расстояния, на которое удалены друг от друга определенные пункты.

Восприятие пространственных отношений различных предметов состоит в отражении в сознании наблюдающего их отдаленности друг от друга и их величины.

В основе восприятия отдаленности предметов лежит стереоскопическое свойство бинокулярного зрения¹ человека. При зрении одним глазом возможны значительные ошибки в восприятии отдаленности предметов. Как показывает практика, восприятие удаленных предметов при помощи бинокулярного зрения возможно более или менее точно в пределах до 450 м. Обычно это является вполне достаточным для целей и задач, стоящих перед следователем при расследовании преступлений.

Следователь должен знать, что человек имеет возможность и на дальних расстояниях правильно с помощью зрения воспринимать, какие предметы к нему ближе, какие — дальше. Этому служит ряд дополнительных факторов, позволяющих определить степень удаленности предметов. К таким факторам относятся:

¹ Стереоскопическое свойство зрения — свойство видеть рассматриваемый объект не в плоскостном, а в объемном, рельефном изображении. Бинокулярное зрение — зрение при помощи двух глаз.

Воздушная перспектива. Чем больше воздушное пространство, отделяющее нас от объекта наблюдения, тем больше поглощается воздухом лучей света, отражаемых этим объектом. Вследствие этого более отдаленные предметы кажутся нам более тусклыми и расплывчатыми по сравнению с близлежащими. Жизненный опыт содействует закреплению условного рефлекса, по которому неясно видимые предметы кажутся нам более отдаленными по сравнению с отчетливо видимыми предметами. Тут, однако, следует учитывать возможность ошибки в оценке расстояний, когда человек пытается это делать в непривычных для него географических условиях. Так, в горных местностях, где воздух чист и прозрачен, отдаленные предметы сплошь и рядом воспринимаются, как находящиеся гораздо ближе, чем в действительности. То же бывает после грозы. Водные пространства, над которыми в жаркие дни скапливаются испарения, создают видимость, что расположенные за ними предметы находятся от нас на большем расстоянии, чем на самом деле. Но при отсутствии испарений, например, в прохладную погоду, водная гладь, в связи с отсутствием промежуточных ориентиров, наоборот, скрадывает расстояние и создает видимость близости находящегося на противоположном берегу предмета.

Величина и расположение теней, отбрасываемых наблюдаемыми предметами. У более близких предметов тени более резкие, в то время как у отдаленных предметов тени почти незаметны. При одинаковой освещенности это дает возможность правильно судить о сравнительной отдаленности двух или более наблюдаемых предметов, отстоящих от наблюдающего на разные расстояния.

Геометрическая перспектива. По мере удаления от нас предметов они нам кажутся меньше. Поэтому, если известно, что наблюдаемые нами предметы одинаковы по величине (например, телеграфные столбы или мачты линии электропередач), то из двух аналогичных предметов мы воспринимаем как более близкий тот, который кажется нам больше.

Определению удаленности предметов в значительной степени помогает жизненный опыт. Так, если известно, что трамвайные мачты электропередачи расположены в 50 м одна от другой, то, подсчитав количество мачт,

отделяющих один предмет от другого, легко можно приблизительно определить расстояние, на которое интересующие нас предметы удалены друг от друга.

Отсутствие жизненного опыта является причиной значительных ошибок у детей при определении пространственных отношений. При определении расстояний человек иногда прибегает и к другим критериям оценки отдаленности. Например, таким критерием может служить время, необходимое для того, чтобы пройти расстояние от одного пункта до другого. Известно, например, что взрослый пешеход при спокойном движении проделывает в среднем четыре километра, а при более быстром шаге — пять километров в час. Если свидетель или обвиняемый засеки по часам время начала и окончания своего движения из одного пункта в другой, то они могут сообщить следователю и приблизительно расстояние, которое разделяет эти пункты. Однако при оценке показаний об отдаленности пунктов по времени, необходимому для того, чтобы пройти пешком от одного пункта до другого, следователь должен иметь в виду различную длину шага у людей разного роста, остановки и привалы в пути. Не лишне выяснить, шел ли человек с грузом или без него, не был ли человек ослаблен болезнью или тяжелой работой, и иные обстоятельства, которые могли влиять на скорость ходьбы.

Восприятие отдаленности предметов в некоторых случаях может дополняться слуховыми ощущениями. Так, например, об отдаленности человека от места наблюдения иногда можно судить по степени слышимости его крика или разговора.

Если событие, наблюдаемое со значительного расстояния, сопровождается громкими звуками, то правильному суждению о расстоянии может способствовать время, прошедшее с момента появления зрительного ощущения до появления слухового. Известно, что свет распространяется со скоростью 300 тыс. км в секунду, а звук — со скоростью 300—330 метров в секунду. Практически это означает, что если мы видим пламя взрыва, а звук его достигает нашего слуха только через три секунды, то можно считать, что взрыв произошел в пункте, удаленном от нас на 900—1000 м.

Следует также иметь в виду значительную распространенность в жизни оптических обманов, связанных

с ошибочным восприятием пространственных отношений. Конфигурация отдельных предметов, их расположение по соседству с другими сходными или контрастирующими может ввести в заблуждение относительно действительных размеров наблюдаемого предмета. Так, человек среднего роста, стоящий рядом с человеком невысокого роста, кажется высоким. Наоборот, он будет казаться низкого роста, если рядом с ним будет стоять высокий человек. Две линии одинаковой длины будут казаться разными, если к их концам приделать стрелки с противоположными направлениями. Более короткой будет казаться линия, на концах которой острия стрелок обращены вовне.

Известное значение для правильной оценки отдаленности предметов имеет их окраска. Известно, что предметы, окрашенные в белый, красный или желтый цвета, отчетливо видны на более отдаленном расстоянии, чем предметы, имеющие другой цвет. Именно поэтому запрещающие сигналы на транспорте окрашиваются в красный цвет. Окраска в цвета, видимые на далекое расстояние, создает видимость, что предметы находятся гораздо ближе к нам, чем они есть на самом деле, например, ночью освещенное белым светом окно кажется совсем рядом, хотя в действительности его отделяет от нас расстояние в несколько километров.

Следовательно при допросе должен учитывать законы восприятия пространственных отношений и иметь их в виду при постановке вопросов и оценке показаний допрашиваемого как о величине предметов, так и об их отдаленности друг от друга.

При оценке показаний об отдаленности предметов следователь должен учитывать состояние зрения допрашиваемого, которое влияет на правильность восприятия пространственных отношений. Близорукому человеку вообще трудно правильно определять расстояния. Ему сравнительно близкие предметы будут казаться отдаленными, так как для него они покрыты дымкой, характерной при наблюдении отдаленных предметов.

Отношение времени. Восприятие отношений времени объективных явлений заключается в отражении их: а) последовательности и б) длительности.

Восприятие последовательности явлений в очень большой степени связано с нашими представлениями о настоящем и прошлом, отражающими как объективные, периодически повторяющиеся процессы в природе, например, закономерную смену времени года, смену дня и ночи так и ряд условностей, укоренившихся в нашем сознании в результате многовековой человеческой практики в силу их удобства для определения временных отношений, как, например, разделение календарного года на месяцы, недели и дни, суток — на часы, минуты — на секунды. Восприятие последовательности явлений опирается также на расчлененность одного явления от другого.

Однажды воспринятое явление остается в памяти в виде представления о нем. Если то же явление воспринимается повторно, то это новое восприятие вызывает в нашей памяти представление о бывшем ранее, которое и осознается как прошедшее. Представление о последовательности явлений, опирающееся на обобщение предшествующего опыта, почти всегда бывает правильным. Некоторые ошибки могут быть в представлениях о последовательности давно минувших событий в результате выпадения из памяти отдельных промежуточных представлений. Но если восстановить в памяти выпавшие представления, касающиеся, например, побочных обстоятельств, то это обычно приводит к восстановлению в памяти правильной последовательности событий. Например, следователь задает свидетелю вопрос, когда произошло определенное событие. Свидетель отвечает, что оно имело место год тому назад. Но у следователя имеются основания сомневаться в правильности ответа, так как по имеющимся у него данным оно произошло гораздо раньше. Тогда он должен попытаться помочь свидетелю уточнить свои воспоминания и восстановить последовательность событий. Делается это путем постановки вопросов о побочных, смежных по времени событиях. Например, выясняется, имело ли место это событие до или после встречи Нового года. Допустим, свидетель отвечает, что оно произошло вскоре после встречи Нового года. Тогда следователь задает вопрос, где он встречал Новый год. Свидетель вспоминает это и сообщает следователю. Затем следователь переходит к выяснению вопроса о том, где свидетель встречал Новый год в прошлом году, позапрошлом году и т. д. Постепенно выясняется, что встреча Нового года,

которую имел в виду свидетель, состоялась не в прошлом году, а три года тому назад. Таким образом, уточняется и дата интересующего следователя события.

Знание законов восприятия последовательности явлений имеет важное значение для практической деятельности следователя. Учитывая эти законы, он, встретившись, например, с неуверенностью допрашиваемого по поводу последовательности событий или в случае расхождения этих показаний с другими доказательствами, имеющимися в деле, может помочь свидетелю или обвиняемому восстановить побочные, смежные по времени обстоятельства, характеризующие последовательность событий. Это, как правило, ведет к тому, что допрашиваемый восстанавливает правильную последовательность интересующих следователя фактов.

Восприятие длительности явлений предполагает наличие у человека многих представлений, а именно — о начале явления, о его конце и о промежуточных вехах, если они имеются. Для этого требуются показатели, позволяющие делить время на определенные отрезки. Так, для восприятия длительности переезда на автомашине из Москвы в Симферополь необходимо знать точное время отправления машины из Москвы и прибытия ее в Симферополь. Но если человек не воспринял этих фактов, то для определения длительности переезда имеют большое значение его наблюдения за временем прибытия автомашины в промежуточные пункты между Москвой и Симферополем, местами ночевки, остановками для принятия пищи, длительностью этих остановок и т. д. Все это позволяет ему разделить время переезда на отдельные отрезки и из их суммы составить себе хотя бы приблизительное представление о длительности этого путешествия.

Восприятие времени длительных событий является не восприятием в собственном смысле, а представлением, складывающимся из многих восприятий и их осмысливания. Непосредственно могут быть восприняты, как считают некоторые психологи¹, только очень короткие промежутки времени, не более 0,75 секунды. Во всех других случаях начало и конец события отражаются нами только в нашем представлении о нем, на основании следов ранее

¹ См. П. А. Рудик, Психология, Учпедгиз, М., 1955, стр. 156.

бывших восприятий. Именно поэтому восприятие длительности событий, если только оно не основано на точном знании его начала и конца, как правило, отличается большой неточностью.

Практически доказано, что отрезки времени, заполненные большим количеством интересных событий и активной деятельностью человека, как правило, воспринимаются в настоящем или в недалеком прошлом как очень короткие, и, наоборот, периоды, бедные событиями, не заполненные интенсивным трудом или разнообразными впечатлениями, воспринимаются как очень длительные. В первом случае время «бежит», во втором — «тянется». При этом необходимо учитывать также фактор усталости. Если человек, уставший от какого-либо занятия, продолжает его, то время для него тянется долго. Как раз наоборот воспринимается время в более отдаленном прошлом: богатые событиями отрезки времени кажутся большими, а время, протекавшее однообразно, кажется небольшим, коротким.

Обычно при допросе свидетели переоценивают малые отрезки времени. Они им кажутся более длительными, чем есть на самом деле. Большие же отрезки времени, как правило, недооцениваются. К переоценке длительности больших отрезков времени склонны дети. Это объясняется отсутствием у них жизненного опыта.

Знание законов восприятия продолжительности явлений должно всегда настораживать следователя относительно суждений допрашиваемых о продолжительности события. Исключение могут составлять лишь случаи, когда показания базируются на точном знании календарных дат интересующего следователя события. Но и в этих случаях следует узнать у допрашиваемого, почему эти даты сохранились у него в памяти. Знание законов восприятия отношений времени во многих случаях помогает следователю находить и иногда весьма остроумно применять тактические приемы, помогающие свидетелю или обвиняемому уточнить последовательность или длительность существенных для дела фактов и явлений. Так, весьма полезным для процесса восстановления представления о длительности события является установление промежуточных вех, помогающих делить время на более короткие отрезки и таким путем уточнить его продолжительность.

§ 3. Иные факторы, влияющие на восприятие

Из числа других факторов, влияющих на восприятие, следует остановиться на внимании, адаптации, сенсibilизации и эмоциях допрашиваемого во время восприятия.

В н и м а н и е. Следователь должен всегда учитывать, что внимание имеет исключительно важное значение для восприятия. Чем внимательнее человек относится к предмету или явлению, чем больше он проявляет интереса к нему, тем лучше он его воспринимает, и, наоборот, чем менее он внимателен, тем хуже его воспринимает. При полном отсутствии внимания к тому или иному объекту человек может вовсе не заметить происходящего у него на глазах. Так называемая рассеянность, наблюдаемая у многих людей по отношению к обыденным явлениям, обычно объясняется тем, что их внимание в это время отвлечено и сконцентрировано на других объектах. Например, если идущий по улице человек всецело занят своими мыслями, то он может не заметить уличного происшествия. Больше того, он сам может стать его жертвой.

Физиологически это объясняется тем, что при проявлении большого внимания к какому-либо факту или явлению у человека сильно возбуждены только определенные участки коры больших полушарий головного мозга, в которых дислоцированы корковые отделы анализаторов, непосредственно участвующих в данном восприятии, а все остальные отделы коры заторможены. Поэтому следователь не должен проявлять огульного недоверия к показаниям свидетеля, бывшего на месте происшествия, если тот утверждает, что не заметил интересующего следователя факта.

На внимание человека большое влияние оказывают его жизненный опыт и профессиональная деятельность. Установлено, что человек всегда проявляет интерес и более внимательно приглядывается к тому, что относится к его профессии и что связано с нею. Портной всегда проявляет интерес к покрою платья, его цвету; сапожник — к фасону, размеру и цвету обуви; шофер — к марке и окраске автомашины; художник — к картине и т. д. Еще лучше воспринимаются предметы и явления, наблюдение за которыми входит в непосредственную задачу человека.

Наблюдательность к явлениям природы, как правило, сильнее развита у людей, живущих в сельских условиях, занимающихся сельским хозяйством, охотой и т. п., в силу их особой заинтересованности в этом. Городской житель не всегда ответит на вопрос, какая вчера стояла погода, так как он, как правило, интересуется ею лишь постольку, поскольку, выходя на улицу, должен одеваться, сообразуясь с погодой. Разве только в том случае, если дождь его сильно промочил или снегопад застал одетым слишком легко, городской житель запечатлит в своем сознании состояние погоды на определенный день или час. Сельский житель почти всегда безошибочно ответит, было ли в то или иное время сухо, или шел дождь, снег, было ли солнечно или облачно, холодно или тепло и т. д.

Охотник скорее кого-либо другого обратит внимание на следы, имеющиеся на земле. Эти особенности должны быть учтены следователем при допросе лиц.

Среди фактов, связанных с вниманием, иногда помогающих, а иногда мешающих правильному восприятию, следует отметить несоответствие наблюдаемого события обычному, естественному или логическому ходу развития подобных событий. В ряде случаев необычный характер факта или явления может вызвать обостренное внимание к себе и ярко отразится в сознании наблюдателя. Но в других случаях, если свидетель почему-либо не обратил внимания на нетипичность факта или явления, он часто воспринимает его ошибочно, в соответствии с обычным течением подобных фактов или явлений, известных свидетелю из жизненного опыта. В следственной практике известны случаи, когда свидетели, привыкшие видеть дверь складского помещения закрытой на замок и понимающие, что по логике вещей склад в нерабочее время должен быть запертым, утверждали на допросе, что и в день совершения преступления дверь склада была на замке, хотя на самом деле замок был взломан преступниками и на обычном месте его не оказалось.

При оценке полученных показаний следователю необходимо учитывать такой фактор, как адаптация.

Адаптация заключается в том, что при непрерывном и длительном воздействии на человека какого-либо раздражителя рецепторы анализаторов приспосабливаются к нему, в результате чего снижается интен-

сивность нервных возбуждений, передаваемых от рецепторов к коре больших полушарий головного мозга. В некоторых случаях ощущения могут и вообще исчезнуть. Из практики известно, например, что человек, длительное время находящийся под воздействием какого-либо запаха, перестает его замечать. Это и есть адаптация к длительно действующему запаху. Человек, долго проживающий в комнате, куда проникают уличные шумы (например, звуки моторов и колес проходящих под окнами трамваев, грузовых машин) или производственные шумы расположенных поблизости фабрик, заводов, аэродромов, в конце концов, перестает их замечать. Вначале шумы ему мешают, отвлекают его, не дают читать, писать, будят по ночам, но постепенно человек привыкает к шумам, становится к ним безразличным. Это — адаптация к длительно действующим звукам.

В других случаях адаптация выражается в повышении чувствительности рецепторов после их приспособления к неблагоприятным условиям восприятия. Например, при переходе из света в темноту мы сначала совсем не различаем предметов вокруг нас. Но через некоторое время глаза приспособляются к темноте, и мы начинаем довольно ясно различать предметы.

Знание законов адаптации помогает следователю критически относиться к показаниям об ощущениях, переживаемых в результате длительного воздействия определенных раздражителей на рецепторы анализаторов. Так, например, если свидетель продолжительное время находился на месте пожара, то он может привыкнуть к специфическому запаху, который иногда возникает при поджоге с применением каких-либо горючих веществ. Такой свидетель в дальнейшем может заявить, что никакого запаха не было. К его показаниям следует отнестись критически и допросить по этому вопросу других свидетелей, которые находились на месте пожара незначительное время, а поэтому скорее могли почувствовать запах, издаваемый каким-либо горючим веществом. Если свидетель дает показания о событиях, наблюдавшихся им в темноте, следователь должен выяснить, как долго до этого он находился в темноте, для того чтобы иметь возможность оценить достоверность его показаний.

Сенсибилизация. Сенсибилизацией в психологии называется искусственное повышение общей чувстви-

тельности анализаторов (органов чувств) под воздействием определенных раздражителей, действующих на кору больших полушарий головного мозга. Например, если человек принял кофеин, у него усиливается нервная деятельность коры больших полушарий головного мозга, вследствие чего активизируется чувствительность ряда анализаторов, как-то: слуховых, зрительных, осязательных и др., и соответствующие ощущения начинают протекать более ясно и отчетливо, чем в обычных условиях.

Иногда чувствительность одних анализаторов повышается под влиянием одновременной деятельности других анализаторов. Например, при раздражении глаз светом средней интенсивности, наиболее благоприятно действующим на зрение, одновременно повышается и чувствительность к звукам. И обратно: если длительно воздействовать на слух звуками средней интенсивности, то одновременно увеличиваются и острота зрения и световая чувствительность. Такие же явления замечены и при одновременном или почти одновременном раздражении других анализаторов. Определенные дозы сахара (вкусовое раздражение) повышают чувствительность зрения. Ощущение холода средней степени повышает слуховую и зрительную чувствительность, а ощущение тепла свыше $25-30^{\circ}\text{C}$ ее снижает.

Чувствительность анализаторов иногда значительно повышается вследствие того, что они длительное время отдыхали. Так, во много раз увеличивается чувствительность глаза к свету, если до этого человек в течение некоторого времени находился в темноте.

Проверяя достоверность свидетельского показания, иногда бывает важно уяснить себе обстоятельства, которые могли вызвать повышенную чувствительность анализаторов, запечатлевших в сознании предметы или события, которые не могли бы быть восприняты в нормальных условиях.

Эмоции. Следователь должен учитывать эмоции допрашиваемого, пережитые им в момент восприятия. Известно, что очевидцы преступлений, и в первую очередь потерпевшие, часто переживают сильный испуг. Эмоция страха влияет на восприятие в том направлении, что пережитая опасность преувеличивается. Народная мудрость совершенно верно отмечает, что «у страха глаза велики». Преувеличение усиливается, если собы-

тия разыгрались в темноте. Ночью под влиянием испуга со значительным преувеличением воспринимаются размеры людей, вещей. Потерпевшему от разбойного нападения, совершенного подростками, вооруженными перочинными ножами, нападавшие иногда представляются бандой верзил, угрожавших ему финскими ножами.

Угнетенное состояние в момент восприятия, вызываемое, например, горем или стыдом, притупляет остроту ощущений. Все внимание очевидца концентрируется на лично переживаемом чувстве, и он может вообще не заметить ряда существенных обстоятельств, которые не ускользнули бы от него, не будь он поглощен своими личными переживаниями. И наоборот, в минуты душевного подъема ощущения человека приобретают особую яркость, красочность, отчетливость и выразительность. В такие мгновения воспринимаются малейшие детали события, причем каждая из них запечатлевается ясно и четко.

Знание этих психологических законов восприятия необходимо следователю. При допросе он должен выяснить и проанализировать переживания свидетеля, потерпевшего или обвиняемого, сопоставить его эмоции с пережитым событием и решить, соответствует ли одно другому. Для анализа переживаний допрашиваемого иногда нужно выяснить, какие действия были им произведены под впечатлением переживания и соответствуют ли его действия этой эмоции. Если следователь убедился в том, что переживание действительно имело место, он может оценить данное показание, решить, в какой степени он может доверять ему, нет ли необходимости собирать другие доказательства в целях внесения поправок в оценку события, даваемую свидетелем. Иногда удается в самом ходе допроса внести поправку в искаженное восприятие допрашиваемого и уточнить данное им показание. Преувеличенное восприятие человека, пережившего испуг, можно корректировать при помощи тактического приема сопоставления. Если потерпевший утверждает, что напавший на него грабитель был высокого роста, следует тут же предложить допрашиваемому сравнить рост преступника с его собственным ростом и сказать, кто из них выше и намного ли. При этом сравнении свидетель нередко убеждается в том, что его представление о высоком росте грабителя является ошибочным. Для сравнения можно использовать не только рост потерпевшего, но и от-

дельные предметы, находящиеся на месте происшествия, как-то: шкаф, дверь, калитку. Такое сравнение целесообразно производить в тех случаях, когда преступник стоял, а потерпевший сидел или лежал, так как в этих случаях у допрашиваемого отсутствуют условия для непосредственного сравнения роста преступника с собственным ростом.

§ 4. Память (запоминание и воспроизведение)

Общие указания. Памятью называется умственная деятельность, выражающаяся в закреплении восприятий, их сохранении и последующем воспроизведении того, что запечатлелось в сознании человека.

Память в значительной мере участвует уже в процессе восприятия. Всякое восприятие предполагает осмысливание того, что воспринимается, а это возможно только при участии воспроизведенных в памяти представлений из прошлого опыта.

Физиологической основой памяти являются временные нервные связи, процессы их образования, сохранения и оживления, пластичность нервной системы.

Как уже отмечалось, любой нервный процесс, вызванный внешними раздражителями, приводит к возбуждениям и торможениям соответствующих участков коры больших полушарий головного мозга. Эти процессы оставляют в нервной ткани как бы «следы» в виде определенных функциональных изменений. «Следы» в нервной ткани позволяют повторно вызвать аналогичные возбуждения и торможения даже при отсутствии внешних раздражителей. Физиологические процессы в коре больших полушарий головного мозга при воспоминании аналогичны процессам, происходящим при восприятии. Таким образом, при воспроизведении в памяти образов, воспринятых и запечатлевшихся в прошлом, оживляются или возобновляются временные связи, образовавшиеся в свое время в коре больших полушарий головного мозга при восприятии.

Представления о предметах и явлениях, хорошо нам известных, возникают в сознании в результате многочисленных восприятий этих предметов и явлений в различных условиях и в различное время. Такие представления являются более полными и верными, чем каждое из восприятий в отдельности. Но при воспроизведении обвиняе-

мым или свидетелем каких-либо событий в процессе допроса следователь редко встречается с такими полными представлениями, так как допрашиваемый обычно воспроизводит факты, воспринятые им только однократно. Но далеко не все стороны предмета или явления, отраженные в сознании человека при однократном восприятии, одинаково хорошо запечатлеваются в памяти. Крепко запечатлевается лишь то, что возбудило внимание, интерес наблюдавшего лица или поразило его своей необычностью. Остальное не оставляет следов в памяти, улетучивается. Отсюда и неполнота воспроизведения, наблюдаемая в показаниях самых добросовестных свидетелей.

Память является сложным психическим процессом, в котором необходимо различать запоминание или запечатление в форме представлений воспринятых предметов и явлений; сохранение или удержание в памяти запечатленных предметов явлений и воспроизведение их.

Разные люди по-разному запоминают. Одни лучше запоминают зрительные или слуховые образы. Другие лучше запоминают смысл прочитанного в книге или в газете. В зависимости от того, что именно мы запоминаем, память подразделяется на образную, двигательную, словесно-логическую и эмоциональную.

Образная память состоит в запоминании и воспроизведении конкретных наглядных представлений о воспринятых ранее предметах и явлениях. Этот вид памяти, в свою очередь, подразделяется на зрительную, слуховую, обонятельную, тактильную (осязательную) и др., в зависимости от анализаторов, преимущественно участвовавших в восприятии этих предметов и явлений.

Двигательная память заключается в запоминании и воспроизведении различных движений, сделанных человеком. Она играет большую роль в образовании и усовершенствовании трудовых навыков, когда человек достигает автоматизации полезных движений, необходимых для производства какой-либо трудовой операции. Двигательная память иначе называется моторной памятью.

Словесно-логическая память состоит в запоминании и воспроизведении общих словесных понятий, например, содержания услышанного рассказа или прочитанного письма.

Эмоциональная память состоит в запоминании и воспроизведении пережитых ранее чувств, например, испуга, возмущения, горя, радости и т. д.¹

Следовательно приходится считаться со всеми видами памяти. Он должен знать, что у некоторых людей могут быть хорошо развиты все виды памяти, у других лишь некоторые из них, наконец, у третьих все виды памяти могут оказаться слабо развитыми. Следовательно должен учитывать это при выборе тактических средств для оживления воспоминания, используя те из видов памяти, которые у допрашиваемого наиболее развиты. Более подробно об этом будет сказано в главе II, § 3.

Память можно развить. У людей различных профессий развивается профессиональная память. Как правило, у художников — отличная зрительная память, у музыкантов — слуховая, у математиков и счетных работников вырабатывается отличная зрительная и словесно-логическая память на цифры. Профессиональную память допрашиваемых следовательно должен использовать в интересах раскрытия преступления. В следственной практике известен случай, когда очевидец автомобильной аварии, бухгалтер по профессии, сохранял в памяти в течение целого месяца номер автомашины, скрывшейся с места происшествия.

Запоминание делится на произвольное и непроизвольное. Произвольным называется запоминание, когда человек специально прилагает усилия к тому, чтобы запомнить какие-либо необходимые ему факты. Если для запоминания никаких усилий не прилагается, то оно будет называться непроизвольным. Произвольное запоминание укрепляется путем повторения, заучивания, записи на бумагу. Такое запоминание гораздо надежнее непроизвольного. Следовательно при допросе свидетелей приходится главным образом встречаться с непроизвольным запоминанием, так как допрашиваемый, как правило, не знает о том, что его в будущем попросят рассказать о предметах или явлениях, которые он наблюдал, и поэтому он не принимает меры к их закреплению в памяти. Но когда человек предвидит, что его может вызвать следователь и спросить об этом факте, он старается его запом-

¹ См. А. В. Запорожец, Психология, Учпедгиз, 1953, стр. 79—81.

нить (например, название улицы и номер дома, около которого произошло ограбление, номер автомашины, совершившей наезд, номер доверенности, которая оказалась подложной), тогда налицо произвольное запоминание.

При произвольном запоминании объем, продолжительность и степень сохранения в памяти воспринятых образов зависят от четкости и полноты восприятия, а это, как уже отмечалось, зависит от степени внимания и интереса человека к воспринимаемым предметам или явлениям. Кроме того, это зависит и от заинтересованности лица сохранить воспринятое в памяти, от того, думал ли человек в дальнейшем о виденном, рассказывал ли он кому-нибудь о происшедшем.

Человек, умышленно совершивший преступление, дольше и лучше чем свидетели помнит свои действия и обстоятельства, при которых они были совершены. Целенаправленность умысла и произведенных в связи с этим действий обуславливают внимание преступника к тому, что он делал. Желание остаться безнаказанным заставляет преступника не раз возвращаться впоследствии к мыслям о совершенном преступлении и обдумывать пути уклонения от ответственности. Это закрепляет в памяти обвиняемого воспринятые предметы и явления, относящиеся к преступлению. Именно поэтому преступник лучше чем кто-либо другой в состоянии точно воспроизвести обстоятельства совершенного им преступления.

То, что запечатлелось и сохранилось в памяти, со временем постепенно исчезает, у одних быстрее, у других медленнее. Это называется **забыванием**. Забывание связано с явлениями торможения в коре больших полушарий головного мозга.

Интенсивность забывания зависит:

а) от силы впечатления, которое оставили воспринятые предметы или явления. Дольше не забываются события, непосредственно касающиеся того, кто их пережил. Например, потерпевший дольше помнит приключившееся с ним, чем посторонний очевидец.

От характера человека зависит, запоминает ли он более прочно приятные или неприятные факты. Люди с жизнерадостным характером скоро забывают случившиеся с ними неприятности и долго помнят приятные события своей жизни. Наоборот, люди с пессимистическим складом

характера склонны дольше помнить несчастья, беды, неприятности и быстро забывают радостные, приятные события;

б) от усилий человека удержать факт в памяти;

в) от времени, прошедшего с момента события. Люди молодые и среднего возраста несравненно лучше сохраняют в памяти свежие события, чем пожилые и старые. Дети склонны к быстрому забыванию, особенно если факты или явления запечатлелись в их сознании непроизвольно, что объясняется поверхностностью детских восприятий;

г) от наличия дефектов памяти, например, амнезии (выпадения памяти), появляющейся в результате инфекционных заболеваний или старческого склероза мозга. Старики со склеротическими изменениями сосудов головного мозга быстро забывают события последнего времени, сохраняя в памяти события, имевшие место в молодости. Например, до глубокой старости человек помнит своих школьных товарищей или стихотворения, заученные в детстве. В то же время многие старые люди забывают, что с ними случилось сравнительно недавно.

Как правило, более полным и достоверным будет то воспроизведение, которое как можно ближе по времени примыкает к моменту восприятия. Этим и объясняется тактическое требование приблизить момент допроса к моменту события, о котором ведется допрос.

Опыт, однако, показывает, что не всегда воспроизведение, непосредственно следующее за восприятием, является наиболее правильным и достоверным. В некоторых случаях, когда восприятие связано с сильными переживаниями, более правильным будет несколько отсроченное воспроизведение, так как при этом воспринятое в значительной степени очищается от субъективного, навеянного эмоциями. Поэтому целесообразно дать свидетелю прийти в себя после пережитого, прежде чем вызвать для дачи показаний.

Следователь должен учитывать, что некоторые люди борются с забывчивостью, делая записи по интересующим их фактам. Чаще всего такие записи делаются по вопросам, имеющим значение для профессиональной деятельности данного лица: на листках календаря записывается, что необходимо сделать по работе в определенный день, в записных книжках отмечаются дни и часы предстоящих

собраний, заседаний, записываются нужные адреса, номера телефонов и т. д. Сохранившиеся у свидетелей или обвиняемых записи, касающиеся определенного события (письма, дневники, черновые наброски, записные книжки), могут быть осмотрены следователем и предъявлены допрашиваемым для «освежения памяти». Такие записи могут быть приобщены к делу.

Для следственной практики особенное значение имеет процесс воспроизведения, поэтому на нем следует остановиться более подробно.

Воспроизведение предметов, явлений, событий может протекать в двух различных формах — узнавания и воспоминания. Когда мы зрительно воспринимаем вновь предмет, который видели раньше, то мы его узнаем. Предмет кажется нам знакомым. Воспоминание возникает в тех случаях, когда предмет, к которому оно относится, отсутствует и не воспринимается в данный момент органами наших чувств.

В следственной практике нам приходится встречаться с обеими формами воспроизведения. Допрашивая человека о фактах, воспринятых им в прошлом, мы стремимся вызвать в нем воспоминания. Когда мы предъявляем свидетелю документы или вещественные доказательства, или приводим его на место происшествия, или предъявляем ему для опознания людей, трупы, вещи, фотоснимки — мы способствуем воспроизведению ранее воспринятых им предметов или явлений путем узнавания. В процессе воспроизведения у человека возникают более или менее наглядные образы людей, вещей, событий, которые он воспринимал в прошлом. Наглядные образы воспринятых ранее предметов и явлений, возникающие при воспроизведении в сознании человека, называются представлениями. Представления могут быть зрительными, слуховыми, двигательными и другими, соответственно тому, какие анализаторы имели преобладающее значение при восприятии данного предмета или явления.

При запоминании и воспроизведении устанавливаются связи между воспринятыми предметами и явлениями. В психологии эти связи называются ассоциациями или ассоциативными связями. Физиологически ассоциации объясняются тем, что если два раздражителя действуют на кору больших полушарий головного мозга одновременно или непосредственно друг за другом, то между оча-

гами возбуждения создаются нервные связи, а при позднейшем оживлении одного раздражителя, возбуждающего один очаг в коре, одновременно наступает возбуждение и второго, связанного с ним очага.

Когда два факта связаны между собою по времени (одновременно воспринятые или воспринятые непосредственно один за другим), по местонахождению (смежность пространства), по причинной связи, по сходству, по контрасту и по другим признакам и один факт почему-либо забыт, то, если вызвать воспоминание о другом, связанном с ним факте, человек может вспомнить забытый факт по имеющимся ассоциативным связям. Это называется воспоминанием по ассоциации. Ассоциативным процессом, в частности, объясняется, что на допросе некоторые лица, сиюсь вспомнить какие-либо забытые факты, начинают рассказ издалека, постепенно подходя к фактам, которые им предложено вспомнить. Они сначала воспроизводят предшествующие смежные факты, а потом по ассоциации восстанавливают в памяти и забытые ими факты, важные для следствия. Иногда допрашиваемому приходится перебрать в памяти ход событий целого дня, чтобы вспомнить какую-либо незначительную, но важную для дела деталь. Некоторые следователи в таких случаях прерывают рассказ допрашиваемого и требуют от него держаться ближе к делу. Это вредно для показаний допрашиваемого, так как мешает ассоциативному процессу и не дает человеку возможности вспомнить нужные для дела факты.

Знание психологических законов памяти помогает следователю избрать нужные тактические приемы допроса, направленные на восстановление в памяти забытых фактов и явлений. Более подробно об этих тактических приемах будет сказано в главе второй.

Следователь должен иметь в виду, что процесс воспроизведения свидетелем ранее воспринятых им предметов и явлений во многом зависит от психического состояния допрашиваемого в момент воспроизведения. Спокойное, уравновешенное психическое состояние допрашиваемого лучше всего способствует правильному воспроизведению. Поэтому успех допроса в значительной степени зависит от обстановки допроса.

Допрос лучше всего вести один на один, чтобы допрашиваемый не стеснялся присутствия посторонних.

Обстановка допроса должна быть максимально спокойной, не раздражающей и не отвлекающей допрашиваемого. Лучше всего, если убранство кабинета следователя является скромным и строгим. Успокаивающе действует на допрашиваемого внимательное отношение к нему следователя, который, не перебивая, выслушивает его рассказ и не отвлекается в это время (телефонные звонки, приход посторонних лиц). Успокоить взволнованного свидетеля иногда помогает краткая беседа на постороннюю тему, не имеющую никакого отношения к делу. Следует, однако, иметь в виду, что далеко не во всех случаях целесообразно успокаивать свидетеля или обвиняемого, когда он волнуется. Иногда взволнованное состояние допрашиваемого способствует получению от него наиболее полных и искренних показаний. Это зависит от характера человека.

Чем спокойнее при допросе следователь, тем спокойнее и допрашиваемый. Стоит следователю потерять равновесие, как это сразу же отзывается на душевном состоянии допрашиваемого. Некоторые обвиняемые или свидетели умышленно раздражают следователя и, пользуясь утратой им спокойствия, сбивают с планомерного допроса и таким образом избавляются от ответов на неприятные для них вопросы.

На психическое состояние допрашиваемого влияет тон разговора следователя. Для него не безразлично, вежлив следователь или груб, насторожен или настроен иронически. Имеет значение также и внешний облик следователя, его подтянутость, опрятность, аккуратность. Но как бы ни был вежлив следователь, каким бы спокойным тоном он ни разговаривал с допрашиваемым, нужно учитывать, что человек, особенно если он впервые допрашивается, в какой-то мере волнуется. Это мешает нормальному воспроизведению известных ему фактов. В следственной практике известны многочисленные случаи, когда свидетель, прекрасно знающий вопрос, о котором его спрашивают, и желающий дать исчерпывающие, правдивые показания, попав в кабинет следователя, неожиданно для себя теряется. Из его памяти выпадают факты, которые он отлично помнил, когда шел на допрос. Еще в большей мере эти временные выпадения памяти свойственны обвиняемым, у которых гораздо больше оснований для волнения. Выйдя из кабинета следователя и попав в привычную

обстановку, допрошенное лицо, как правило, тут же вспоминает упущенные им факты и часто досадует на себя за то, что не сообщило о них следователю. Часто из-за своей застенчивости он не решается вторично явиться к следователю по собственной инициативе и сообщить о пробелах в своих показаниях. Поэтому следователю рекомендуется в нужных случаях, прощаясь с допрошенным лицом, говорить ему в виде напутствия: «если вспомните еще что-либо по делу, то сообщите — напишите или приходите».

При допросе обвиняемого правильному воспроизведению известных ему обстоятельств дела мешает защитный импульс, действующий подчас подсознательно. Если даже у обвиняемого нет цели скрыть от следователя правду, он, воспроизводя те или иные невыгодные для него факты, бессознательно старается пригладить их, дать им более мягкую оценку, выставить себя и свои действия в более выгодном свете, облагородить мотивы совершенных действий. Тут от следователя требуется чуткость, чтобы уловить действие защитного импульса, и умение устранить причины, усиливающие его действие.

Четкость и правильность воспроизведения зависят также от умения допрашиваемого четко и правильно формулировать свои мысли, правильно изложить то, что он воспринял и запомнил. Практике известны случаи, когда допрашиваемый в своем рассказе и в ответах на вопросы употребляет слова и выражения не в их общеупотребительном смысле, придавая им особый, только ему понятный смысл. Иногда это происходит потому, что он плохо владеет языком, на котором его допрашивают. Иной раз это — результат недостаточного общего культурного уровня допрашиваемого. Помочь допрашиваемому четко сформулировать свои показания могут вопросы следователя, направленные на уточнение и разъяснение обстоятельств, которые встречаются в показаниях. Они должны быть сформулированы так, чтобы соответствовали уровню знаний и общему культурному развитию допрашиваемого.

На правильность воспроизведения влияют еще три психологических фактора:

- 1) воображение (фантазия);
- 2) темперамент и характер допрашиваемого;
- 3) внушение.

На этих факторах следует остановиться более подробно.

Воображение. Воображение (фантазия) играет значительную роль в процессах восприятия, запоминания и воспроизведения.

В психологии воображение определяется как деятельность сознания, которая выражается в преобразовании имеющихся в человеческом сознании представлений, накопленных в процессе жизненного опыта, и создания из них новых представлений.

Физиологической основой воображения является оживление в коре больших полушарий головного мозга человека ранее образовавшихся связей и преобразование их в новые сочетания.

Материалом для деятельности воображения служат представления. В процессе деятельности воображения человек изменяет сохранившиеся в памяти представления, комбинирует их и в результате этого создает новые представления, которых он раньше не имел. При такой переработке представлений воображение, создавая новые образы, может увеличивать или уменьшать представляемые предметы, видоизменять их, сочетать в самых причудливых комбинациях.

Деятельность воображения заметно усиливается в тех случаях, когда жизненные условия создают у человека потребность в восполнении имеющихся у него представлений. Такая потребность нередко возникает и у допрашиваемого.

Как уже отмечалось, человек, наблюдающий какой-либо предмет или явление, не в состоянии воспринять его целиком, во всех его свойствах, так как имеются части предмета или явления, которые в момент восприятия недоступны его органам чувств и не действуют на рецепторы анализаторов. Но человек, как правило, стремится к тому, чтобы познать предмет или явление во всей его полноте. Неполноту восприятия человек обычно восполняет представлениями, основанными на воспоминаниях об аналогичных предметах или явлениях, воспринятых им ранее или о которых он читал или слышал. Чем лучше человек знаком с аналогичными предметами или явлениями, тем легче он восполняет пробелы своего восприятия представлениями о том, какими могли бы быть наблюдавшиеся им предметы или явления. Однако такие представления не всегда совпадают с тем, как выглядели в действительности наблюдаемые предметы или явления.

Когда человека допрашивают об определенном факте, неполнота его представлений еще больше увеличивается вследствие того, что он забывает отдельные детали. Между тем перед человеком поставлена задача вспомнить и описать предмет или явление. Человек искренне хочет помочь следователю создать цельную картину события или предмета. И вот тут вступает в действие воображение. Наряду с изложением фактов, действительно воспринятых человеком при наблюдении описываемого события, он приводит факты из жизненного опыта. Иной раз пробелы восприятия и памяти о непосредственно виденном и слышанном восполняются сведениями, которые человек узнал от третьих лиц или по слухам.

Значение воображения для формирования показаний можно проиллюстрировать следующим примером из следственной практики. Двое прохожих зимней ночью на улице задержали управдома Андреева в тот момент, когда он склонился над потерпевшим Борисенко, раненным в живот. Оба свидетеля утверждали, что видели, как Андреев с ножом в руках гнался за потерпевшим, потом подбежал к нему вплотную, после чего Борисенко упал. В этот момент они оттолкнули Андреева от потерпевшего, повалили его в снег, схватили и скрутили ему руки. Ножа они у Андреева не нашли и решили, что, по-видимому, он успел его выбросить в снег. Потерпевший Борисенко был в бессознательном состоянии.

При задержании Андреев заявил, что не он ранил Борисенко и что вообще у него не было ножа. Обстоятельства дела он изложил следующим образом: ночью Андреев стоял у ворот своего дома, в руках держал большой ключ от калитки, так как он только что перед этим вошел во двор вернувшегося домой жильца. Ключ был новый, блестящий. В это время из калитки выскочил незнакомый ему молодой человек без пальто и без шапки, который, держась руками за живот и крикнув «зарезали», бросился бежать по улице (как он потом узнал, это был Борисенко). Борисенко, пробежав метров 50, упал. Когда Андреев подбежал к нему и склонился над упавшим, он увидел кровь на одежде и на снегу. В этот момент Андреев был сбит с ног сильным ударом по голове и схвачен за руки двумя свидетелями.

Ни нож, ни ключ не были обнаружены при осмотре места происшествия. По-видимому, предмет, бывший в

руках у Андреева, выпал в момент, когда свидетели его свалили с ног, и был затоптан. Дальнейшее расследование показало, что Андреев совершенно не причастен к преступлению и его показания были правильными.

Как же произошло, что двое свидетелей ошиблись? Они видели в руках Андреева блестящий металлический предмет, каким мог быть и ключ, и нож. Они видели также, как Андреев бежал за потерпевшим, как тот упал. Ввиду быстротечности событий свидетели не уловили последовательности фактов — сначала ли Андреев подбежал к потерпевшему, а затем тот упал, или сначала Борисенко упал, а затем Андреев подбежал к нему. Впоследствии они обнаружили ножевое ранение на животе потерпевшего. Все эти разрозненные факты с помощью воображения свидетели связали в цельную картину, соответствовавшую их представлениям о логическом ходе подобных событий. Следует при этом отметить, что показание о том, что в руках у Андреева находился нож, было внушено одним свидетелем другому, так как в тот момент, когда они задержали Андреева, один свидетель крикнул второму — «отбери у него нож». Второй свидетель, сам не видевший ножа, под влиянием этих слов стал утверждать, что у Андреева в руках был нож.

У взрослых психически нормальных людей воображение в известной мере контролируется жизненным опытом, который удерживает их от сообщения таких фактов, которые вообще не могли быть. По-иному обстоит дело у психопатических личностей и детей: они иногда безудержно фантазируют. Для детей младшего возраста фантазирование является естественным результатом того, что жизнь представляется им игрой, в которой важное место отведено фантазии. Дети старшей возрастной группы часто фантазируют из желания похвастать своей осведомленностью.

Следователь должен знать эти свойства человеческой психики для того, чтобы путем умелого применения ряда тактических приемов, по возможности, устранять фантазию из полученных показаний. Во многих случаях этого удастся достигнуть, если в ходе допроса тщательно выяснять источники осведомленности свидетеля, например, сам ли он видел факт, который передает следователю, или представление об этом факте является продуктом его умозаключения. В других случаях устранить фантазию из показаний допрашиваемого удастся предъявлением других

доказательств (например показаний других свидетелей), убеждающих в том, что допрашиваемый неправильно описывает данный факт, допускает преувеличение или другие искажения. Иногда допрошенное лицо исключает из своих показаний элементы фантазии только после того, как следователь логическими доводами покажет ему, что событие не могло происходить в том виде, в каком его описывает допрашиваемый. Самым верным способом устранения фантазии из показаний является их всесторонняя проверка путем сопоставления с другими доказательствами.

Темперамент и характер. В воспроизведении известную роль играет темперамент человека и его характер.

И. П. Павлов определяет темперамент, как самую общую характеристику отдельного человека, основную характеристику его нервной системы, придающую определенный облик всей деятельности каждого индивидуума¹.

Физиологической основой темперамента являются устойчивые функциональные особенности нервной системы.

С психологической стороны темперамент характеризуется своеобразием эмоциональной возбудимости разных индивидуумов и степенью их подвижности.

У разных людей бывает различная эмоциональная возбудимость, отличающаяся по силе, устойчивости и быстроте ее возникновения. В зависимости от этого различаются четыре типа темперамента:

Сильный, уравновешенный и подвижный тип. Это тип живого человека с быстро возникающей сильной, но недостаточно устойчивой эмоциональной возбудимостью (сангвинический темперамент). У таких людей процессы возбуждения и торможения выражены сильно. У них наблюдается быстрая смена настроений. Психические процессы у них протекают быстро. Они отличаются живостью, горячностью, но они быстро остывают и не склонны к длительной и настойчивой деятельности, если она представляется им однообразной. Они обидчивы, но быстро забывают обиды.

Сильный, уравновешенный, но инерт-

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, т. III, кн. 2. стр. 103.

ный тип. Это тип спокойного, медлительного человека (флегматический темперамент). Эмоциональная возбудимость возникает медленно, но носит длительный, устойчивый характер. Движения медлительные. Люди этого типа не сразу берутся за работу, но, будучи приведенными в деятельное состояние, действуют настойчиво в одном и том же направлении и стремятся довести до конца начатое дело. Чувство обиды у таких людей сохраняется долго.

Сильный, но неуравновешенный тип, у которого преобладают процессы возбуждения над процессами торможения (холерический темперамент). Возбудимость у людей этого типа наступает быстро, отличаясь большой силой, взрывчатостью и устойчивостью. Чувство людей, обладающих таким темпераментом, ярко выражается вовне в усиленных жестах, в живой мимике, в страстной речи, во вспыльчивости, в склонности к резкости. Движения их быстры, энергичны, уверенны. Они отличаются стремлением к постоянному действию. Они быстро берутся за дело и активно действуют, пока не доведут его до конца. Людям этого типа свойственны обидчивость, гнев, причем эти чувства бывают длительными, устойчивыми.

Слабый тип (меланхолический темперамент), для которого характерны слабое возбуждение и слабое торможение. Этот тип отличается медленной эмоциональной возбудимостью, которая к тому же является недолговременной и слабой. У людей с таким темпераментом движения медленные, мимика — невыразительная, жестикуляция почти отсутствует. У них трудно вызвать обиду, гнев, радость. В отношениях с окружающими они мало общительны, плохо вступают в контакт. Их очень трудно расшевелить и вызвать на откровенный разговор. Вследствие слабого торможения они способны долго сохранять в памяти воспринятые предметы и явления.

Следует иметь в виду, что нельзя всех людей уложить в рамки перечисленных выше четырех типов темперамента. Большинство людей должно быть отнесено к промежуточным, смешанным типам, у которых встречаются различные черты разных темпераментов. Классификация таких людей по темпераментам производится на основании преобладающих у них черт.

Темперамент человека меняется под влиянием воспитания и жизненных условий. Он является одним из фак-

торов, на основе которых складывается характер человека.

Под характером в психологии понимаются основные свойства человеческой личности, определяющие волевою активность человека, его отношение к окружающему миру и к самому себе. Черты характера являются не случайными проявлениями личности, а устойчивыми особенностями в поведении человека, ставшими свойствами этой личности. Характер бывает общительный и замкнутый, правдивый и неправдивый, смелый и трусливый, целенаправленный и разбросанный, принципиальный и непринципиальный, инициативный и инертный, дисциплинированный и недисциплинированный, чуткий и нечуткий, решительный и нерешительный и т. д.

Следователь должен знать свойства темперамента и характера, чтобы при допросе иметь возможность их распознавать и использовать для успешности допроса. Легко установить правильные отношения с допрашиваемым, если характер у него общительный, жизнерадостный и правдивый. Допрос такого человека, как правило, не представляет трудностей для следователя. Труднее войти в доверие к человеку с необщительным, замкнутым характером. Легко получить связный рассказ от свидетеля с целенаправленным характером и труднее от того, кто страдает разбросанностью. Человека с разбросанным характером все время надо направлять вопросами, не давать ему уходить далеко в сторону от главной темы допроса.

От темперамента в значительной мере зависят психические эмоции допрашиваемого при воспроизведении. К человеку с меланхолическим темпераментом следователь при допросе, как правило, должен проявлять много терпения и настойчивости для получения полного показания об известных допрашиваемому фактах. Склонность к быстрой смене настроений у людей с сангвиническим темпераментом в ряде случаев может быть использована следователем при допросе для того, чтобы создать у допрашиваемого настроение, наиболее благоприятствующее получению правдивых показаний и использовать его в интересах раскрытия истины. Склонность ко взрывам у людей с холерическим темпераментом иногда может быть успешно использована во время очных ставок, где под влиянием обиды или гнева они часто сообщают правду о тех фактах, которые упорно скрывали.

Внушение. Внушением в психологии называется одна из форм психического воздействия одного человека на другого, характеризующаяся некритическим усвоением последним передаваемых ему мыслей, чувств, желаний, поступков.

Основным средством внушения, оказываемого одним человеком на другого, является речь — устная или письменная. Но внушающее воздействие может оказывать не только речь человека, но и отдельные ее элементы: при устной речи — понижение или повышение голоса, изменение интонаций, отдельные обороты речи, применяемые с целью оказания внушающего воздействия; при письменной речи — разрядка и подчеркивание отдельных слов. Внушать может жест, взгляд.

Внушению подвержен в известной мере каждый человек. Но у одних людей, например у слабовольных или у детей, подверженность внушению большая, а у других — меньшая. Усилению внушаемости способствуют переживаемые человеком эмоции — волнение, страх, гнев. Чувства любви, дружбы, уважения к определенному лицу также способствуют усилению внушаемости по отношению ко всему, что касается этого лица.

Внушение играет большую роль в формировании свидетельских показаний. С внушением следовательно приходится считаться в тех случаях, когда в период между событием и первым допросом этот свидетель разговаривал с разными лицами о происшествии и выслушивал при этом различные предположения о случившемся. Нередко такие разговоры умышленно ведут со свидетелями лица, совершившие преступление и находящиеся еще на свободе, или их родственники с целью навязать свидетелю свое мнение. Эти разговоры, откладываясь в сознании свидетеля, незаметно для него самого оказывают внушающее воздействие, и нередко это внушение проявляется при воспроизведении свидетелем того, что он знает о случившемся. Такое внушающее воздействие может оказаться особенно сильным в тех случаях, когда оно касается таких сторон события, которые не запечатлелись достаточно четко в памяти свидетеля.

В этих случаях свидетель дает показания не только о том, что он сам видел или слышал, но и о том, что ему было внушено разговорами лиц, интерпретировавших данное событие.

При допросе свидетелей и обвиняемых определенную роль играет внушение со стороны следователя. Некоторые свидетели, недостаточно твердо помнящие факты, о которых они должны рассказать, легко догадываются по содержанию вопроса следователя, его реплик, по характеру интонаций его голоса и жестов, какой ответ был бы желателен следователю, и идут навстречу угаданным желаниям. Вот почему чрезвычайно важно, чтобы следователь постоянно помнил об опасности внушения свидетелям тех или иных показаний и что особую опасность в этом отношении представляют наводящие вопросы, то есть вопросы, содержащие готовый ответ на поставленный вопрос. Некоторые свидетели и обвиняемые, хотя и не страдают повышенной внушаемостью, все же охотно подтверждают наводящие вопросы, так как эти вопросы психологически помогают им скорее прийти к концу допроса, иногда тягостного для них.

В следующих главах работы будет изложена наша точка зрения о допустимых пределах пользования следователем наводящими вопросами при допросе свидетелей и обвиняемых.

Рассматривая вопрос о внушении в воспроизведении, необходимо специально остановиться на психологии повторных допросов. Дело в том, что в следственной практике часто встречаются повторные допросы свидетелей и обвиняемых. Следователь должен учитывать, что при повторном допросе допрашиваемый, и особенно свидетель, в некоторых случаях невольно воспроизводит не то, что он сам непосредственно воспринял, присутствуя при интересующем следователя событии, а запомнившиеся ему суждения, высказанные им же самим на прошлом допросе.

Встречаются свидетели, которые, памятуя о том, что им еще предстоит допрос в суде, прилагают определенные усилия к тому, чтобы запомнить свои показания, данные на предварительном следствии, с тем, чтобы не впасть в противоречие, когда их будут допрашивать в суде. Усилия удержать в памяти свои первые показания дают свои плоды и при повторном допросе на предварительном следствии. Такие свидетели как бы находятся под определенным внушением своих собственных показаний. Они стараются не выходить за пределы того, что показывали на прошлом допросе. Они избегают показаний на темы, которые хотя и затрагивали на первом допросе, но не пом-

няют твердо содержания своих показаний. От этого, естественно, снижается достоверность повторных показаний таких свидетелей, так как в них они преимущественно воспроизводят запомнившиеся им прошлые показания, в результате чего усиливаются искажения действительности, появляются новые пробелы.

Поэтому следователю рекомендуется как можно реже прибегать к повторным допросам свидетелей. Как правило, свидетель должен быть исчерпывающе допрошен на первом же допросе, во время которого должны быть выяснены события во всех деталях, предметы описаны во всех подробностях, чтобы в дальнейшем не понадобилось передопрашивать свидетеля о том же факте из-за неполноты его первых показаний.

Разумеется, нельзя полностью отказываться от повторных допросов свидетелей. Иногда они просто необходимы для успешного расследования преступления. Но надо делать все для того, чтобы максимально ограничить производство повторных допросов. Они допускаются лишь в следующих случаях:

- а) когда выявляются новые обстоятельства, которые не были известны следователю во время первого допроса;
- б) когда выявляются противоречия в показаниях с другими имеющимися в деле доказательствами;
- в) когда появляются сомнения в достоверности или правдивости первых показаний данного свидетеля;
- г) когда нужна очная ставка.

На практике возникает вопрос о допустимости передопроса свидетелей, исчерпывающе допрошенных при производстве дознания. На этот вопрос надо ответить следующим образом: передопрос таких свидетелей допустим и даже необходим в целях контроля, однако следователь должен при этом учитывать влияние предшествующего воспроизведения на вторичные показания свидетелей.

Сказанное ни в какой мере не относится к допросу обвиняемого. Обвиняемый может быть допрошен столько раз, сколько это необходимо. С точки зрения психологии это оправдывается тем, что при повторных допросах обвиняемых нет столь большой опасности наложений памяти, как при допросе свидетелей, нет и столь большой опасности забывания допрашиваемым, поскольку обвиняемый гораздо лучше, чем свидетель, помнит совершенные им действия и обстоятельства их совершения.

ГЛАВА II

ТАКТИКА ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

§ 1. Значение допроса свидетеля

Свидетели допрашиваются при расследовании самых различных видов преступлений. Их показания могут освещать любые факты и обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании, а по некоторым категориям дел, например по делам о хулиганстве, показания свидетелей, наряду с показаниями обвиняемых, являются в ряде случаев единственным видом доказательств. Показания свидетелей, в основном, должны касаться фактов и обстоятельств, относящихся к расследуемому преступлению. Свидетели могут допрашиваться также и о фактах, имеющих значение для характеристики личности обвиняемого.

Свидетельские показания имеют различное значение для расследования преступлений. Иногда они непосредственно устанавливают по делу главный факт. Так, например, потерпевший показал, что его ударил гр-н Николаев, а свидетель — очевидец Аркадьев — подтвердил, что он видел, как Николаев ударил потерпевшего ножом и тот упал. Такие свидетельские показания имеют значение прямых доказательств. Но чаще свидетели удостоверяют не главный факт, а какой-то второстепенный (промежуточный), находящийся в связи с расследуемым преступлением (главным фактом)¹. Такие показания только лишь в совокупности с другими доказательствами могут приводить к выводу о наличии или отсутствии состава

¹ Такие промежуточные факты именуются в нашей литературе доказательственными фактами.

преступления, а также о виновности или невинности данного лица. Так, в приведенном выше примере свидетель Бердашев, шедший впереди потерпевшего и свидетеля Аркадьева, увидел знакомого ему гр-на Николаева, одетого в светло-серый плащ. Тот стоял около дороги за углом здания. Пройдя шагов 150, Бердашев услышал сзади крики: «держи, держи» и, обернувшись, увидел, как какой-то человек в светло-сером плаще бежал от того места дороги, где он перед этим видел гр-на Николаева.

Такие показания свидетелей являются косвенными доказательствами.

Свидетельские показания могут быть первоначальными доказательствами, когда свидетель сообщает о фактах, которые он сам непосредственно воспринял. В ряде случаев свидетельские показания могут быть производными доказательствами, например, если свидетель рассказывает о фактах, которые знает со слов других лиц. Однако нельзя недооценивать значения этих показаний, особенно в тех случаях, когда лицо, являющееся первоисточником сведений, не может быть допрошено, например, оно выбыло из данной местности или потерпевший скончался до прибытия следственных работников, но успел рассказать о случившемся с ним врачебному персоналу.

Показания, данные со слов других лиц, могут иметь важное значение для дела и тогда, когда свидетели — очевидцы преступления — под влиянием каких-либо причин отрицают на допросе, что они знают об имевших место фактах. Лица, которым очевидцы правдиво раньше рассказали о случившемся, могут воспроизвести их рассказ и тем самым помочь установить истину.

Возможны и такие случаи, когда одни и те же показания свидетеля могут иметь значение первоначального и производного доказательства. Так, например, очевидцы излагают объяснения, данные задержанным в момент его задержания. Однако эти его показания отличаются от тех, которые он давал позднее следственным работникам. В этом случае показания свидетеля относительно факта дачи объяснений задержанным являются первоначальным доказательством, а по отношению к фактам, о которых говорил задержанный, те же показания являются производным доказательством.

Показания свидетелей могут иметь большое значение для характеристики личности обвиняемого и степени его опасности, что может сыграть известную роль для определения судом меры наказания. В частности, свидетели могут удостоверить факты, характеризующие производственную и общественную работу обвиняемого (по некоторым делам и потерпевшего), его прошлое, поведение в быту, знакомства и связи.

Допрос свидетелей является эффективным и доступным средством проверки, уточнения и дополнения других имеющихся в деле прямых и косвенных доказательств. В каждом конкретном случае следователь должен проверить, какое отношение имеют те или иные косвенные доказательства к данному преступлению. Свидетельские показания часто позволяют установить наличие или отсутствие такой связи.

Например, продавцы магазинов часто делают для себя неофициальные записи о количестве и сортах товаров, полученных ими от заведующего магазином и проданных ими за день. Такие записи, не подкрепленные показаниями свидетелей, как правило, не могут сами по себе устанавливать какие-либо факты ввиду их лаконичности и условного или замаскированного характера. Но показания авторов записей, расшифровывающие их смысл, могут установить связь записей с расследуемым преступлением. Такие показания вместе с записями могут иметь важное доказательственное значение для установления, например, фактов продажи товаров по завышенной цене, присвоения части денежной выручки.

Для установления относимости косвенных доказательств большое значение могут иметь свидетельские показания понятых, которые присутствуют при обысках, осмотрах и всех иных следственных действиях, содержащих в себе элементы осмотра. Обвиняемые в процессе следствия и особенно при судебном разбирательстве дела иногда пытаются опровергнуть наличие связи между расследуемым преступлением и различными предметами и следами, обнаруженными при осмотрах и обысках. Например, пользуясь тем, что эти предметы и следы описаны в протоколах кратко или недостаточно ясно, обвиняемые ложно приписывают им такие свойства, которые могут указывать на совершенно иное их происхождение или на то, что они не имеют отношения к расследуемому

преступлению. Показания понятых позволяют установить истину и в этих случаях.

Показания свидетелей могут иметь большее или меньшее доказательственное значение в зависимости от того, что именно лицу известно по делу, как проведен допрос и т. п.

Советские граждане при допросе их в качестве свидетелей, как правило, стремятся помочь следователю и суду установить все обстоятельства дела. Однако они могут и не сообщить отдельных известных им фактов, не придавая последним должного значения или не понимая того, что они связаны с расследуемым преступлением. Например, краже из помещения и разбойным нападениям часто предшествует разведка, производимая преступниками. Но потерпевшие и свидетели могут и не рассказать следователю, например, о случаях появления в помещении подозрительных лиц, о разговорах, которые те вели, о проявленном ими интересе к определенным обстоятельствам, хотя они и помнят об этом.

Свидетель может также забыть про отдельные факты или допустить ошибки в их изложении.

Но есть и другая категория свидетелей, которые в силу заинтересованности в исходе дела и по другим причинам могут умышленно умалчивать или искажать в своих показаниях известные им обстоятельства.

Учитывая сказанное, следователь не может ограничиться при допросе простой регистрацией того, что ему сообщит свидетель. Он должен стремиться к наиболее полному и точному выяснению всех обстоятельств дела, действуя при этом, конечно, лишь в рамках закона.

Для этой цели уголовно-процессуальный закон (ст. 162—168 УПК РСФСР)¹ установил обязательные нормы допроса, а криминалистикой в пределах этих норм разработан ряд тактических приемов организации и производства допроса свидетелей, направленных на получение исчерпывающих, максимально точных и достоверных показаний.

¹ Ссылки на статьи УК и УПК РСФСР предполагают и соответствующие статьи уголовных и уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик.

§ 2. Подготовка к допросу свидетеля

Подготовка к допросу свидетеля заключается в изучении материалов дела, в составлении плана допроса, подготовке вопросов свидетелю, а также в вызове свидетеля на допрос и создании нормальных условий для допроса.

Недостаточное знание материалов дела часто приводит к тому, что следователь не задает свидетелю всех нужных вопросов и некоторые обстоятельства остаются невыясненными. В результате свидетелю приходится допрашивать вторично. Такой повторный допрос является нежелательным не только по причинам, отмеченным в гл. I, но и потому, что неоднократный вызов отрывает свидетеля от его производственной работы и нарушает нормальный распорядок его личной жизни.

Необходимо уже в процессе подготовки к допросу установить личные отношения свидетеля к другим участвующим в деле лицам, его материальную или служебную зависимость от того или иного лица, степень заинтересованности в результатах расследования. Эти сведения следователь может в ряде случаев почерпнуть из материалов дознания или прокурорской проверки, а также из сообщений организаций, материалов ревизий, заявлений граждан и иных документов, имеющих в деле.

В случаях, когда, исходя из материалов дела, можно предположить, что свидетель по тем или иным соображениям не будет давать правдивые показания, рекомендуется получить о нем необходимые сведения при допросе других свидетелей или обвиняемых. Поэтому такого свидетеля, как правило, не следует допрашивать первым.

Необходимо всегда учитывать, что допрос свидетеля (так же, как и обвиняемого) лишь тогда дает максимальную пользу для дела, когда следователь сам хорошо разбирается в тех вопросах, которые он хочет выяснить при допросе. Если в материалах дела содержатся неясные для следователя технические термины, ссылки на незнакомые бухгалтерские операции или технологические процессы, то он должен, по возможности, еще до начала допроса уяснить себе их смысл. Для этого следователь может прибегнуть к консультации специалистов и должен ознакомиться с соответствующей литературой. В тех случаях, когда

предстоит, например, допрос по поводу незнакомого следователю технологического процесса, иногда бывает целесообразно лично посетить предприятие, где произошло расследуемое событие, и на месте познакомиться с технологией производства.

Когда следователь не может лично допросить свидетеля, то, давая отдельное поручение другому следственному органу в порядке ст. 126 УПК РСФСР, он должен указать в нем не только полные сведения об обстоятельствах дела и вопросы, подлежащие выяснению, но и об отношении этого свидетеля к расследуемому событию.

Проанализировав материалы дела, следователь должен составить план допроса свидетеля, еще раз просмотрев при этом план расследования дела, чтобы не упустить важные для дела вопросы, которые можно выяснить у данного свидетеля.

Развернутый письменный план необходимо составлять при сложном допросе, особенно по делам, имеющим много эпизодов. В этих случаях целесообразно на отдельном листке записывать факты, по которым должен быть допрошен каждый из свидетелей, и в случае необходимости вопросы, которые должны быть ему заданы. Иногда бывает полезно отметить некоторые данные, касающиеся самого допрашиваемого, если они имеются в материалах дела.

В остальных случаях составлять письменные планы в развернутом виде нет надобности. Например, если свидетель допрашивается по делу, состоящему лишь из одного эпизода, и требуется выяснить один-два сравнительно простых вопроса, следователь может ограничиться составлением краткого перечня вопросов.

Неправильно поступают те следователи, которые, надеясь на свою память, не выполняют этих правил. Они могут забыть допросить свидетеля по какому-либо важному вопросу. Такая опасность, в частности, возникает тогда, когда свидетель неожиданно для следователя сообщает ему какие-либо совершенно новые обстоятельства и факты, которые отвлекают следователя от ранее намеченной линии допроса.

Развернутый письменный план допроса свидетеля рекомендуется составлять по следующей форме:

№ № п/п	Обстоятельства, подлежащие выяснению	Данные, имею- щиеся в деле по этому во- просу, с указа- нием листов дела	Вопросы, кото- рые должны быть заданы свидетелю	Примечание
1	2	3	4	5

В графе 3 плана указываются имеющиеся в деле данные (показания, документы и пр.), касающиеся выясняемого обстоятельства. В этой графе должны быть указаны и те данные, которые могут потребоваться следователю во время допроса для предъявления их свидетелю или оглашения из них выдержек. Тут же указываются листы дела, на которых находятся доказательства. Это позволяет следователю в случае надобности быстро найти их во время допроса, даже если дело многотомное.

При наличии в деле вещественных доказательств и фотоснимков, которые могут быть предъявлены свидетелю при допросе, следователь должен заранее отобрать их с тем, чтобы в случае надобности сразу же предъявить допрашиваемому.

Если предстоит сложный допрос, рекомендуется заранее точно сформулировать вопросы свидетелю и записать их в графу 5 плана в той последовательности, в которой их целесообразно задавать. Последовательность вопросов иногда имеет большое значение. В тех случаях, когда формулировка вопросов и выяснение имеющихся в деле материалов требуют от следователя специальных знаний, он может обратиться к экспертам, которые помогут ему разобраться в деле. Эксперты в случае необходимости могут присутствовать и при допросе свидетеля.

Составленный следователем план носит ориентировочный характер. Он может изменяться в процессе допроса

в зависимости от данных свидетелем показаний. Особенно часто изменяются формулировки вопросов, их количество, последовательность и др. Например, в процессе допроса выясняется, что свидетель дает показания по поводу таких фактов и обстоятельств, выяснение которых не было намечено планом. Следователь вынужден поставить новые вопросы. Иногда же часть вопросов может отпасть, так как свидетель исчерпывающе осветил все обстоятельства, намеченные планом.

Время вызова. В подготовке к допросу немаловажное значение имеет время вызова свидетеля на допрос.

Как правило, свидетель должен вызываться на допрос как можно скорее после события, о котором он допрашивается, пока все воспоминания его еще свежи. Следователь должен, однако, учитывать, что если свидетель (особенно если он является потерпевшим) допрашивается очень скоро после пережитого им потрясения и находится еще под сильным влиянием этих переживаний, он может невольно упустить какую-либо существенную деталь, неправильно указать последовательность событий, преувеличить или иным путем исказить событие под влиянием испуга¹. В отдельных случаях, например, при разбойном нападении, изнасиловании, целесообразно вначале ограничиться получением от потерпевшего самых кратких сведений о случившемся и несколько отложить полный и исчерпывающий допрос.

Место допроса. Следователь чаще всего допрашивает свидетеля там, где в день допроса он ведет следствие, то есть в помещении прокуратуры, сельсовета, колхоза или иной организации, либо на месте происшествия (если там имеются соответствующие условия для допроса).

Способ вызова. Свидетель, как правило, вызывается на допрос повесткой или телефонограммой. Повестка должна вручаться под расписку на втором экземпляре. Телефонограмма объявляется свидетелю под расписку. В случае неявки свидетеля следователь, выяснив, что повестка ему своевременно была вручена или что телефонограмма объявлена и что нет уважительных причин неявки, может, руководствуясь ст. 62 УПК РСФСР, подвергнуть свидетеля принудительному приводу. Однако по тактическим соображениям к приводу следует прибегать лишь в

¹ См. гл. 1, § 3.

крайних случаях, учитывая, что между свидетелем, под-
вергшимся приводу, и следователем вряд ли в дальнейшем
установятся отношения, способствующие эффективности
допроса. Поэтому целесообразно, выяснив предварительно
причины неявки, воздействовать на свидетеля путем не-
посредственного разговора с ним по телефону или через
администрацию, общественные организации того учрежде-
ния или предприятия, где свидетель работает.

В отдельных случаях свидетель вызывается на допрос
по телефону, служебной запиской, письмом, телеграммой
или через соседей и сослуживцев. Следовательно, однако,
должен иметь в виду, что неявка свидетеля по такому вы-
зову не может повлечь за собой принудительного при-
вода.

Выбирая способ вызова свидетеля, следователь дол-
жен учитывать и то обстоятельство, что крайне нежела-
тельно, чтобы о его вызове стало известно лицам, кото-
рые заинтересованы в исходе дела.

Свидетели должны, по возможности, вызываться для
допроса на разные часы дня с тем, чтобы они не теряли
лишнего времени и не могли договариваться между со-
бой о даваемых ими показаниях.

Если один свидетель является к следователю, когда
допрос ранее вызванного лица еще не закончен, необ-
ходимо вновь пришедшего пригласить в кабинет немед-
ленно после ухода допрошенного с тем, чтобы второй сви-
детель не мог узнать перед допросом показания первого.

Нередко следователь сам выезжает для допроса сви-
детелей в ту местность или на то предприятие (учрежде-
ние), где они проживают или работают. Этим экономится
время как следователя, так и свидетелей.

По делам о хищениях, должностных и хозяйственных
преступлениях, а иногда и в других случаях выезд следо-
вателя на предприятие или в учреждение, где совершено
преступление, целесообразен еще и потому, что свидете-
лям для уточнения своих показаний может понадобиться
навести справки по документам учреждения или пред-
приятия.

Встречаются случаи, когда по тактическим соображе-
ниям очень важно скрыть от подозреваемого или обви-
няемого хотя бы на короткое время самый факт вызова
на допрос какого-либо свидетеля. В других случаях целе-
сообразно допросить свидетеля как можно скорее и нео-

жиданно, без вызова его повесткой, во избежание оказа-
ния на него влияния со стороны заинтересованных лиц.
По этим тактическим соображениям свидетеля можно до-
просить по месту его жительства, работы, учебы или вре-
менного пребывания, например в больнице. Допрос по
месту жительства свидетеля непосредственно в его квар-
тире рекомендуется производить лишь как исключение, в
тех случаях, когда свидетель болен или очень стар.

Обстановка допроса. Прежде чем приступить к допро-
су свидетеля по существу события, необходимо создать
условия, максимально способствующие эффективности до-
проса. Прежде всего следует создать такую обстановку,
при которой ничто не отвлекало бы внимания следователя
и свидетеля, не мешало им сосредоточиться и не удержи-
вало бы свидетеля от дачи правдивых показаний. Для
этого нужно, чтобы свидетели допрашивались порознь
(ст. 163 УПК РСФСР) и чтобы в комнате, где произво-
дится допрос, не было посторонних лиц и разговоров, вызо-
вов следователя к телефону. Присутствие в той же ком-
нате других лиц может вызвать у некоторых свидетелей
боязнь огласки, чувство стеснения или стыдливости. Это
особенно сильно проявляется при допросе потерпевших
по делам о половых преступлениях, заражении венериче-
ской болезнью и т. п. Из сказанного вытекает важное тре-
бование — каждый следователь должен иметь отдельный
рабочий кабинет. Оно должно выполняться в пределах
возможности. Например, если нельзя избежать присутст-
вия в той же комнате других работников прокуратуры, то
необходимо обеспечить, чтобы там в момент допроса не
было хотя бы посторонних лиц.

Участие в допросе прокурора, осуществляющего над-
зор за следствием, экспертов и переводчиков не противо-
речит требованию о том, чтобы следователь оставался
со свидетелем наедине. Присутствие экспертов при до-
просах по делам, требующим специальных знаний, может
помочь следователю сформулировать дополнительные
вопросы и уяснить полученные на них ответы.

Если нужно допросить лицо, не знающее языка, на
котором ведется следствие, необходимо предоставить ему
возможность давать показания на его родном языке, при-
гласив для этого переводчика. При допросе глухонемого
или немого следует пригласить лицо, понимающее его
знаки (ст. 140 УПК РСФСР).

§ 3. Общий порядок допроса свидетеля

После явки свидетеля по вызову следователя надо тут же приступить к его допросу.

Начинать допрос следует с проверки самоличности свидетеля (ст. 164 УПК РСФСР). Если следователь лично не знает свидетеля, то его личность необходимо проверить по паспорту или иным документам. Это вызвано тем, что в следственной практике, хотя и редко, но были случаи явки на допрос подставных свидетелей по перехваченным повесткам с целью дачи заведомо ложных показаний по поводу интересующих следствия фактов.

В начале первой стадии допроса следователь должен по возможности полнее познакомиться со свидетелем, вникнуть в его психологию, уяснить себе особенности его восприятия и способность к воспроизведению воспринятых фактов, выяснить со слов свидетеля его отношение к данному делу, к обвиняемым, к потерпевшим и другим лицам. Тут же надо заполнить анкетную часть протокола допроса.

Предупреждая свидетеля об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, следователь должен разъяснить допрашиваемому его обязанность говорить только правду и отобрать от него подписку на протоколе допроса (ст. 164 УПК РСФСР и ст. ст. 95 и 92 УК РСФСР). В зависимости от имеющихся данных о допрашиваемом предупреждение его об ответственности должно носить в разных случаях различный характер и делаться в различной форме. Так, при допросе в качестве свидетеля недостаточно развитого, но добросовестного человека, следователь должен прежде всего добиться, чтобы свидетель правильно понял ответственность только за заведомую ложь в показаниях. При допросе заинтересованного свидетеля следователь должен дать понять, что его показания будут тщательно проверяться и что он в случае дачи заведомо ложных показаний будет привлечен к уголовной ответственности. Но если следователь сделает такое же предупреждение добросовестному свидетелю, то это может его обидеть, оттолкнуть от следователя и препятствовать тем нормальным, деловым отношениям, которые необходимо устанавливать между следователем и свидетелем.

При повторном допросе свидетеля нужно вновь предупредить его об ответственности независимо от того, что он предупреждался об этом при предыдущем допросе.

Следователь должен внушить свидетелю чувство уважения и доверия к следственным органам и, по возможности, расположить его к себе. Все это должно создавать атмосферу откровенности и устанавливать между следователем и свидетелем такие отношения, при которых допрашиваемый искренне желал бы сообщить следователю все известные ему по делу факты. Вместе с тем поведение следователя не должно приобретать оттенка панибратства или тем более заискивания перед свидетелем. Он должен держаться с достоинством, в необходимых случаях проявлять настойчивость и опровергать неправильные утверждения свидетеля.

В некоторых случаях в процессе допроса свидетелю становятся известны такие факты, разглашение которых может повредить ходу дальнейшего расследования. В таких случаях следователь на основании ст. 115 УПК РСФСР имеет право отобрать от свидетеля подписку о неразглашении ставших ему известными материалов следствия, предупредив свидетеля, что за разглашение их он будет привлечен к уголовной ответственности по ст. 96 УК РСФСР. Однако следует иметь в виду, что свидетель может быть привлечен к ответственности лишь за разглашение тех сведений, которые он узнал на допросе, разглашение тех сведений, которые он узнал на допросе, очной ставке, в результате осмотра вещественных доказательств, и не несет ответственности за разглашение сведений, которые ему были известны как очевидцу преступления. Подписка о неразглашении материалов следствия должна отбираться у свидетеля лишь тогда, когда это действительно необходимо.

Далее следователь должен разъяснить свидетелю, для выяснения каких обстоятельств он вызван, и предложить рассказать все, что ему известно о них. Свободный рассказ дает возможность свидетелю сообщить факты, еще неизвестные следствию, или совсем по-иному осветить уже известные факты. Поэтому было бы неправильно исключать стадию свободного рассказа и вести весь допрос свидетеля путем постановки ему вопросов.

Перед началом свободного рассказа целесообразно рекомендовать свидетелю, чтобы он сообщил об известных ему фактах в той последовательности, в какой он

сам о них постепенно узнавал. Это позволяет свидетелю лучше вспомнить детали события и делает свободный рассказ более полным и связным. Такой порядок воспроизведения восприятий целесообразен еще и потому, что свидетель, обычно находящийся впервые в непривычной для него обстановке допроса, часто не знает, с чего и в каком порядке ему следует начать свой рассказ.

Следователь, как правило, не должен перебивать свидетеля, чтобы не мешать ему припомнить ход событий. В отдельных случаях, например, если допрашиваемый сильно отвлекся от темы допроса, следователь может указать ему на это, чтобы вернуть к основной теме, но при этом надо иметь в виду, что иногда отклонение свидетеля в сторону от темы допроса может привести к выяснению неожиданных для следователя и важных для дела фактов. Возможно также, что рассказ свидетеля о фактах, прямо к делу не относящихся, но либо предшествовавших, либо совпадавших по времени с важными для дела событиями, поможет ему вспомнить об этих событиях по ассоциации (см. гл. 1). Поэтому тактически целесообразно, прежде чем дать свидетелю указание, чтобы он держался ближе к делу, убедиться в том, что рассказываемое им не имеет никакого отношения к делу.

В отдельных случаях следователь во время свободного рассказа может попросить свидетеля более подробно и конкретно осветить какой-либо затронутый им факт или обстоятельство. Но это следует делать таким образом, чтобы не прерывать хода воспоминаний свидетеля.

Следователь должен внимательно следить за свободным рассказом и делать себе краткие заметки в плане допроса или на чистом листе бумаги. Заметки следует делать не только о сообщаемых свидетелем фактах, но и о замеченной следователем неполноте, неясности, неконкретности, о противоречиях в его показаниях или об их расхождении с другими данными дела, а также о тех фактах, которые должны быть ему известны, но он почему-то умолчал о них. По всем замечаниям следователь должен впоследствии задать свидетелю вопросы.

В следственной практике нередко возникает вопрос, как следователь должен относиться к выводам и предположениям свидетеля, которые он иногда высказывает во время свободного рассказа? Эти высказывания в ряде случаев могут быть очень ценными. Так, вывод о жизни

обвиняемого не по средствам может натолкнуть следователя на выяснение источников дохода лица, заподозренного в хищении. В других случаях предположения свидетеля о способе совершения преступления или о лице, совершившем его, могут сыграть важную роль для построения следственных версий. Следователь должен поэтому прислушиваться к этим выводам и предположениям, но вместе с тем следить за тем, чтобы свидетель в каждом случае их обосновывал. Если во время свободного рассказа свидетель не подтверждает своего мнения определенными фактами, следователь должен его попросить сообщить их, чтобы это мнение не было голословным. Такие уточнения могут обнаружить недостоверность вывода, изложенного в показаниях свидетеля.

Иногда еще до начала свободного рассказа следователь располагает данными о том, что свидетель склонен давать об известных ему фактах неправильные показания. И в этих случаях необходимо выслушать его свободный рассказ, но тактически целесообразно предложить ему рассказать сначала только об одном-двух из общего числа известных свидетелю фактов. Этот тактический прием называется делением темы свободного рассказа. Например, следователь может сначала предложить свидетелю: «расскажите, что вы видели и слышали вчера вечером» или «расскажите, как вы ездили в Н-ск и что там случилось». По делам о хищениях, должностных и хозяйственных преступлениях часто бывает целесообразным, чтобы свидетель рассказал сначала подробно о каком-либо одном документе или об одном эпизоде. При этом следователь должен выбирать выясненные и доказанные факты, чтобы иметь возможность удерживать свидетеля от дачи ложных показаний. Целесообразно, чтобы допрос по этим фактам убедил свидетеля в том, что следователь уже достаточно много знает о расследуемом преступлении из других источников.

Если свидетель оказался действительно недобросовестным, то в результате деления темы свободного рассказа его показания с самого начала будут складываться не так, как он заранее предполагал.

После того, как от свидетеля получены и записаны правдивые показания о первых фактах, ему следует предложить рассказать все, что известно по поводу остальных фактов и обстоятельств дела. Даже недобросовестный

свидетель, как правило, не захочет противоречить своим показаниям, только что данным и зафиксированным в протоколе. Это побуждает такого свидетеля отказаться от заранее подготовленного ложного показания.

Так, в Свердловске по заявлению одного транзитного пассажира, утверждавшего, что он опознал в другом пассажире крупного растратчика, скрывшегося два года тому назад с большой суммой денег из одной МТС Алтайского края и фамилию которого он забыл, был задержан человек, назвавшийся Баевым. Баев категорически отрицал свою виновность, утверждая, что заявитель ошибается, что он, Баев, никогда в Алтайском крае не был, и рассказал, что в Свердловск прибыл вместе со своей женой проездом из Ташкента в Карпинск, куда они завербовались на работу в Углестрой. В подтверждение своих слов он предъявил вербовочные документы на себя и свою жену и, разыграв сцену возмущения, отказался от дачи дальнейших показаний. Между тем имелись основания полагать, что Баев говорил неправду, так как у него при личном обыске были обнаружены два использованных железнодорожных билета на проезд в поезде, который только что пришел в Свердловск из Карпинска, то есть с противоположной стороны. Кроме того, в багаже Баева были обнаружены 100 совершенно новых простыней без меток. Жена Баева присутствовала при его задержании и слышала объяснения мужа. Не желая допустить, чтобы она при допросе дала ложные показания, следователь, применив тактический прием деления темы свободного рассказа, предложил ей рассказать все по поводу обнаруженных у Баева двух железнодорожных билетов и 100 простыней. Баева рассказала, что она с мужем только что приехали по этим билетам в Свердловск из Карпинска и что муж привез оттуда 100 новых простыней, полученных им накануне на складе Углестроя. После таких показаний Баева уже была не в состоянии поддерживать ложные объяснения мужа о том, будто они едут из Ташкента в Карпинск, и объяснила, что, приехав из Ташкента в Карпинск две недели тому назад, они в Углестрое получили комнату в общежитии и что Баев, получив по доверенности Углестроя в Карпинске на складе 100 простыней, повез их в Свердловск. По словам свидетельницы, Баев якобы объяснил ей, что едет в командировку, чтобы отвезти простыни в Свердловск.

Она поверила мужу и поехала с ним в Свердловск, чтобы сделать некоторые хозяйственные покупки.

Никаких командировочных документов и накладных на отправку простыней у Баева не было. Эти обстоятельства в совокупности с его ложными объяснениями, данными при задержании, указывали на хищение, совершенное им в Карпинске. Баев был взят под стражу. При дальнейшем расследовании подтвердились хищение простыней и растрата, совершенная им в Алтайском крае.

Примененный по этому делу тактический прием допроса жены обвиняемого по узкой теме, наряду с использованием обнаруженных при обыске вещественных доказательств, следует признать более целесообразным, чем если бы ей было предложено давать показания в обычном порядке.

§ 4. Тактические задачи, разрешаемые при допросе свидетелей

По окончании свободного рассказа свидетель согласно ст. 165 УПК РСФСР в случае необходимости задает свидетелю вопросы. Содержание их крайне разнообразно и поэтому невозможно дать никакой общей схемы постановки вопросов свидетелю. Содержание вопросов должно соотносываться, в первую очередь, с планом допроса свидетеля, учитывающим наличие и особенности имеющегося в деле материала. Кроме того, свидетель должен также использовать заметки, сделанные им во время свободного рассказа свидетеля.

Задавать вопросы прежде всего необходимо потому, что свидетель во время свободного рассказа может по-прежнему не воспроизвести нужных для следствия фактов, хотя они и сохранились в его памяти. Иногда это происходит потому, что он не придает значения каким-либо известным ему обстоятельствам, то есть не видит связи между ними и расследуемым преступлением, а поэтому и не упоминает о них в своем рассказе. Например, как правильно указывают А. И. Винберг, Г. М. Миньковский и Р. Д. Рахунов¹, свидетели в ходе свободного рас-

¹ См. А. И. Винберг, Г. М. Миньковский и Р. Д. Рахунов, Косвенные доказательства в советском уголовном процессе, Госюриздат, 1955, стр. 185.

сказа недостаточно освещают личность, связи, образ жизни, прошлое обвиняемого, а также его действия после возбуждения уголовного дела. В других случаях свободный рассказ свидетеля страдает неточностями и даже отдельными ошибками различного происхождения. Тогда следователь обязан поставить свидетелю вопросы для уточнения и дополнения его свободного рассказа. Обычно оказывается достаточным поставить такие вопросы, чтобы свидетель сразу же дал на них исчерпывающие ответы, так как он не собирался скрыть какие-либо факты от следователя, а просто забыл.

В качестве примера, насколько важные сведения иногда могут быть получены путем простого дополнения и уточнения показаний свидетеля, можно привести дело об убийстве в Ленинградской области семьи из шести человек. По этому делу следователь выявил и допросил одного колхозника, ехавшего с мельницы и встретившего по дороге преступников, возвращавшихся с места убийства. У этого свидетеля следователь хотел выяснить приметы лиц, которых он встретил, и приметы лошади и повозки, на которой они ехали.

В своем свободном рассказе свидетель ничего не сказал о повозке и лошади, видимо, не придавая этому значения. Когда следователь спросил его о лошади, то оказалось, что свидетель не только хорошо помнит ее приметы, но даже знает, из какой она деревни. Эти сведения дали возможность разыскать и изобличить убийц.

Как уже отмечалось¹, воспроизведение результатов наблюдений при повышенном внимании свидетеля является, как правило, более полным, точным и достоверным, а потому выяснение степени внимания лица к наблюдаемому им факту имеет большое значение для правильной оценки свидетельских показаний. В связи с этим при допросе необходимо выяснить, обратил ли свидетель внимание на тот факт, по поводу которого он дает показания, и в случае положительного ответа, чем было вызвано это повышенное внимание к данному событию.

Например, иногда похищенные товары завозятся без документов и нелегально реализуются через какой-либо магазин или палатку в сельской местности или в небольшом районном центре. Для расследования дела иногда

¹ См. гл. 1, § 3 и 4.

важно уточнить время, когда эти товары появились в продаже. Такие данные можно иногда получить от свидетелей, желавших приобрести такой товар и следивших за его появлением. Так, если родители хотели приобрести что-либо из одежды, трикотажа или обуви для своего ребенка, то они обычно при допросе могут сообщить, когда и какие товары для детей этого возраста были в продаже в местном магазине, их качество, размеры, расцветки, фасоны, цены.

При допросе свидетеля нужно учитывать, какие детали и обстоятельства данного события могли главным образом привлечь к себе внимание данного лица и лучше ему запомниться в связи с его профессией, специальностью, интересами, его отношением к участникам события, местонахождением в момент происшествия. Следовательно должен также учитывать, что у разных лиц может быть лучше развит тот или иной вид памяти: зрительной, слуховой, эмоциональной, словесно-логической и др. Слушая свободный рассказ свидетеля или его ответы на вопросы, он часто в состоянии определить, какой вид или какие виды памяти лучше всего развиты у допрашиваемого. Например, в некоторых случаях по свободному рассказу и первым ответам уже можно судить, что свидетель сравнительно хорошо запомнил и описал внешность участников происшествия. Это может указывать на наличие у него хорошо развитой зрительной памяти. В других случаях рассказ свидетеля позволяет судить о хорошо развитой у него словесно-логической памяти. Исходя из этого целесообразно ставить свидетелю вопросы, помогающие ему вспомнить факты и обстоятельства, которые могли хорошо сохраниться в его памяти.

После выяснения тех фактов, которые лучше всего сохранились у свидетеля, должны задаваться дополнительные вопросы в расчете на то, что у него могли запечатлеться и другие факты, имеющие значение для расследования дела. Например, свидетель с сильно развитой зрительной памятью в связи с первым вопросом следователя вспомнил и рассказал то, что он видел. После этого ему задали еще несколько вопросов, на которые он ответил, вспомнив по ассоциации, что слышал (какой-нибудь разговор, крики о помощи, выстрелы), какие чувства (испуг, удивление, гнев) он при этом испытал, что в связи с этим сделал и т. д.

Использование различных видов памяти иногда дает возможность получить важные доказательства. Так, по одному делу об организованных систематических хищениях, следователь выяснял конкретный случай вывоза обвиняемым с базы похищенного сахара. На вывоз партии сахарного песка в этом случае имелся счет-фактура, но фактически его вывезли вдвое больше, чем было указано. Следовало установить, сколько сахарного песка было вывезено фактически. С этой целью следователь допросил рабочего, который грузил сахарный песок на автомашину. В своем свободном рассказе он воспроизвел в общих чертах то, что помнил об этой погрузке, но о количестве погруженного песка не упомянул.

Следователь спросил грузчика: «Какое количество сахарного песка было в тот раз погружено и вывезено?» Этот вопрос был рассчитан на словесно-логическую память свидетеля. Грузчик ответил, что не знает этого. Действительно, этот вопрос его совершенно не интересовал. Он не подсчитал тогда количества погруженных на автомашину мешков и потому в его сознании не отразились соответствующие цифры. Следователь мог бы на этом прекратить его допрос, но он решил использовать зрительную память свидетеля и спросил его, в каком порядке производилась погрузка и как были расположены в машине мешки. Грузчик вспомнил, что задняя стенка кузова автомашины была откинута и мешки были поставлены поперек кузова по пять мешков в ряд. Первый ряд упирался в передний борт кузова, а затем было последовательно поставлено в кузов еще пять рядов мешков. Каждый из этих рядов состоял из пяти мешков и лишь последний был неполный. В нем, вместо пяти, было только четыре мешка. Всего, таким образом, в шести рядах было 29 мешков с сахарным песком. По словам грузчика, все мешки по своему весу были стандартными. Это позволило установить довольно точно вес фактически вывезенного сахарного песка. Таким образом, обращение к другому виду памяти свидетеля помогло ему вспомнить факт, который он вовсе не желал скрывать от следователя.

Не следует, конечно, думать, что свидетель всегда в состоянии сообщить следователю все интересующие его сведения о событии. Каждый допрашиваемый обычно может осветить только часть нужных следователю данных.

В частности, как уже упоминалось¹, кратковременные наблюдения свидетеля и большой промежуток времени, прошедший с момента наблюдения до первого допроса, отрицательно влияют на показания свидетелей, в частности, их сведения могут быть более отрывочными и менее достоверными.

В тех случаях, когда сообщаемые свидетелем факты должны быть выражены в цифрах (например, количество похищенного, расстояние, время), следователь должен уточнять и дополнять свободный рассказ свидетеля с таким расчетом, чтобы выяснить нужные цифры.

При расследовании хищений, разбоя, убийств из корыстных побуждений и ряда других преступлений должны выясняться родовые и индивидуальные признаки похищенных вещей, необходимые для розыска. Этому может способствовать наличие у потерпевшего других вещей, аналогичных похищенным, или лоскутов материи, из которой были сшиты вещи и которые в дальнейшем могут быть использованы для установления принадлежности потерпевшему вещей, обнаруженных у обвиняемого или в другом месте.

При расследовании случаев взяточничества, мошенничества, спекуляции, а иногда и других преступлений также следует как можно точнее выяснять у свидетелей признаки переданных или полученных предметов, так как это может способствовать изобличению виновных.

Вопросы свидетелю должны быть поставлены не только для уточнения свободного рассказа свидетеля, но и для установления новых фактов, дополняющих свободный рассказ. Например, при расследовании дел о хищениях, должностных и хозяйственных преступлениях существенное значение может иметь получение от свидетелей сведений о существующем нормальном порядке совершения и оформления хозяйственных и денежных операций в данной организации, а также о том, как эти операции были фактически проведены в конкретном случае и какие нарушения были при этом допущены. Выявленные таким путем факты нередко могут способствовать выдвижению новых версий о способе совершения преступления и об его участниках.

¹ См. гл. 1, § 2 и 4.

Путем вопросов следователь может получить также данные, которые позволят ему проверить достоверность полученных от свидетелей сведений при последующих следственных действиях, а частично и в процессе допроса самого свидетеля. Прежде всего по поводу каждого существенного для дела факта, о котором свидетель рассказывает в своих показаниях, необходимо обязательно спросить свидетеля, откуда ему известно об этом факте, когда, где и при каких обстоятельствах он его наблюдал, кто еще знает об этом факте или может знать о нем, а также могут ли подтвердить или опровергнуть этот факт какие-либо документы или вещественные доказательства. Ответы на эти вопросы должны быть отражены в протоколе.

Вопросы ставятся свидетелю в целях исправления ошибок, допущенных им в процессе предыдущего допроса. Вспомнив новые обстоятельства, свидетель нередко исправляет допущенные им ранее невольные ошибки.

Ответы свидетеля на поставленные вопросы должны в ходе допроса сопоставляться как с показаниями ранее допрошенных по тому же вопросу лиц, так и со всеми другими доказательствами, собранными по делу. Это поможет следователю выяснить, совпадают ли доказательства с показаниями данного свидетеля или между ними имеются противоречия.

В необходимых случаях свидетелю могут быть поставлены так называемые контрольные вопросы, ответы на которые легко могут быть проверены. Так, например, при расследовании дел о даче взяток, хищениях, спекуляции, половых преступлениях, а иногда и по другим делам свидетель (потерпевший) нередко заявляет, что он был у обвиняемого на квартире, а последний отрицает это и утверждает, что свидетель (потерпевший) лжет и никогда у него в доме не был. В целях проверки показаний свидетеля следует очень подробно допросить его о том, какой дорогой он шел к обвиняемому, в каком подъезде и на каком этаже находится квартира, кто ему открыл входную дверь и показал, как пройти в комнату обвиняемого. Надо предложить допрашиваемому возможно подробнее описать это лицо и его одежду, вход в квартиру, внутреннее расположение квартиры и комнаты обвиняемого, количество и расположение в ней дверей, окон, печей, внешний вид обоев, а также указать, какая мебель и иные

предметы имеются в комнате и как они расставлены. Следует предложить свидетелю описать членов семьи обвиняемого, если он их видел, а также одежду самого обвиняемого. Все эти детали свидетель, возможно, и не воспринял, но некоторые из них он может осветить достаточно подробно. Особенно важно в таких случаях получить от свидетеля описание тех деталей комнаты обвиняемого, которые являются неизменными или изменяются сравнительно редко, например, количество и расположение в комнате дверей, окон, печей, их вид, расположение тяжелой и громоздкой мебели.

Описание таких деталей, которые изменяются или могут изменяться значительно чаще и легче, имеет меньшее значение.

Ответы свидетеля на поставленные вопросы следователь обязан сопоставлять с теми материалами, которые уже имеются в деле, в частности, с актами описи и изъятия имущества обвиняемого; с показаниями других лиц, посещавших квартиру обвиняемого, с данными о составе его семьи.

Контрольные данные, полученные при допросе свидетеля, могут быть использованы следователем и для последующей проверки показаний путем производства осмотра квартиры или допроса других лиц, проживающих в той же квартире или посещавших ее.

При допросе по многоэпизодным делам, как правило, нецелесообразно ставить вперемешку вопросы, относящиеся к разным эпизодам. Прежде чем перейти к постановке вопросов, касающихся второго эпизода, должны быть полностью исчерпаны все вопросы по первому эпизоду.

В случаях, когда возникают сомнения в объективности показаний свидетеля, большое значение имеет последовательность задаваемых ему вопросов. В таких случаях обычно целесообразно задавать сначала вопросы об обстоятельствах, безразличных для свидетеля. Так, если известно, что свидетель имеет отношение к какому-либо неблагоприятному поступку, то не следует начинать допрос с вопроса об этом поступке, а сначала лучше задать вопросы о фактах, не затрагивающих личных интересов свидетеля. При этом должно соблюдаться правило, уже упоминавшееся при описании тактического приема деления

темы свободного рассказа, то есть необходимо, чтобы правильные ответы на первые вопросы в известной мере удерживали свидетеля от дачи неправильных ответов на последующие.

Поэтому следователь должен строго следить за тем, чтобы каждый последующий вопрос непосредственно вытекал из предыдущего ответа, являясь как бы его непосредственным продолжением. В таких случаях нежелание свидетеля оказаться нелогичным и впасть в противоречие с самим собой будет препятствовать ему искажать факты при ответе на последующие вопросы.

При допросе свидетелей, близких к обвиняемому, следует учитывать, что и лица, персонально ни в чем не замешанные, в той или иной степени часто склонны его выгораживать. Поэтому ставить вопросы им нужно так, чтобы они не подсказывали, какой ответ будет уличать, а какой оправдывать обвиняемого. Например, во время ограбления двух прохожих один из нападавших, Александров, был одет в серое пальто с меховым воротником. Через три месяца он был задержан, опознан и при обыске у него было обнаружено это пальто. Александров категорически отрицал свою вину, утверждая, что потерпевшие опознают его по ошибке и что три месяца тому назад этого пальто у него еще не было, так как он купил его на базаре у неизвестного лица всего за месяц до ареста. С целью проверки этих показаний была допрошена его жена. Для того чтобы она не могла догадаться о том, какой ответ будет оправдывать обвиняемого, следователь спросил свидетельницу, покупал ли ее муж для себя какую-либо одежду за последние три месяца, и, получив утвердительный ответ, спросил: «какие вещи были им куплены?». Жена Александрова ответила, что за последние три месяца муж купил себе только некоторые мелкие носильные вещи и перечислила их. Среди них пальто не было названо. Тогда следователь задал ей вопрос о том, не покупал ли Александров себе за эти три месяца пальто. Жена категорически это отрицала, заявив, что пальто было куплено ее мужем годом раньше у лица, которое она назвала. Указанный ею человек подтвердил этот факт. Таким образом, объяснение Александрова о том, что пальто он купил за месяц до ареста, было полностью опровергнуто. Если бы свидетельница знала, какое значение для ее мужа имеет время приобретения пальто, то,

возможно, это отразилось бы на правдивости ее показаний.

При наличии данных о заинтересованности свидетеля в исходе дела и опасения, что при дальнейшем допросе свидетель откажется от уже данных им показаний и от подписи протокола, следователь может в момент, когда он сочтет подходящим, приостановить допрос, зафиксировать в протоколе показания, которые уже дал свидетель, ознакомить его с этой частью протокола и дать подписать ее, а затем продолжать допрос.

Известно, что свидетель иногда ссылается на то, что забыл факты или отдельные детали и не может их вспомнить или что вообще не знает этих фактов. Иногда он дает показания, противоречащие данным дела или содержащие в себе внутренние противоречия, и поэтому есть основания сомневаться в их достоверности. Его показания могут как соответствовать, так и не соответствовать действительности, и следователь должен выяснить это, по возможности, еще в процессе допроса. С этой целью он должен учесть все данные об отношении свидетеля к делу и к участвующим в деле лицам, а также характер только что выслушанного свободного рассказа; все, что известно об условиях, в которых свидетель воспринимал тот или иной факт или деталь; сколько времени прошло между указанным фактом и допросом; не допрашивался ли свидетель по этому вопросу ранее и, если допрашивался, то как скоро после события, и что он тогда показывал.

В результате анализа всех указанных обстоятельств следователь часто приходит к выводу, что свидетель вполне добросовестный, но, по-видимому, не может вспомнить тот или иной факт или что при его изложении допускает невольную ошибку. Но это отнюдь не значит, что следователь может отказаться от дальнейшего исследования интересующего его факта путем допроса данного лица. Хотя допрашиваемый в ответ на прямой вопрос следователя не мог вспомнить тот или иной факт или обстоятельство, в глубине его сознания еще могут сохраняться неясные представления, оставшиеся от восприятия забытого факта или отдельных его элементов. Если свидетелю оказать помощь, то он может припомнить важный для дела факт или интересное обстоятельство.

Нет необходимости задавать свидетелю вопросы, когда он исчерпал всю тему допроса во время свободного

рассказа, дал показания достаточно полные, точные и правдивые, не имеющие внутренних противоречий и не противоречащие другим доказательствам.

Некоторые авторы, например, П. И. Тарасов-Родионов¹, Г. Г. Фейгин² и др. различают вопросы: «уточняющие», «дополняющие», «напоминающие», «проверочные», «контрольные» и другие. Такая классификация вопросов имеет чисто условное значение. Следует иметь в виду, что один и те же вопросы могут преследовать одновременно несколько целей.

Вопросы, задаваемые свидетелю, по своей форме могут быть различными, но во всех случаях они должны быть ясными, четкими и понятными. Свидетелям нельзя ставить так называемых «улавливающих» вопросов. «Улавливающим» называется вопрос, преследующий цель поймать свидетеля на слове и оперировать этим при дальнейшем его допросе. «Улавливающий» вопрос чаще всего включается в другой вопрос, касающийся «безобидных», нейтральных обстоятельств того же события. Оба вопроса, объединенные следователем в один, задаются свидетелю вместе, причем первым задается «улавливающий» вопрос, а уже после него ставится вопрос «безобидный». Свидетель, не поняв ловушки, может ответить утвердительно, имея в виду лишь последний, менее важный вопрос, и если он специально при этом не оговорит, что его ответ касается лишь второй части объединенного вопроса, то получается, что он незаметно для себя дал утвердительный ответ на весь объединенный вопрос.

Например, свидетелю задается вопрос: «видели ли Вы, как от дома шел в окровавленной одежде Иванов и как он перепрыгнул через канаву?». Свидетель, не обратив внимания на содержание первой части вопроса, может ответить: «Да, я видел это. Около того места, где Иванов перепрыгнул, горит фонарь, и я его рассмотрел». В действительности же свидетель видел только, как Иванов перепрыгнул через канаву. Но его показание может быть истолковано, как утвердительный ответ на весь вопрос, так как он не сделал оговорки в своем ответе.

¹ П. И. Тарасов-Родионов, Предварительное следствие, Госюриздат, 1955, стр. 129, 150.

² Криминалистика, учебник для юридических высших учебных заведений, ч. 1, М., 1950, стр. 282—284.

Следует отметить, что «улавливающие» вопросы не только не способствуют установлению истины, но, наоборот, очень вредны, так как свидетель невольно может дать ложное показание, которое дезориентирует следователя.

Как правило, недопустима также постановка так называемых «наводящих» вопросов, то есть таких, в которых в открытой или завуалированной форме уже содержится желательный для следователя ответ. Особенно опасно ставить «наводящие» вопросы свидетелю, легко подверженному внушению, так как он может иногда подтвердить такие обстоятельства, которых в действительности не было, то есть, являющиеся лишь ошибочным предположением следователя. Недопустимо, например, спрашивать свидетеля о том: «Не была ли одета встреченная Вами женщина в синее платье», а следует спросить так: «Как была одета встреченная вами женщина?» Если свидетель ответит, что «она была в платье», то надо спросить его: «какого цвета было платье?»

Но из этого общего правила есть исключение: наводящие вопросы можно ставить тогда, когда свидетелю уже задавался вопрос о том же факте в правильной форме и он ответил на него, но следователь хочет проверить, насколько допрашиваемый уверен и тверд в своем суждении. Так, при расследовании одного дела свидетелю Данилову уже ранее был задан в правильной форме вопрос о том, не присутствовал ли при происшествии, кроме него, еще кто-либо. Данилов ответил, что, кроме него, на месте происшествия присутствовали Борисов и Родин. Однако, по утверждению другого свидетеля, Сатько, он тоже присутствовал при этом происшествии.

Для выяснения причин такого противоречия надо было, в частности, проверить степень уверенности свидетеля Данилова в том, что, кроме него, при происшествии присутствовали только Борисов и Родин. Для этого свидетелю Данилову был дополнительно задан наводящий вопрос: «не присутствовал ли при происшествии также и Сатько». Если бы Данилов ответил, что Сатько при этом не было, то это подтвердило бы его уверенность в правильности прежних показаний. Но Данилов в данном случае припомнил, что Сатько действительно присутствовал при этом происшествии и, таким образом, исправил ошибку, допущенную им в предыдущих показаниях.

Противоречие было устранено.

Из особых форм вопросов, иногда применяемых при допросе, следует еще упомянуть о так называемых «итоговых», которые подытоживают ранее сказанное свидетелем. Постановка «итоговых» вопросов допустима и даже необходима при допросе тех свидетелей, которые по одному и тому же вопросу дали в разное время различные показания.

§ 5. Тактические приемы оказания свидетелю помощи в припоминании забытых фактов

Основными тактическими приемами оказания помощи свидетелю в припоминании забытых им фактов являются:

а) постановка вопросов, активизирующих у свидетеля ассоциативные связи;

б) предъявление свидетелю различных объектов, способствующих оживлению памяти и активизации ассоциативных связей¹.

В некоторых случаях свидетель, несмотря на всю его добросовестность, не может ответить на прямой вопрос, то есть вспомнить какие-либо факты или детали, имеющие значение для расследования преступления. Следователь может помочь свидетелю припомнить их путем соответствующих вопросов, оживить в сознании свидетеля какие-либо другие, легко запоминающиеся факты или отдельные детали события, которые как-то связаны с восприятием забытых фактов или деталей. В данном случае речь идет о фактах, воспринятых свидетелем одновременно, а также непосредственно до или после интересующего следователя факта (смежность по времени), или об объектах, которые в момент восприятия находились один возле другого (смежность по местонахождению). После того, как свидетель восстановит в своей памяти смежный факт или объект и воспроизведет его, он нередко может по ассоциации вспомнить и факт, интересующий следователя. В следственной практике бывают случаи, когда некоторые обстоятельства уже бесспорно установлены рядом доказательств, например, точно выяснено, где, когда, в какой обстановке и при каких обстоятельствах совершено преступление. Но свидетель не может вспомнить какую-либо другую деталь, касающуюся, например, способа соверше-

¹ См. гл. 1, § 4.

ния преступления. Для того чтобы помочь ему припомнить ее, следователь может сначала задать ему вопросы о месте, времени и иных уже вполне установленных обстоятельствах преступления, которые свидетель хорошо помнит. Эта часть показаний свидетеля сама по себе будет иметь для расследования дела очень небольшую ценность, но, касаясь этих деталей, свидетель по ассоциации может вспомнить и ту забытую деталь, которую следует выяснить.

В разделе, относящемся к свободному рассказу свидетеля, было сказано, что свидетелю следует рекомендовать излагать факты в той последовательности, в которой он их воспринял¹. Это позволит ему лучше использовать образовавшиеся у него ассоциативные связи для воспроизведения своих воспоминаний и делает его свободный рассказ более полным, связным и логически последовательным. Эта же рекомендация целиком относится и к той стадии допроса, когда свидетелю ставятся вопросы.

Если свидетель не может вспомнить какого-нибудь факта, следователь должен ставить вопросы с таким расчетом и в такой последовательности, чтобы свидетель вспомнил и воспроизвел сначала предыдущие факты, а затем детально воспроизводил бы свои последующие восприятия, вплоть до факта, интересующего следователя.

В некоторых случаях, например в начале расследования дел об убийствах и причинении тяжких телесных повреждений, неизвестны ни преступники, ни мотивы совершения преступления. Очень важно в таких случаях подробно выяснить поведение потерпевшего за весь этот день и его взаимоотношения с окружающими, а если имеется подозреваемый, то также и его поведение в этот день и взаимоотношения с потерпевшим. Выяснять все поступки следует хронологически, детально, шаг за шагом, как до момента преступления, так и после него, обращая особое внимание на все предыдущие и последующие факты, которые могли быть связаны с расследуемым преступлением или являются почему-либо необычными и нелогичными при данных обстоятельствах. Следует выяснить причины этих обстоятельств. Такое подробное, последовательное и связное выяснение у свидетелей всех событий дня должно, по возможности, производиться в ближайшее время

¹ См. гл. 2, § 3.

после совершения преступления, иначе свидетели могут забыть или исказить некоторые детали.

В тех случаях, когда сначала выясняются последующие факты, а затем предшествующие им, вопросы целесообразно задавать в обратной последовательности (от последствий к причинам).

Нередко встречаются случаи, когда свидетель не может сразу вспомнить дату какого-либо события. Однако в ответ на поставленные следователем вопросы он иногда в состоянии припомнить другой факт, сам по себе безразличный для дела, но относящийся к тому же периоду времени. Таким путем можно, например, установить, что определенное событие было в тот же день, через день или накануне выходного дня, праздника, за день до выдачи зарплаты, совещания, отъезда кого-либо или заболевания. Иногда можно установить, что шофер перевозил партию «левого» товара в тот день, когда была метель, сильный мороз, снежные заносы, сильный ливень, гроза, град, разлив реки, ремонт моста и т. п. В таких случаях установить точную дату могут помочь справки местной метеорологической станции и других организаций.

В других случаях свидетель не в состоянии припомнить, каков был промежуток времени между тем фактом, который он припомнил, и фактом, интересующим следователя, но помнит их последовательность во времени или зависимость одного из этих событий от другого. Так, в одном случае свидетель показал, что гр-на Горева он видел на пляже в санатории. Последовательность и время приезда свидетеля и Горева в санаторий были установлены по датам регистрации их прибытия, и, таким образом, была приблизительно установлена дата интересовавшего следователя факта. Иногда можно установить, что такое-то событие произошло после другого или до наступления какого-нибудь третьего события. В результате время события может быть определено более или менее точно, а для расследования такая точность нередко бывает вполне достаточной. Таким же способом можно устанавливать, в котором часу произошло событие. Например, было ли это до ухода на работу, во время работы или после возвращения домой; до или после, либо во время обеденного перерыва; до или после определенной радиопередачи, киносеанса, дождя, фабричного гудка, прихода поезда.

Аналогичными приемами можно устанавливать и другие обстоятельства, которые свидетель точно не помнит. Так, например, при расследовании дела о наезде автомашины на пешехода, происшедшего на шоссе, пролегающем между населенными пунктами П. и С., необходимо было установить скорость движения автомашины, так как шофер утверждал, что она не превышала 30 км в час. По этому поводу был допрошен шофер другой автомашины, ехавшей одновременно в том же направлении. Он показал, что совершившая наезд автомашина обогнала его примерно на полпути между пунктами П. и С. и быстро скрылась из виду.

Свидетель показал, что обогнавшая его машина шла со скоростью, значительно превышавшей скорость его машины, но он не помнит, с какой скоростью сам вел свою машину, а знает только, что она была более или менее равномерной на всем протяжении пути. Тогда следователь спросил свидетеля, в котором часу он выехал из пункта П. и когда приехал в пункт С. Свидетель припомнил, что из пункта П. он выехал в 12 часов дня. Время выезда он запомнил потому, что из ворот фабрики стали выходить рабочие после окончания смены. Взглянув на часы, находящиеся на площади, он увидел, что они показывают 12 час., и тут же отправился в путь. Времени прибытия в пункт С. свидетель не заметил. Тогда следователь спросил его, не происходило ли каких-либо событий в пункте С. или на подъезде к нему, которые свидетель запомнил. Допрашиваемый заявил, что у железнодорожного переезда, находящегося около станции С., ему пришлось ждать, когда пройдет скорый поезд, который прибывает на станцию С. в 15 час. 30 мин. Вспомнив это обстоятельство, свидетель, зная расстояние между пунктами П. и С., точно указал, что средняя скорость его машины равнялась 50 км в час. Так, путем установления смежных фактов удалось получить точный ответ на интересующий следователя вопрос.

При расследовании некоторых аварий на водном и железнодорожном транспорте, а иногда и по другим делам исключительно важное значение имеет точное установление периода времени между какими-либо двумя событиями, например, между дачей различных распоряжений, между дачей распоряжения и моментом столкновения и т. п.

Для уточнения этого периода времени нередко бывает целесообразно допрашивать работников транспорта о том, что они делали или успели сделать в промежутке между указанными моментами. Например, один капитан парохода в сильный туман и при плохой видимости своевременно не принял мер к определению места нахождения судна и допустил ошибку, считая себя на две мили впереди по сравнению с тем местом, где он был в действительности. Неправильно проложив курс, он заметил впереди остров только в последний момент, когда уже предотвратить аварию было невозможно. В результате пароход сел на камни.

С целью смягчить свою вину капитан в своих показаниях преувеличил промежуток времени между тем, как он дал команды «малый ход», а затем «стоп» и моментом толчка, когда судно село на камни.

Допрошенный в качестве свидетеля машинист, находившийся на вахте в момент аварии и выполнявший команду, не мог определить промежуток времени между отдельными командами и моментом посадки судна на камни. Тогда следователь предложил ему подробно рассказать, что он делал, находясь в машинном отделении, в период, предшествовавший аварии. Свидетель показал, что судно шло полным ходом, затем по машинному телеграфу была получена команда «малый ход вперед». Выполняя команду, он зашел за машину, чтобы перевести балластную донку на холодильник. Только он подошел к донке, как зазвенел телеграф и поступила команда «стоп», а вслед за этим произошел толчок и судно встало. Получив от свидетеля такие сведения и уточнив у него расстояние между постом управления главной машины и донкой, следователь смог установить, что между командой «малый ход» и командой «стоп», когда судно село на камни, прошло не более минуты¹.

Когда свидетель оживил свои воспоминания о каком-либо факте или предмете, иногда бывает целесообразно спросить его сразу же, не напомнило ли это ему и не может ли он припомнить в данный момент путем сознательного волевого усилия других фактов (или предметов), схожих с этим. В частности, при расследовании дел об

¹ См. Г. Б. Карнович, Расследование аварий на водном транспорте, Мосюриздат, 1953, стр. 145—146.

обмере, обвесе, недоливе жидких товаров, завышении цен, продаже товаров по цене высшего сорта и т. п. надо, как правило, спрашивать свидетеля и о других известных ему подобных фактах обмана покупателей.

Аналогично надо поступать и при расследовании дел о хулиганстве, мошенничестве, взяточничестве и других преступлениях, которые иногда совершаются преступниками неоднократно.

Следователь может помочь припомнить свидетелю различные обстоятельства путем оживления слуховых образов. Например, свидетель, вспомнив имя человека «Иван», не может припомнить его отчество, но ему кажется, что оно начинается с буквы «М». Тогда следователь может, например, порекомендовать ему перебрать в уме и произнести вслух это имя в сочетании с различными отчествами, начинающимися на букву «М»: «Иван Михайлович», «Иван Матвеевич», «Иван Максимович» и т. д. Делается это в расчете на то, что при воспроизведении одного из этих слуховых образов свидетель припомнит забытое им отчество, а потом может припомнить и другие факты, имеющие значение для дела.

Известно, что в связи с переживаемыми при восприятии эмоциями свидетель нередко и сам выполняет какие-либо действия (пытается кого-нибудь остановить, догнать, защитить, кому-либо помочь и пр.).

При допросе в ряде случаев целесообразно выяснять переживания и действия свидетеля, так как их воспроизведение может оживить ассоциативные связи и помочь свидетелю более отчетливо припомнить факты, вызвавшие эти эмоции и имеющие существенное значение для дела.

Это особенно полезно в тех случаях, когда следователь видит по свободному рассказу свидетеля, что у него сильно развита эмоциональная память.

Следователь может спросить свидетеля, что его главным образом взволновало. Выяснив это обстоятельство, следователь может спросить, какие факты вызвали у него определенные чувства или заставили его произвести данные действия. Этим путем можно помочь свидетелю припомнить по ассоциации различные факты или отдельные детали, имеющие отношение к данному случаю.

Другой тактический прием, помогающий свидетелю припомнить забытые факты, заключается в том, что ему

предъявляются для вторичного восприятия документы, предметы или лица, участвовавшие в каком-нибудь происшествии или находившиеся на месте происшествия.

Каждый, читающий эти строки, может вспомнить случаи из своей собственной практики, когда при виде какого-либо предмета в нем невольно пробуждался ряд воспоминаний. Сначала появляется смутное чувство, что предмет знаком, а затем человек постепенно припоминает, где, когда и при каких обстоятельствах он видел его. Такое чувство является как бы первой ступенью узнавания, которое наступает несколько позже, при известном усилии памяти.

Воспоминания могут пробудиться и при виде предмета, который свидетель видел всего лишь один раз, если даже с ним не связано каких-либо событий, которые могли бы запечатлеться в его памяти.

Для иллюстрации этого положения можно привести следующий пример из следственной практики. В камере хранения вокзала обратили внимание на неприятный запах, исходивший из чемодана, хранившегося в кладовой три дня. При вскрытии в нем были обнаружены части расчлененного трупа неизвестного мужчины. По книге приема вещей на хранение было установлено, что три дня назад чемодан сдала в камеру хранения женщина. Желая найти эту женщину, следователь предъявил чемодан ряду шоферов такси, которые могли доставить его вместе с владелицей на вокзал. При допросе чемодан предъявлялся с той целью, чтобы использовать зрительную память допрашиваемых. Такой допрос давал больше шансов на успех.

И, действительно, один из шоферов припомнил, что несколько дней тому назад, вечером, он привез на вокзал неизвестную гражданку с этим чемоданом и что он был очень тяжелым. Шофер припомнил также некоторые приметы владелицы чемодана и, самое главное, указал дом, около которого она наняла такси.

Таким образом, сначала была оживлена та часть прошлого восприятия шофера, которая касалась внешнего вида чемодана, а затем шофер по ассоциации припомнил другие детали события, способствовавшие розыску убийцы.

Документы, предъявленные свидетелю, также могут совершенно произвольно вызывать у него различные

воспоминания, например, командировочное удостоверение — воспоминание о поездке в другую местность, о встречах во время командировок и о времяпрепровождении.

Примером предъявления свидетелю документов в целях припоминания может быть следующее дело о крупном хищении в магазине. Необходимо было выяснить обстоятельства одного конкретного случая получения с базы партии папирос заведующим магазином. Следователь спросил кладовщика базы, приходилось ли ему за определенный период времени отпускать какие-либо товары этому магазину. Тот ответил утвердительно. На вопрос, какие конкретные случаи отпуска товаров магазину он помнит, кладовщик назвал несколько операций, среди которых интересующего следователя случая отпуска папирос не было, и заявил, что других случаев он припомнить не может, но, если ему покажут документы, он, возможно, припомнит. Тогда следователь предъявил счет-фактуру, касавшийся интересующего его случая отпуска папирос. Ознакомившись с ней, кладовщик припомнил и рассказал все, что ему было известно про этот случай. Он припомнил, как заведующий магазином, расписавшись в приеме товаров, пытался погрузить их на подводу. Однако несколько ящиков папирос он погрузить не смог, оставил их кладовщику под сохранную расписку и вывез лишь через две недели.

Сведения о том, что папиросы были фактически вывезены со склада лишь спустя две недели после выдачи счета-фактуры, имели большое значение для расследования дела, так как они способствовали изобличению заведующего магазином в хищении этих папирос. В этом случае предъявление свидетелю счета-фактуры помогло ему припомнить важные факты, не записанные в тексте счета-фактуры, но связанные с получением товаров по ней. Без предъявления счета-фактуры свидетель этих фактов, возможно, не припомнил бы.

В обоих рассмотренных выше случаях — при предъявлении чемодана шоферу такси и счета-фактуры кладовщику — свидетели вторично восприняли не те факты, которые хотел выяснить следователь, а другие, связанные с ними, в результате чего произошла активизация ассоциативного процесса. Она помогла свидетелям припомнить также и обстоятельства, интересующие следователя.

В качестве примера предъявления вещественного доказательства для вторичного восприятия с целью активизации памяти свидетеля можно привести еще и такой случай. По делу о нелегальном (бездокументном) сбыте через магазин похищенной партии ткани один из продавцов, не участвовавший в хищении, сначала на допросе заявил, что он не помнит, чтобы указанная ткань была бы в продаже в определенный период времени. После этого ему были предъявлены образцы похищенной ткани, и он припомнил, что ткань такой расцветки, с таким рисунком и данного качества за указанный период времени действительно была в магазине.

Однако практически не всегда возможно использовать этот прием (то есть предъявить свидетелю какие-либо предметы), например, когда иногородний свидетель допрашивается в порядке отдельного требования. В таких случаях необходимо предъявлять хотя бы фотоснимки этих объектов или план местности, а когда почему-либо невозможно и это — подробно описать сами объекты (приметы и одежду какого-либо лица и т. п.).

В ряде случаев предъявление документов и вещей может непосредственно напомнить свидетелю о забытых им фактах или деталях.

Иногда свидетель заявляет, что он не уверен в правильности своих воспоминаний о факте или детали, но помнит, что этот факт или деталь правильно отражены в определенных документах или записях, что на похищенном белье была нашита такая же метка, как и на оставшемся. Чтобы уточнить показания, он просит разрешения у следователя просмотреть какие-либо служебные документы, записи и книги. Следователь, как правило, должен предоставлять свидетелю такую возможность. Иногда даже целесообразно, чтобы сам следователь предложил свидетелю освежить память их осмотром.

В частности, такие детали, как дата какого-либо события, размеры какой-либо вещи, суммы хозяйственной операции, действительно, легко забываются. Очень часто свидетель помнит их лишь смутно и может ошибиться. В таких случаях следует дать возможность свидетелю «освежить» свою память описанным выше способом.

Такие случаи встречаются иногда при расследовании дел о хищениях, должностных и хозяйственных преступлениях и по другим делам.

В тех случаях, когда следователь разрешает свидетелю ознакомиться с документами и записями, он должен, как правило, и сам осмотреть, а иногда и приобщить их к делу, чтобы в дальнейшем проверить, что они из себя представляют; как давно они сделаны; не содержится ли в них каких-либо других данных, которые могут представлять интерес для расследования дела.

Чувство знакомства человек испытывает иногда и при встрече с каким-либо лицом. Сначала он смутно припоминает, что знает это лицо, но сразу не может вспомнить, кто он такой, его имя, фамилию, где, когда и при каких обстоятельствах его видел. Все это обычно припоминается постепенно. Часто бывает, что, припомнив еще только одну фамилию, имя или прозвище встреченного лица или какое-либо обстоятельство, человек быстро восстанавливает в памяти целый ряд самых различных обстоятельств, связанных с данным лицом, например, совместное пребывание с ним летом в доме отдыха, ряд общих знакомых, отдельные поступки этого человека.

Это свойство человеческой памяти может быть использовано при допросе свидетелей.

При предъявлении свидетелю лиц, участвовавших в расследуемом событии или присутствовавших при нем, он может припомнить место, время, обстановку, обстоятельства, при которых он видел этих людей и ряд обстоятельств данного происшествия, которые свидетель не мог бы припомнить без вторичного восприятия этих лиц.

Предъявление свидетелю людей должно производиться так, чтобы оно не носило характера подсказки и не оказывало внушающего воздействия. Но, вместе с тем, в таких случаях нет необходимости соблюдать правила, установленные для предъявления людей в целях опознания, то есть производить предъявление одновременно нескольких лиц, среди которых находится тот, кого свидетель должен был бы знать. Дело в том, что цели предъявления для опознавания и для припоминания различны. При опознании человек, которому предъявляют объект опознания, должен сравнить предъявляемых ему людей с сохранившимся в его памяти образом одного человека, подробно им описанным и выбрать из группы людей того, кто соответствует этому образу, то есть опознать его. В случаях же вторичного восприятия лица, когда оно предъявляется с целью оживить ассоциативные связи

(для припоминания), образ ранее виденного человека, которого свидетель забыл и описать не может, должен вызвать у него ряд воспоминаний о забытых фактах, связанных с этим лицом, в частности о месте, где его видел свидетель, и т. д.

Например, по одному делу о крупных организованных хищениях следовало выяснить: посещал ли гр-н Озол квартиру гр-на Грибова. Была допрошена соседка последнего, которая перечислила нескольких лиц, посещавших Грибова, и заявила, что других посетителей гр-на Озоля не было. Тогда следователь предъявил ей Озоля и спросил: видела ли она его когда-либо ранее, где и когда, при каких обстоятельствах, что ей известно об этом человеке. Свидетельница, увидев Озоля, припомнила, что видела его именно у Грибова, вспомнила обстоятельства, при которых видела его, и дала ценные для дела показания.

Но было бы грубой ошибкой, если бы в этом случае следователь, предъявив свидетельнице гр-на Озоля, спросил ее, не посещал ли гр-н Озол квартиру Грибова. Утвердительный ответ в этом случае мог бы явиться результатом внушения.

Для того чтобы помочь свидетелю припомнить какой-либо факт, иногда целесообразно познакомить его с показаниями других лиц или с выдержками из них. Но во избежание внушения эти показания или выдержки должны касаться не главного факта, а лишь отдельных обстоятельств, при которых этот факт имел место. Так, например, следователя интересует какой-либо разговор, который велся определенным лицом. Но свидетелю предъявляются выдержки из показаний не о разговоре, а о времени и месте встречи. Этого нередко бывает достаточно, чтобы свидетель припомнил и весь разговор.

Одним из способов оказания помощи свидетелю восстановить в памяти определенные события является допрос свидетеля на месте происшествия. Иногда это способствует более правильной оценке показаний свидетеля в совокупности с другими имеющимися в деле доказательствами. Допрос на месте происшествия заключается в том, что свидетелю предлагают дать подробные показания и продемонстрировать на месте, где, что происходило, например, где, кто находился до, во время и после происшествия, в каком положении находились те или иные

предметы, каким образом они перемещались, куда были положены или откуда были взяты. Такое уточнение позволяет следователю лучше уяснить себе рассказ свидетеля и более подробно отразить его в протоколе допроса.

Допрос на месте происшествия приводит к повторному восприятию свидетелем этого места и по ассоциации может оживить в его сознании прошлые восприятия, чувства и действия. Таким образом, этот допрос способствует припоминанию различных дополнительных деталей и фактов и даже им наиболее подробных, точных и достоверных показаний.

Таким образом, допрос свидетеля на месте происшествия способствует не только максимальному уточнению его показаний, но и дополнению их новыми обстоятельствами. Примером допроса свидетеля на месте происшествия может служить уже упоминавшийся случай допроса шофера такси, доставившего на вокзал гражданку с чемоданом, в котором были обнаружены части трупа. Шофер припомнил улицу, на которой он посадил гр-ку с чемоданом, однако не мог припомнить номера дома, но когда следователь вместе с шофером выехал на указанную им улицу, тот узнал дом, так как именно на этом доме висел почтовый ящик, о чем свидетель припомнил уже на месте.

Если на месте происшествия допрашивается несколько свидетелей, то каждый из них должен быть допрошен в отсутствие других, а детали показаний, относящиеся к месту происшествия, следует зафиксировать на составляемом плане, который подписывается следователем и свидетелем в качестве приложения к протоколу допроса. Сопоставление показаний свидетелей и составленных при допросе планов является хорошим способом оценки правильности данных каждым свидетелем показаний.

§ 6. Тактические приемы выявления и устранения противоречий в показаниях свидетелей

В процессе всего допроса следователь должен оценивать даваемые свидетелем показания. В частности, он должен всегда сопоставлять показания со сведениями, имеющимися в остальных материалах дела, и с прежними показаниями того же свидетеля в целях выявления воз-

можных противоречий. Обнаружив такие противоречия, следователь путем постановки свидетелю вопросов должен попытаться, по возможности, очистить показания допрашиваемого от различных наслоений путем выяснения, не передает ли он слухов, не вносит ли в данный случай различные обстоятельства, имевшие место в другое время или в другом месте, правильно ли он воспринял наблюдаемое им событие. Выяснив причины противоречий в показаниях свидетеля, следователь должен попытаться устранить их в ходе самого допроса.

Иногда может обнаружиться, что свидетель знает о факте лишь по слухам. Такие показания не имеют доказательственного значения. В протоколе допроса о них следует упоминать лишь тогда, когда кем-либо сделана ссылка на данного свидетеля, причем в деле надо отразить, что эта ссылка проверена и установлено, что сведения основаны на слухах.

При проверке источника осведомленности свидетеля можно иногда обнаружить, что он лично не наблюдал описываемого им факта, а знает о нем со слов другого лица, которое он может назвать. В этих случаях следователь обязан зафиксировать показания допрошенного и, если этот факт имеет существенное значение для дела, следует допросить лицо, непосредственно его наблюдавшее. Если же свидетель лично наблюдал факты, очень важно сразу же выяснить путем соответствующих вопросов, при каких обстоятельствах и в какой обстановке он их наблюдал. Это важно для выяснения причин противоречий между этими показаниями и другими данными дела и, в частности, для проверки реальной возможности полного и точного наблюдения свидетелем события в данных условиях.

Например, при расследовании дела о столкновении двух пароходов, происшедшем в ночное время, был допрошен пассажир, находившийся на верхней палубе одного из этих судов. Он хорошо видел столкновение, но возможно под влиянием страха, или вообще плохо разбираясь в существе подобных происшествий, дал показания о том, что встречный пароход якобы «шел прямо на нас». Показания пассажира противоречили фактам, установленным путем осмотра причиненных судам повреждений и другими материалами. В действительности этот пароход, пересекая под некоторым углом курс другого паро-

хода, на палубе которого находился свидетель, подставил этому пароходу правый борт, что и привело к столкновению. Для проверки правильности вывода свидетеля о том, что другой пароход «шел прямо на нас», следователь задал свидетелю вопросы о всех фактах, необходимых для указанного вывода. В частности, он спросил его о том, какие огни он видел на встречном судне и тот ответил, что видел зеленый огонь (то есть огонь правого борта) и белые огни. На вопрос, не видел ли он на встречном судне еще какого-либо огня, свидетель ответил отрицательно, и когда затем в целях проверки ему был задан также и наводящий вопрос о том, не видел ли он там красного огня (то есть огня левого борта), свидетель тоже ответил отрицательно. Между тем он должен был видеть не только зеленый, но и красный огонь, если бы встречное судно действительно «шло прямо на нас».

Таким образом, в результате заданных свидетелю вопросов было выяснено, что пароход, с которым произошло столкновение, шел не прямо навстречу пароходу, на котором находился свидетель, а пересекал его курс под некоторым углом и что вывод, сделанный свидетелем первоначально, был ошибочным.

Во время допроса свидетеля следователь должен обращать внимание на проявляющиеся иногда несоответствия между переживаниями и действиями свидетеля, с одной стороны, и наблюдавшимся им событием — с другой, а также между переживаниями свидетеля, с одной стороны, и его действиями — с другой. Например, проверяя правильность показаний лиц, заявляющих об их изнасиловании или ограблении, следователь может иногда заметить несоответствие между их поведением после указанных событий и тем, что они должны были бы переживать в этот момент, если изнасилование или ограбление действительно имело место. По поводу такой нелогичности поведения, если она усматривается из материалов дела, свидетель должен быть допрошен. Это позволяет следователю проверить правдивость показаний и правильно оценить их. Задавая свидетелю вопросы по поводу указанного несоответствия, следователь может выяснить новые детали события, объясняющие это несоответствие и новые факты, о которых свидетель ранее не упоминал.

Например, в одном из новых зерновых совхозов на целинных землях ночью во время сильного дождя была пре-

кращена уборка. 12 комбайнов встали в один ряд. Весь персонал уехал на автомашинах в полевой стан, а в качестве сторожей остались лишь два человека, сидевшие в кабине крайнего комбайна. Вскоре они заметили, что к одному комбайну, в бункерах которого осталось зерно, подошла автомашина, и комбайн, стоя на месте, стал работать. По словам одного из сторожей, он и его товарищ сначала не подходили к работавшему комбайну, а потом решили подойти. Когда они стали приближаться к нему, автомашина осветила их фарами, затем потушила свет, круто свернула в сторону и быстро скрылась. Подойдя к комбайну, который работал, сторожа убедились, что почти все оставшееся в бункере зерно исчезло.

Следователь спросил сторожей, почему они сразу не подошли к подъехавшей автомашине, а сделали это позже. Один из них объяснил, что из 12 комбайнов зерно оставалось только в одном. Автомашина, свернув с дороги, направилась именно к тому комбайну. Поэтому они были убеждены, что в автомашине находится кто-то свой, знающий, в каком комбайне осталось зерно и специально приехавший за тем, чтобы перевезти зерно на ток. Однако позднее они обратили внимание на то, что комбайн работал без света. Это вызвало подозрение, и они, несмотря на сильный дождь, решили подойти к комбайну и посмотреть, что там происходит. Таким образом, выясняя причины несоответствия между наблюдаемым фактом, с одной стороны, и действиями сторожей — с другой, следователь обнаружил ряд новых деталей происшествия, которые оказали существенную помощь в раскрытии преступления, а именно, что машина подъехала прямо к комбайну, в бункере которого находилось зерно и что перегрузка производилась при отсутствии освещения.

Если показания свидетеля противоречат другим доказательствам, собранным по делу, то одним из эффективных способов устранения этих противоречий или выяснения их причин, является ознакомление свидетеля с этими доказательствами. В ряде случаев свидетель уточняет свои показания, и это дает отличные результаты, то есть выявляется действительная причина противоречия.

Например, по одному делу о крупном систематическом хищении овощей из совхоза был допрошен в качестве свидетеля кладовщик совхоза, который, судя по материалам дела, не принимал участия в хищении. Свидетель пока-

зал, что на протяжении последних двух лет он ни разу не отпустил никому овощей без предъявления получателем разовой доверенности и письменного разрешения главного бухгалтера совхоза. Эти доверенности он всегда отбирал и вместе с накладными и другими документами сдавал в бухгалтерию совхоза. На вопрос: не замечал ли он, чтобы кто-нибудь из получателей овощей (в частности гр-н Носов) использовал одну и ту же доверенность два раза, кладовщик ответил, что таких случаев он не замечал. При этом он добавил: «да этого и не могло быть, потому что у всех без исключения получателей я каждый раз отбирал доверенности». Таким образом, ответ был дан свидетелем исчерпывающий, но ошибочный. Следовательно знал, что ревизией и произведенным им лично осмотром и сопоставлением документов было обнаружено 64 случая, когда овощи были преступниками получены от этого кладовщика путем вторичного предъявления ему старых доверенностей, изъятых из отчетности совхоза и возвращенных получателю.

Следователь сначала предъявил кладовщику две выписанные им же накладные на отпуск овощей, в которых была сделана ссылка на доверенность за одним и тем же номером. На вопрос, что это значит, кладовщик заявил, что он затрудняется что-либо ответить, так как возможно, что он в одной из накладных неправильно указал номер доверенности. Тогда следователь предъявил ему остальные 63 накладных, в которых кладовщиком были проставлены одинаковые номера доверенностей. Таким образом, оказалось, что во всех 64 случаях доверенности, сданные кладовщиком в бухгалтерию, снова попадали к получателю, и последний, пользуясь отсутствием на них отметок, получил по ним овощи вторично. В связи с этим он изменил свои показания и объяснил, что все это для него неожиданно и эти факты уже никак нельзя объяснить случайной ошибкой. Он каждый раз отбирал разовые доверенности от получателя и сдавал их в бухгалтерию, но никаких отметок на доверенностях не делал. Резолюцию об отпуске овощей главный бухгалтер совхоза накладывал иногда на доверенности, а иногда на прикрепленном к ней клочке бумаги. В последних случаях никаких отметок на доверенностях не оставалось и их можно было использовать для повторного получения овощей, если кто-либо из сотрудников бухгалтерии изымал их из отчетности.

Таким образом, в результате предъявления свидетелю документов, последний исправил в своих показаниях невольную ошибку, сделанную им ранее. Было устранено важное противоречие в материалах дела, и это дало возможность получить очень существенные новые показания, изобличавшие в хищениях некоторых сотрудников бухгалтерии совхоза.

Иногда при такой проверке может обнаружиться, что прежние показания свидетеля были правильными и что обнаруженное противоречие между показаниями свидетеля и другими доказательствами объясняется недоброкачеством последних.

При расследовании одного дела было выявлено, что работники совхоза составили несколько фиктивных ведомостей на оплату работ по полеводству временным рабочим. Деньги, причитавшиеся к выдаче по этим ведомостям, были присвоены их составителями. Одновременно был составлен также и ряд других фиктивных документов, подтверждающих выполнение указанных работ. По отчетности все выглядело правильно. При допросе лиц, значившихся получателями денег по указанным ведомостям, было установлено, что в период, предшествовавший составлению фиктивных ведомостей, они никаких работ по полеводству в совхозе не выполняли и денег не получали. Их показания противоречили имеющимся в деле документам. Для выяснения причин противоречий между их показаниями и документами свидетелям были предъявлены ведомости. Осмотрев их, они подтвердили свои первоначальные показания, но утверждали, что подписи в ведомостях подделаны. Показания свидетелей при дальнейшей проверке подтвердились.

В ряде случаев при предъявлении документов свидетели заявляют, что в них кем-то сделаны приписки или другие исправления первоначального текста документа. При предъявлении вещей, например костюма, свидетель может заявить, что предъявленный ему костюм кем-то переделан.

Эти и аналогичные им обстоятельства могут вполне удовлетворительно объяснять причины противоречий между показаниями свидетелей, с одной стороны, и предъявленными документами и вещами — с другой. Нельзя, конечно, упускать из виду и того, что свидетель может

изменить свои показания, которые противоречат предъявленным доказательствам, не потому, что он вспомнит, как было дело в действительности, а потому, что он не хочет оказаться изобличенным в даче ложных показаний. В этих случаях он постарается изменить свои показания так, чтобы приспособить их к предъявленным доказательствам. В целях установления истины новые показания свидетелей должны быть тщательно проверены.

§ 7. Тактические приемы преодоления у свидетелей мотивов умолчания и лжи при даче показаний

В некоторых случаях свидетель хорошо помнит факты или детали, о которых его спрашивает следователь, но не хочет о них говорить вообще или дает заведомо ложные показания. Мотивы такого умолчания и лжи могут быть весьма разнообразными. К числу их относятся: нежелание свидетеля обнаруживать свои собственные поступки, в том числе такие, которые, по мнению допрашиваемого, могут повлечь за собой привлечение его к ответственности; боязнь огласки, связанная со стыдливостью и нежеланием портить свою репутацию; боязнь повредить своему родственнику или иному близкому человеку; боязнь мести со стороны обвиняемого и близких ему лиц, или, наоборот, враждебное отношение к обвиняемому (например со стороны потерпевшего), вызывающее стремление отомстить ему; нежелание испортить отношения с обвиняемым, его родственниками или с сослуживцами; нежелание подвергаться вызовам в следственные и судебные органы. Ложь или умолчание могут иногда явиться результатом предварительного сговора свидетеля с обвиняемым. Умолчание об известных лицу фактах иногда бывает вызвано молчаливым и скрытым характером допрашиваемого.

Этот перечень является очень примерным и не исчерпывает всего многообразия мотивов умолчания и лжи свидетеля.

Выслушав свободный рассказ свидетеля и ответы на заданные ему вопросы, следователь иногда замечает, что данное лицо лжет или умалчивает о фактах, которые оно, казалось бы, должно было знать. В этих случаях следователь должен попытаться уяснить себе причины умолчания или лжи допрашиваемого и принять меры к их преодолению.

нию в ходе допроса, прежде чем свидетель успел подписать неправильное показание, от которого ему впоследствии труднее отказаться.

Иногда свидетель осуждает совершенное преступление, но пытается помочь обвиняемому из ложно понятого чувства дружбы или жалости к нему. Свидетелю нужно разъяснить, что умолчание или ложь вредны не только для советского общества, но и для самого обвиняемого, так как останутся неизвестными отдельные данные, которые в совокупности с другими доказательствами могли бы смягчить его вину. Если такое разъяснение не дало результатов, то, приступая к допросу свидетеля, целесообразно сначала не фиксировать его внимание на главном факте, а подробно допросить о связанных с ним предыдущих, одновременных и последующих фактах, а уже потом переходить к выяснению основных вопросов. Логика фактов и нежелание допускать внутренние противоречия в своих показаниях могут в таких случаях побудить свидетеля сообщить следователю и те сведения, которые он первоначально не хотел давать.

Примером преодоления мотивов лжи и умолчания при помощи такого тактического приема может быть следующий случай: один свидетель допрашивался по делу о нарушении правил техники безопасности. Свидетелю было жалко и рабочего, убитого электрическим током, и обвиняемого, его семью. Он не хотел портить отношения и с другими сослуживцами, на которых могли быть наложены дисциплинарные взыскания. Кроме того, свидетель сам не проявил в свое время должной настойчивости в реализации требования о том, чтобы приняли необходимые меры по предупреждению несчастных случаев. Свободный рассказ свидетеля был очень краток и бессодержателен. Понимая причины неразговорчивости этого свидетеля, следователь сначала не касался непосредственно вопроса о виновности конкретных лиц, а подробно допросил о смежных фактах. На вопросы следователя он очень охотно и подробно рассказал обо всем, что впоследствии было сделано для предотвращения несчастных случаев (приобретение резиновых ковриков, резиновой обуви, галош, перчаток). Следователь спросил свидетеля, почему была принята та или иная мера, и тот ответил, что это требуется по правилам техники безопасности. Все его показания были записаны. Только после этого следователь перешел

к выяснению основного вопроса, спросив свидетеля, как получилось, что необходимые предупредительные меры не были приняты раньше. Не желая впасть в противоречие с только что данными показаниями, он подробно и правдиво рассказал то, что относилось к основному вопросу.

Если свидетель боится мести обвиняемого или его родственников, следовательно должен попытаться рассеять эти опасения, в частности, путем разъяснения нереальности высказывавшихся угроз.

В целях преодоления мотивов лжи и умолчания свидетелю могут предъявляться доказательства, собранные по делу. Например, в одном случае была перехвачена записка, написанная обвиняемым Павловым, находящимся под стражей. Он пытался переслать ее со своим соседом по камере, освобожденным из-под стражи, но у того записка была отобрана при обыске. Записка была адресована некой гр-ке Семеновой, которую Павлов просил прислать ему передачу (на довольно значительную сумму) и уплатить деньги какому-то гр-ну Ефимову.

При производстве обыска на квартире, где Павлов был прописан и где проживали его жена и дети, следовательно обнаружил очень бедную обстановку. Судя по перехваченной записке, Павлов мог оставить часть похищенных денег гр-ке Семеновой. Необходимо было провести обыск и у нее. Для обеспечения успешности обыска следовательно приступил к сбору некоторых дополнительных сведений о гр-ке Семеновой и для этого, в частности, вызвал на допрос в качестве свидетеля жену обвиняемого Павлова. Он спросил свидетельницу о гр-ке Семеновой, а затем предъявил ей записку. Прочитав записку, Павлова стала возмущаться тем, что ее муж при наличии семьи оставил деньги Семеновой.

Получив ряд сведений о гр-ке Семеновой, следовательно стал допрашивать Павлову по поводу других обстоятельств, непосредственно касавшихся совершенных обвиняемым подлогов и хищений, и та, отказавшись от прежних попыток защищать своего мужа, дала правдивые показания, изобличающие его в хищении, и назвала лиц, которые могли подтвердить эти факты.

Таким образом, записка помогла преодолеть боязнь Павловой повредить мужу.

Боязнь обнаружения неблагоприятных поступков самого свидетеля является весьма серьезным мотивом умолчания. Однако и этот мотив может быть иногда преодолен. По одному делу было установлено, что убийца пригласил свою сожительницу, от которой хотел избавиться, покататься вечером на лодке, взятой напрокат на лодочной пристани. Приехав в безлюдное место, он убил ее ударом молотка, ограбил, спрятал труп в воде в камышах, соскоблил с лодки пятна крови и вернул ее на лодочную пристань.

Труп был случайно обнаружен на другой день, и судебно-медицинский эксперт дал заключение, что смерть потерпевшей наступила накануне вечером.

Городская одежда и другие признаки указывали на то, что потерпевшая проживала скорее всего в находящемся поблизости областном центре, откуда она могла быть доставлена в камыши только на лодке. Поэтому следователь сразу же направился на лодочные пристани и осмотрел там все лодки, которые накануне вечером брались напрокат и были отмечены в журнале сдачи лодок. В этом журнале должно отмечаться время предоставления каждой лодки катающимся и время ее возвращения на пристань. Никаких следов преступления на осмотренных лодках он не обнаружил. Осматривая остальные лодки, не отмеченные в журнале, следователь на одной из них обнаружил соскобленное место. Потом оказалось, что эта лодка накануне вечером была сдана напрокат, но отметки в журнале сделано не было, так как деньги лодочник присвоил себе. Судя по журналу, никто не нанимал этой лодки уже в течение недели.

Следы скобления были свежие, и это вызывало у следователя сомнение в правильности сведений, указанных в журнале.

Следователь, показав лодочнику следы скобления, обстоятельно разъяснил ему тяжесть совершенного в данном случае преступления, его обязанность дать правдивые показания, недопустимость сокрытия преступника и серьезность ответственности, угрожающей свидетелю за дачу заведомо ложных показаний. После некоторого колебания лодочник признался в том, что в тот вечер, перед самым закрытием лодочной пристани, он, действительно, сдал эту лодку напрокат молодому человеку и девушке, а полученные от них деньги в кассу не внес. Он также по-

казал, что на станцию вернулся только один молодой человек, объяснив в разговоре со свидетелем, что девушку он высадил на берег в другом месте.

Свидетель довольно подробно описал приметы обоих молодых людей. Приметы девушки совпали с приметами убитой, а приметы молодого человека помогли разыскать и изобличить убийцу.

По делам об изнасиловании и другим половым преступлениям потерпевшая часто стесняется давать правдивые и полные показания. Следователь может преодолеть этот мотив, разъяснив ей социальную опасность таких преступлений и необходимость решительной борьбы с ними и в то же время растолковав ей, что согласно закону дело, по ее просьбе, будет слушаться при закрытых дверях, что будут приняты меры для предупреждения огласки фамилии потерпевшей и что, если она стесняется давать показания устно, то может написать их собственноручно (ст. 168 УПК РСФСР).

Следственная практика показывает, что потерпевшие по таким делам охотно пользуются правом собственноручно писать свои показания для более откровенного изложения всех обстоятельств дела.

По этим делам целесообразно также в пределах возможности поручить допрос потерпевшей следственному или прокурорскому работнику — женщине.

Если следователь убеждается, что свидетель заведомо продолжает лгать и давать показания, противоречащие другим данным дела, то для его изобличения следует применить такую же тактику, которая применяется при допросе обвиняемых, дающих ложные показания (см. гл. III, § 5).

§ 8. Составление протокола допроса свидетеля

Протокол следует составлять, как правило, по окончании устного допроса свидетеля. До этого следователь должен делать себе лишь краткие заметки для памяти.

Протокол допроса должен точно и с достаточной полнотой отражать содержание показаний свидетеля, имеющих значение для данного дела.

Показания свидетеля и, в особенности, наиболее важную часть их, а также наиболее характерные выражения следует излагать в протоколе, по возможности, дословно. В случае надобности в протоколе следует дословно приво-

дить более важные вопросы следователя и ответы на них (ст. 165 УПК РСФСР).

Следует учитывать, что точность изложения показаний свидетеля имеет очень большое значение. Неполное изложение в протоколе показаний свидетеля и употребление слов и выражений, несвойственных допрашиваемому, а иногда и непонятных ему, приводит к тому, что при оглашении показаний на суде свидетель заявляет: «Я этого не говорил».

Изложение показаний должно быть достаточно полным, конкретным, связным и последовательным. Факты должны описываться сжато, кратко и примерно в той последовательности, в какой о них говорил свидетель.

Выводы, содержащиеся в показаниях свидетеля, обычно следует записать в протоколе допроса сразу же после фактов, на которых они основаны.

Самым распространенным и существенным недостатком протоколов допроса является излишне подробное описание некоторых несущественных обстоятельств дела и наряду с этим недостаточно подробное описание обстоятельств, имеющих для дела наибольшее значение.

Если в процессе допроса свидетелю предъявляются различные предметы, документы, отдельные лица, фотографии, схематические планы местности или жилищ, чертежи машин и т. п., в протоколе допроса об этом должно быть упомянуто в формулировке задаваемых свидетелю вопросов. Если предъявляются документы, фотографии, планы или вещественные доказательства, находящиеся в деле, то в формулировке вопроса должны быть указаны также том и листы дела, где находятся предъявляемые материалы. Непосредственно после этого вопроса следует излагать ответ, данный свидетелем в связи с предъявлением ему соответствующих объектов. В случаях, когда предъявление объектов связано с их осмотром, должен быть составлен еще и протокол осмотра с участием понятых и свидетеля.

По окончании допроса следователь должен ознакомить свидетеля с составленным протоколом. Протокол может быть прочитан следователем вслух или же свидетель, если желает, прочитывает его сам.

Ознакомившись с протоколом, свидетель вправе требовать внесения в него исправлений и дополнений в соответствии с данными им показаниями (ст. 168 УПК РСФСР).

Следователь не имеет права отказать свидетелю в выполнении этого требования.

В конце протокола перед подписью свидетеля следует сделать запись: «протокол мне (или мною) прочитан. Записано с моих слов правильно».

Протокол должен быть подписан свидетелем, следователем (ст. 168 УПК РСФСР) и другими лицами, которые участвовали в допросе или присутствовали при нем. Свидетель должен подписать отдельно каждую страницу протокола.

Все сделанные в протоколе исправления и дополнения необходимо оговорить до подписей. Если возникнет необходимость сделать оговорку после подписи, то следует эту оговорку также подписать.

В некоторых случаях протоколы допроса составляются с некоторыми отклонениями от изложенных выше правил.

Известные особенности имеет протокол допроса в тех случаях, когда по просьбе свидетеля ему предоставляется возможность написать свои показания собственноручно.

Они пишутся свидетелем, как правило, после того, как следователь произвел его устный допрос и разъяснил ему, что в его показаниях является более важным и требует более подробного освещения.

Собственноручные показания должны быть написаны допрашиваемым в кабинете следователя сразу же после устного допроса. Следователь в присутствии свидетеля обязан прочитать его показания, и после устранения замеченных в них пробелов и неясностей протокол допроса должен быть подписан как свидетелем, так и следователем, с отметкой о том, что показания написаны свидетелем собственноручно. После подписания свидетелем протокола, написанного собственноручно, следователь может задавать ему вопросы и предъявлять доказательства.

Ответы должны быть записаны в протоколе или следователем, или самим свидетелем (по просьбе свидетеля).

Некоторые особенности имеет протокол допроса неграмотных свидетелей. По окончании допроса протокол должен быть прочитан неграмотному свидетелю в присутствии приглашенного постороннего лица. После этого следователь задает свидетелю вопрос, правильно ли записаны его показания в протоколе и желает ли он что-либо к ним добавить. Ответ свидетеля должен быть зафиксиро-

ван в протоколе. При получении утвердительного ответа на первый вопрос и отрицательного на второй — протокол подписывается по просьбе допрошенного и в его присутствии приглашенным посторонним лицом «за неграмотного свидетеля», а затем подписывается следователем. В протоколе следует указывать фамилию, имя, отчество и адрес лица, подписавшего протокол допроса за неграмотного свидетеля. Это лицо может быть предупреждено об ответственности за разглашение содержания показаний свидетеля.

Следует считать неправильной практику отдельных следователей, отбирающих от неграмотного свидетеля в конце протокола допроса оттиск большого пальца или предлагающих ему ставить вместо подписи крестики.

К протоколам допроса на месте происшествия, как правило, прилагаются схематические планы местности и жилищ, чертежи машин и станков, составленные самим свидетелем или следователем в присутствии свидетеля и подписанные свидетелем и следователем, а также фотоснимки воспроизведенной со слов свидетеля картины происшествия. Эти планы, чертежи и фотоснимки являются приложениями к протоколу допроса свидетеля. В протоколе допроса должно быть упомянуто о том, какие планы, чертежи и т. п. были составлены во время допроса.

дел
про
каз
ни
ку
нов
тве
дел

ны
сто
пре
ния,
ко
спря
др. У
нию
ние и
 возбу
После
па, ра
ному

1 С
главе, п
преступ
к допросу

ГЛАВА III

ТАКТИКА ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО¹

§ 1. Значение допроса обвиняемого

Показания обвиняемого являются доказательством по делу и средством защиты обвиняемого от выдвинутого против него обвинения (ст. ст. 58, 138 УПК РСФСР). Показания обвиняемого в советском уголовном процессе оцениваются наравне с другими доказательствами и в совокупности с ними. Но они не могут быть положены в основу выводов следствия или приговора суда, если не подтверждены другими доказательствами, собранными по делу.

Допрос обвиняемого является одним из наиболее важных и ответственных следственных действий. С одной стороны, обвиняемый, если он действительно совершил преступление, знает все детали совершенного преступления, мотивы и цель своего противоправного деяния, нередко только сам обвиняемый может указать место, где спрятаны похищенные ценности, орудия преступления и др. Умелый допрос в таких случаях приводит к получению весьма важных новых доказательств. Большое значение имеют показания обвиняемых по делам об убийствах, возбужденных в связи с исчезновением потерпевшего. После того как обвиняемый укажет местонахождение трупа, расследование по делу ведется по более ограниченному числу версий. Нередко показания обвиняемого о

¹ Основные тактические приемы, рекомендуемые в настоящей главе, применимы также к допросу лиц, заподозренных в совершении преступлений, до их привлечения в качестве обвиняемых, а также к допросу свидетелей, дающих заведомо ложные показания.

соучастниках преступления, оставшихся на свободе, дают возможность вовремя пресечь их преступную деятельность.

С другой стороны, если лицо не совершало преступления и привлечено к уголовной ответственности в результате недоразумения, правильно проведенный допрос его дает возможность направить следствие по другому, правильному пути. Кроме того, в своих показаниях обвиняемый может указать обстоятельства, смягчающие его вину.

Всестороннее исследование дела предполагает стремление следователя получить правдивые показания обвиняемого, являющиеся во многих случаях ценным и надежным доказательством. Даже в том случае, когда против обвиняемого собрано вполне достаточно доказательств, полностью изобличающих его в совершении преступления, следует стремиться к тому, чтобы получить от него правдивые и исчерпывающие показания. Некоторые следователи считают, что в этих случаях не следует прилагать усилий к получению таких показаний, поскольку вина обвиняемого и без того доказана. Это неправильно, так как часто обвиняемый дает показания, которые неожиданно для следователя могут существенно поколебать собранные им доказательства.

У обвиняемого важно выяснить мотивы преступления, сведения о его прошлом, на какие доказательства он намерен сослаться в свое оправдание и т. д.

Так, по делу Юры С., убившего своего отца, были собраны, казалось бы, все необходимые доказательства и ничего нового допрос самого Юры дать не мог. Убийство было совершено в присутствии свидетелей, сам обвиняемый после совершения преступления пришел в милицию и заявил о случившемся. Однако подробный допрос помог следователю вскрыть истинные мотивы совершенного преступления — истязание отцом матери Юры, что определило квалификацию действий обвиняемого не по п. «а» ст. 136 УК, а по ст. 138 УК РСФСР.

Разумеется, что все расследование не сводится к тому, чтобы получить показания обвиняемого, признающего свою вину. Вместе с тем, следователь — не пассивный регистратор показаний обвиняемого, а поэтому он должен прилагать усилия к получению от обвиняемого исчерпывающих и правдивых показаний, ибо в этом состоит цель допроса.

Однако нельзя считать правдивыми только те показания обвиняемого, которые соответствуют версии, принятой следователем, а показания, не соответствующие ей, — ложными. Такое понимание правдивых показаний вредно и противоречит ст. ст. 111—112 УПК РСФСР. Поэтому следователь должен применять лишь те тактические приемы допроса, которые способствуют получению от обвиняемого показаний, соответствующих действительности.

Средством получения показаний обвиняемого является его допрос, во время которого следователь проверяет правильность своих выводов, выясняет отношение обвиняемого к предъявленному обвинению, выявляет, какие доказательства и каким путем могут быть собраны, помимо тех, которые уже известны следователю.

Если обвиняемый дает показания, противоречащие доказательствам, собранным по делу, цель допроса — выяснить, что является правильным, — показания ли обвиняемого или другие доказательства.

Обвиняемый может сознаться в совершении преступления или отрицать свое участие в нем. Признание бывает полное, то есть по всем пунктам предъявленного ему обвинения, и частичное. Однако как признание, так и отрицание обвиняемым предъявленного ему обвинения может быть правдивым и ложным.

Бывают случаи, когда обвиняемый, не отказываясь от дачи показаний, уклоняется от предмета допроса, обходит важные моменты. В таких случаях обвиняемый, как правило, не дает правдивых показаний по своей инициативе, но не отрицает фактов, уже установленных следователем.

Некоторые думают, что лицо, признавшее правильным предъявленное обвинение, всегда говорит правду, а отрицающий его — всегда дает ложные показания. Такой упрощенный подход к показаниям обвиняемого на практике ведет к вредным последствиям.

Практика знает немало случаев самооговора¹, вызванного самыми различными причинами. Так, самооговор имеет место в тех случаях, когда обвиняемый скрывает

¹ По поводу самооговора см. М. М. Гродзинский, Обвиняемый и его обязанности и права в процессе, М., 1926, стр. 110; его же, Улики в советском уголовном процессе, «Ученые записки ВЮОН», вып. VII, 1945, стр. 107; М. А. Чельцов-Бебутов, Обвиняемый и его показания в советском уголовном процессе М., 1942, стр. 24—34.

от следователя участие в более серьезном преступлении, чем то, по которому он привлекается в данное время.

Самооговор со стороны несовершеннолетних, как правило, является результатом угроз и уговоров со стороны взрослых преступников. Встречаются самооговоры и со стороны еще нераспознанных душевнобольных, привлеченных в качестве обвиняемых.

Иногда обвиняемый оговаривает себя, пытаясь скрыть преступление, совершенное его родственником или близким человеком. Так Петрова и ее сын Петров обвинялись по ст. 161 УК РСФСР в клевете. Сын Петровой заявил следователю, что клеветнические письма писал он один. В результате тщательной проверки было установлено, что сын себя оговаривает, а преступление в действительности совершила его мать.

Признание обвиняемого не освобождает следователя от проверки его показаний. Вместе с тем, огульное недоверие к показаниям обвиняемого, отрицающего предъявленное обвинение, и недостаточная их проверка могут привести к преданию суду невиновного лица. Только после тщательной проверки показаний обвиняемого у следователя может появиться уверенность в том, что сделанные им по делу выводы соответствуют действительности.

Обвиняемый может дать показания, изобличающие других лиц в совершении преступления. Такие показания в юридической литературе известны под названием «оговор». Оговору придают различное значение. Часть процессуалистов считают, что оговор это — ложные показания, большинство же процессуалистов под оговором понимают показания обвиняемого, изобличающего других лиц (независимо от того, являются ли они правдивыми или ложными). Существуют различные точки зрения и по вопросу о том, может ли оговор иметь место со стороны обвиняемого, не признавшего себя виновным¹. В задачу настоящей работы не входит анализ различных точек зрения,

¹ По вопросу об оговоре см. М. С. Строгович, Уголовный процесс, 1946, стр. 209; М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, 1951, стр. 184; его же, О судебном языке, «Социалистическая законность» 1952 г. № 11; А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств, 1950, стр. 265; М. М. Гродзинский, Кассационное и надзорное производство, 1953, стр. 203; Учебник уголовного процесса МЮИ, 1953, стр. 108.

связанных с определением оговора. Однако следует отметить, что во всех случаях оговор должен быть тщательно проверен, учитывая при этом заинтересованность обвиняемого в исходе дела. Верховный Суд СССР неоднократно указывал, что «показания лица, заинтересованного в исходе дела, не могут быть положены в основу обвинения, если они не подкреплены другими объективными доказательствами»¹.

Получение правдивых и развернутых показаний во многом зависят от правильного проведения допроса и тщательности его протоколирования.

Как и любое следственное действие, допрос обвиняемого не может быть успешным, если следователь производит его непродуманно, без правильного выбора тактических приемов. Планируя допрос обвиняемого, следователь намечает наиболее целесообразное, по его мнению, решение вопросов: о необходимых подготовительных действиях, о выборе момента допроса, об использовании доказательств, последовательности их предъявления и т. д.

При определении тактики допроса обвиняемого необходимо учитывать конкретные обстоятельства дела, характер собранных доказательств, личность допрашиваемого и его индивидуальные особенности. Очевидно, что как нет двух совершенно одинаковых уголовных дел, так нет и двух обвиняемых с одинаковыми индивидуальными особенностями. Поэтому нет таких тактических приемов, которые могли бы быть применены следователем в любом случае и по любому делу.

В нашу задачу входит разработка не таких рецептов, которые можно было бы механически применять во всех случаях, а основных тактических правил, руководствуясь которыми следователь может правильно наметить тактику допроса обвиняемого в каждом конкретном случае, учитывая все индивидуальные особенности как расследуемого дела, так и личности обвиняемого. Тактические приемы допроса обвиняемого, выработанные следственной практикой и советской криминалистической наукой, должны осуществляться в строгом соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона.

¹ См. определение Судебной коллегии Верховного Суда СССР по делу Митюрева и Латушиной, «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1956 г. № 4, стр. 22—23.

Уголовно-процессуальный закон следующим образом определяет пределы правильного применения тактики допроса:

«Следователь не имеет права домогаться показания или сознания обвиняемого путем насилия, угроз и других подобных мер» (ст. 136 УПК РСФСР).

При допросе обвиняемого недопустимы не только насилие и угрозы, но и умышленный обман его следователем, выражающийся в фальсификации и подтасовке доказательств. Нельзя также обещать обвиняемому, что в случае дачи им правдивых показаний он будет оставлен на свободе, что ему будет дано свидание. В случае последующего отказа от показаний обвиняемый может заявить, что показания дал лишь для того, чтобы следователь выполнил обещание. Очевидно, что доказательственная сила полученных показаний будет сведена на нет.

Категорическое запрещение домогаться показаний или сознания обвиняемого означает не только то, что показания, полученные незаконным путем, теряют доказательственное значение, но прежде всего что этим нарушается соблюдение социалистической законности, охрана прав советских граждан в стадии предварительного следствия.

§ 2. Подготовка к допросу обвиняемого

Успех допроса обвиняемого во многом зависит от того, насколько хорошо следователь подготовился к допросу. В эту подготовку входит, в основном, следующее: изучение материалов дела и, в частности освещающих обстановку совершенного преступления; изучение личности допрашиваемого; выбор момента допроса; определение последовательности допроса нескольких обвиняемых; определение предмета допроса; составление плана допроса; выбор места допроса и вызов обвиняемого на допрос.

Изучение материалов дела и, в частности обстановки совершенного преступления. Совершенно очевидно, что, не ознакомившись с материалами дела и не осмыслив их, следователь не может успешно провести допрос обвиняемого.

Поэтому производству допроса должно предшествовать терпеливое и углубленное изучение и анализ всех материалов дела. Особо важное значение это имеет в тех случаях, когда расследование по делу было начато орга-

ном дознания или другим следователем. Принимая дело к своему производству, следователь прежде всего изучает его. Но этого знакомства с делом может оказаться недостаточно для успешного допроса обвиняемого, так как от внимания следователя могли ускользнуть отдельные весьма существенные детали.

Поэтому необходимо хорошо усвоить материалы дела и те доказательства, которыми можно оперировать в ходе допроса.

Изучая материалы дела, следователь должен определить, какие моменты неясны и требуют проверки или дополнения еще до допроса; какие доказательства могут быть использованы при допросе и в какой последовательности.

Важное значение для подготовки к допросу обвиняемого имеет анализ обстановки совершения преступления, результатов обыска и осмотра места происшествия. Непосредственное изучение обстановки преступления, места жительства и места работы обвиняемого иногда дает следователю важный материал для предстоящего допроса.

В некоторых случаях перед допросом обвиняемого целесообразно еще раз проверить объективность доказательств, которыми собирается оперировать следователь при допросе. В одном случае следователь хотел предъявить обвиняемой показания свидетельницы, которая якобы слышала через окно разговор матери с дочерью. Мать обвиняемой якобы упрекала ее в том, что она не сумела спрятать похищенное. По словам свидетельницы, подслушанный ею разговор происходил зимой. В свое время эти показания не были проверены. Подготавливаясь к допросу, следователь решил сам проверить их. Выехав на место, он убедился в том, что сквозь двойные оконные рамы невозможно с улицы подслушать происходящий в комнате разговор. Совершенно ясно, что следователь отказался от использования этого «доказательства», так как оно не могло помочь изобличить обвиняемую.

Изучение личности обвиняемого. Сведения о личности обвиняемого следователю необходимы для того, чтобы иметь предварительное представление о его индивидуальных особенностях, о его прошлом, о той роли, которую обвиняемый мог играть при совершении преступления, и о его взаимоотношениях с соучастниками. Для этого необходимо изучить данные о нем, имеющиеся в следственном

производстве, а также его личное дело в отделе кадров тех предприятий и учреждений, где обвиняемый ранее работал, допросить лиц, которые определенным образом могут характеризовать обвиняемого. Данные, содержащиеся в личном деле и в автобиографии обвиняемого, следует тщательно проверить. Такая проверка нередко дает ценный материал, который при умелом использовании может определить успешное проведение допроса обвиняемого.

Так, например, по делу об убийстве семьи Булыгиных в г. Шадринске, следователю важно было установить, были ли знакомы Сутунков и Прямоносков, заподозренные в совершении преступления. Следователь изучил листки по учету кадров, истребованные с мест работы обвиняемых. Оказалось, что Сутунков и Прямоносков родились в одной деревне. Допросом свидетелей — односельчан было установлено, что Сутунков и Прямоносков дружили все время, вплоть до отъезда Сутункова в г. Шадринск. Своевременное выяснение указанного обстоятельства успешно было использовано следователем при производстве допроса обвиняемых¹.

Основные сведения об обвиняемом следователь получает при проверке его самоличности (ст. 135 УПК РСФСР) и заполнении анкетных данных в протоколе допроса. Однако в ряде случаев следователь должен собирать необходимые данные еще до допроса обвиняемого, чтобы иметь возможность проверить, насколько правильно обвиняемый отвечает на вопросы биографического характера.

Осведомленность следователя о поведении допрашиваемого в прошлом, об обстоятельствах его личной жизни нередко с самого начала пресекает попытки обвиняемого исказить факты.

Изучению личности обвиняемого способствует наблюдение за его поведением во время обыска или осмотра места происшествия, если он присутствует при производстве этих следственных действий. И уже по тому, как он себя держит, какие дает пояснения, можно составить представление о том, как обвиняемый себя будет вести во время допроса. Такие предварительные данные помогают следователю в начальной стадии допроса проверить сло-

¹ «Следственная практика» 1954 г. № 17, стр. 35.

жившееся мнение об обвиняемом и внести необходимые поправки и изменения в тактический план допроса.

Выбор момента для производства допроса. Успешное проведение допроса во многом зависит от правильного выбора момента для его производства. Практика показывает, что как преждевременный, так и запоздалый допрос отрицательно отражаются на результатах этого следственного действия и расследования в целом.

С одной стороны, чем бóльшей совокупностью доказательств располагает следователь к моменту допроса, тем лучшие результаты он даст. Поэтому допрос обвиняемого казалось бы следует отнести к тому моменту, когда следователем будет собрано как можно больше доказательств.

Но, с другой стороны, допрашиваемый на ранней стадии следствия может дать показание, которое опровергнет версию следователя или существенно поколеблет собранные им доказательства. Поэтому целесообразно проводить допрос как можно раньше с тем, чтобы не тратить напрасно времени на разработку несостоятельной версии. Характерно в этом отношении дело по обвинению Карпова, обвинявшегося в убийстве Иванова. Труп Иванова был обнаружен висящим в петле на дереве в городском парке без пиджака и обуви. Свидетели полностью исключали возможность самоубийства, характеризуя Иванова, как жизнерадостного человека, хорошего производственника и активиста. На следующий день был задержан некий Карпов — лицо без определенных занятий, у которого были обнаружены вещи Иванова. Карпов пояснил, что вещи он нашел в парке, и при этом показал именно то место, где был обнаружен труп Иванова. На вопрос, видел ли Карпов труп, он заявил, что не видел. Его показания были признаны неудовлетворительными. Карпов был взят под стражу и ему предъявили обвинение в убийстве Иванова.

Следователь тщательно допросил обвиняемого. И, детализируя его показания, выяснил, что вместе с вещами Карпов нашел книгу Авдеенко «Я люблю», которую выбросил в канаву. Книга была найдена и предъявлена товарищам Иванова. Последние подтвердили, что они эту книгу действительно видели у Иванова. В книге было обнаружено предсмертное письмо, в котором Иванов писал, что кончает жизнь самоубийством.

Таким образом, проверка показаний обвиняемого Карпова полностью исключила его ответственность¹.

Промедление с допросом Карпова в данном случае имело бы своим последствием длительное содержание под стражей лица, не причастного к совершению преступления.

Как же правильно выбрать момент допроса? Как поступить, чтобы допрос не был ни преждевременным, ни запоздалым?

При выборе момента допроса следует иметь в виду три наиболее характерных положения:

1. Допрос подозреваемого лица, когда оно не привлечено к уголовной ответственности ввиду недостаточности собранных доказательств и когда ему не избрана мера пресечения, связанная с лишением свободы, должен производиться лишь в момент, когда будут собраны доказательства, достаточные для предъявления обвинения.

Обвинение может быть предъявлено в момент, когда еще не все обстоятельства дела исчерпывающе расследованы. Например, установлены лишь отдельные эпизоды произведенного хищения и примерный размер ущерба. В конце расследования, когда будут установлены все обстоятельства дела и достаточно выяснена степень участия каждого из обвиняемых, следователь может предъявить новое, дополненное постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Это влечет за собой обязательный допрос обвиняемого по всем обстоятельствам вновь предъявленного обвинения.

2. Если подозреваемое лицо заключено под стражу в порядке ст. 145 УПК РСФСР, допрос по обстоятельствам дела следует производить до предъявления обвинения с тем, чтобы собрать новые доказательства и проверить правильность избранной следователем версии. Но как только будут собраны необходимые данные и не позднее четырнадцати суток со дня принятия меры пресечения, обвинение должно быть предъявлено, а следовательно, и произведен допрос в качестве обвиняемого.

3. Повторные допросы обвиняемого, ранее допрошенного по предъявленному обвинению, производятся в связи с обнаружением новых доказательств или в связи с противоречиями в показаниях обвиняемого.

¹ См. «Социалистическая законность 1940 г. № 4, стр. 49—50.

Определение последовательности допроса нескольких обвиняемых. В тех случаях, когда следователь располагает совокупностью доказательств, которая позволяет предъявить обвинение одновременно нескольким лицам, возникает вопрос: с кого начинать допрос. Успешный допрос первого из обвиняемых дает в руки следователя новые доказательства, которые он может использовать при допросе остальных обвиняемых. Очевидно, что допрос следует начинать с обвиняемого, от которого, по предположению следователя, можно скорее получить правдивые показания.

При решении указанного вопроса учитываются:

а) индивидуальные особенности каждого обвиняемого, совершил ли он это преступление впервые или ранее имел судимость;

б) степень доказанности совершения преступления каждым из обвиняемых;

в) степень участия каждого из обвиняемых в совершении преступления;

г) взаимоотношения между обвиняемыми.

Можно допустить, что обвиняемый, совершивший преступление впервые и характеризующийся в прошлом положительно, даст более правдивые показания, чем рецидивист; легче получить правдивые показания от того обвиняемого, в отношении которого собраны неопровержимые доказательства виновности. С него, как правило, и нужно начинать допрос, так как использование собранных доказательств может убедить его в том, что следователь достаточно осведомлен о совершенном преступлении и дальнейшее заpiresательство бесполезно; скорее может признаться в преступлении соучастник, роль которого была второстепенной. Характерно в этом отношении дело по обвинению Епишева и др. в убийстве Макаренко. В убийстве Макаренко обвинялись Епишев, Волобуев, Губченко и шофер Кучеренко. Макаренко был убит по дороге в милицию, куда его на машине вез Кучеренко. Перед следователем встал вопрос, кого из них допрашивать первым. Выбор пал на Кучеренко, так как было известно, что Кучеренко непосредственно не был заинтересован в убийстве Макаренко и все время был за рулем. По всем данным его роль являлась пассивной, второстепенной. Расчет следователя был правильным. Кучеренко подробно рассказал о совершенном преступлении, и его показания помогли

следователю успешно провести допрос остальных соучастников преступления¹.

При допросе следует учитывать также и взаимоотношения между обвиняемыми. Как правило, обвиняемый, совершивший преступление под влиянием соучастников или не получивший доли похищенного, более склонен давать правдивые показания, чем организатор преступления или лицо, получившее большую долю.

Так, в хищении товара с автомашины в селе Павловском принимали участие односельчане Мироничев, Никитин, Кондратьев и Чепурной. Похищенные вещи на общую сумму 36 865 руб. Мироничев и Никитин спрятали, Чепурному и Кондратьеву они обещали выдать долю позднее. Однако потом они заявили Чепурному, что похищенные вещи исчезли. Но Чепурной понял, что его обманули, так как кое-что из похищенного он видел у своих соучастников. Слухи о разладе среди соучастников хищения дошли до следователя, и он умело использовал это обстоятельство, начав детальный допрос именно с Чепурного. При первом же его допросе он подробно рассказал о совершенном преступлении и в дальнейшем на очных ставках изобличил своих соучастников.

Определение предмета допроса. Следователь должен правильно определить предмет допроса, ибо только в этом случае он может в достаточной мере детализировать и конкретизировать показания обвиняемого, допросив его по всем обстоятельствам дела. При определении предмета допроса обвиняемого нужно исходить из процессуальной природы его показаний. Во-первых, показания обвиняемого являются средством его защиты, а поэтому в предмет допроса обвиняемого включаются: объяснение всех инкриминируемых ему фактов и мотива совершения преступления; выяснение отношения обвиняемого к предъявленному обвинению, степени его участия в совершенном преступлении и обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого. Во-вторых, показания обвиняемого являются доказательством и источником получения новых данных по делу. Следовательно, в предмет допроса обвиняемого входит: проверка объективности уже добытых доказательств, выяснение соучастников, характера и размера ущерба, обстоятельств совершения преступления (способа

¹ См. «Следственная практика» 1956 г. № 28, стр. 117.

проникновения на место происшествия, технических приемов и орудий, при помощи которых совершено преступление, места сокрытия похищенного, трупа, орудий преступления и т. п.).

Если обвиняемый не признает себя виновным, то предметом допроса является получение от обвиняемого доказательств, которые могли бы подтвердить его невиновность и опровергнуть версию, положенную в основу привлечения данного лица в качестве обвиняемого, в частности, где был и что делал обвиняемый в момент совершения преступления, откуда взялись обнаруженные при обыске ценности, и т. п.

Таким образом, предмет допроса обвиняемого гораздо шире, чем объем фактов, изложенных в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого.

Предмет допроса меняется в зависимости от того, в какой момент расследования производится допрос и какие обстоятельства уже выяснены следователем. Отношение обвиняемого к предъявленному обвинению выясняется при первом его допросе. Однако следует иметь в виду, что оно тоже может меняться в ходе дальнейшего расследования.

Составление плана допроса. Приступая к допросу обвиняемого, следователь должен твердо знать, какие вопросы и в какой последовательности ему необходимо выяснить у допрашиваемого. Общий план расследования не может включать всех обстоятельств, связанных с делом того или иного обвиняемого. Поэтому рекомендуется составлять отдельный план допроса, который может быть либо подробным и развернутым, либо сделан в форме кратких заметок, в зависимости от сложности дела и от умения следователя оперировать собранным материалом. По несложным делам письменный план можно и не составлять, сохраняя его в памяти. Но при всех условиях необходимо тщательно продумать, что именно и в какой последовательности будет выясняться. План допроса не должен связывать следователя. Он может перестраивать и дополнять его в зависимости от результатов самого допроса и от поведения обвиняемого на допросе.

При составлении плана первого допроса обвиняемого за основу следует взять постановление о привлечении в качестве обвиняемого и те исходные данные, которыми располагает следователь к моменту его составления: про-

токол осмотра места происшествия, изъятые документы, протоколы допроса других обвиняемых и свидетелей.

Письменный план допроса обвиняемого (по сложным делам) может составляться по форме плана допроса свидетеля¹.

Последовательность выяснения тех или иных обстоятельств зависит от конкретных обстоятельств дела и от той тактической линии, которой намерен придерживаться следователь во время допроса. Так, в ряде случаев целесообразно вначале исследовать период, предшествующий совершению преступления, затем обстоятельства совершения преступления и, наконец, период, непосредственно следующий за преступлением. Но подобная последовательность выяснения нецелесообразна в тех случаях, когда преступление носило систематический характер и не было в каждом отдельном случае связано с физическим участием в нем допрашиваемого лица (организованное хищение государственного или общественного имущества, совершенное группой лиц, выпуск недоброкачественной продукции и др.).

Тактику предстоящего допроса следователь намечает уже при составлении плана допроса. Конечно, следователь еще не может окончательно определить свою тактическую линию до начала допроса обвиняемого, так как он еще недостаточно изучил его индивидуальные особенности и не знает, как допрашиваемый будет держать себя в ходе допроса. Однако основные моменты, а именно: содержание и последовательность вопросов, объем и очередность предъявления доказательств обвиняемому определяются следователем еще до первого допроса. План последующих допросов обвиняемого зависит от тех вопросов, которые необходимо выяснить и от доказательственного материала, который следователь намерен ему предъявить в ходе допроса.

Выбор места допроса и вызов обвиняемого. Обвиняемый, находящийся на свободе, допрашивается, как правило, в кабинете следователя. Обвиняемый, содержащийся под стражей, допрашивается в месте заключения. Из этого общего правила возможны исключения. В тех случаях, когда по тактическим соображениям, обвиняемого целесообразно допросить неожиданно для него, это

¹ См. стр. 52.

можно сделать по месту нахождения обвиняемого, например, по месту работы или в канцелярии домоуправления. Иногда в интересах следствия целесообразно допросить обвиняемого непосредственно после обыска, произведенного у него на квартире.

Обвиняемые допрашиваются порознь и в отсутствие свидетелей. Следователь должен принять меры к тому, чтобы они не общались между собою.

В тех случаях, когда обвиняемый болен и находится на излечении в больнице, следователь может допросить его в больнице, но только с разрешения лечащего врача. Если больной обвиняемый находится дома, его допрос может быть произведен лишь в том случае, если это не повредит состоянию здоровья больного, о чем следует получить справку от врача, состоящего на государственной службе. Однако такой допрос создает для следователя ряд неудобств, так как могут присутствовать родственники обвиняемого и следователю трудно сохранить в тайне полученные данные. Допрос обвиняемого на его квартире целесообразно производить в присутствии и с участием прокурора.

Обвиняемый, находящийся на свободе, вызывается на допрос телефонограммой, а также повесткой по почте или через курьера. В случае неявки обвиняемого по вызову без уважительной причины следователь вправе подвергнуть его принудительному приводу. Причины неявки должны быть тщательно выяснены, так как неосновательный привод является серьезным нарушением прав граждан и осложняет впоследствии допрос обвиняемого, вызывая у него озлобленность и раздражение.

Обвиняемый, находящийся под стражей, допрашивается в тюрьме или вызывается к следователю через администрацию места заключения. Если несколько обвиняемых по одному делу, находящиеся под стражей, препровождаются к следователю для допроса, нужно дать указание администрации места лишения свободы о том, чтобы арестованные обвиняемые не могли общаться между собой.

§ 3. Общие процессуальные правила и тактические приемы допроса обвиняемого

Обстановка допроса и поведение следователя во время допроса. Как уже отмечалось в первой главе, обстановка допроса влияет на успешность воспроизведения обвиняе-

мым его восприятий и изложения им своих объяснений. Допрос обвиняемого, как правило, должен производиться один на один. В отдельных случаях, когда производится допрос основных участников преступления, желательно участие в допросе прокурора. Если обвиняемого необходимо допросить по поводу фактов, исследование которых требует специальных познаний, следователь приглашает на допрос эксперта. Эксперт помогает ему сформулировать вопросы, подлежащие выяснению. Однако если это первый допрос обвиняемого, то лучше ограничиться предварительной консультацией с экспертом, не приглашая его на допрос. Участие эксперта в последующих допросах обвиняемого нередко оказывает существенную помощь: он помогает следователю разобраться в тех показаниях обвиняемого, которые требуют специальных знаний, консультирует следователя, какие вопросы надо дополнительно задать обвиняемому, чтобы внести в его показания полную ясность. В процессе допроса эксперт через следователя может задавать обвиняемому вопросы, выяснение которых необходимо для полноценного заключения эксперта. При этом следует помнить, что допрос производит следователь, а не эксперт. Окончательная формулировка вопросов, задаваемых при допросе экспертом, производится следователем.

В необходимых случаях допрос обвиняемого производится с участием переводчика.

Следователь может успешно провести допрос только в том случае, если обвиняемый доверяет следователю и относится к нему с уважением, верит, что он стремится выяснить истину и учтет все материалы, смягчающие его ответственность. В то же время обвиняемый должен чувствовать, что следователь знает дело и обманывать его бесполезно. В следователе он должен видеть прежде всего представителя Советского государства, стоящего на страже социалистической законности. Поэтому следователь обязан внимательно относиться ко всем законным просьбам и ходатайствам обвиняемого, разъяснить его процессуальные права. Окрик, грубость и безучастное отношение к обвиняемому почти всегда приводят к отрицательным результатам.

Следователь не должен унижать достоинство обвиняемого. Он должен подчеркивать свою готовность выяснить все моменты, характеризующие его положительно.

Наблюдая за обвиняемым, следователь порой забывает о том, что обвиняемый в свою очередь внимательно изучает следователя, пытаясь выяснить, что ему известно по делу, как себя с ним можно вести, какие моменты особенно интересуют следователя и какое впечатление на него производят те или иные ответы. Поэтому во время допроса обвиняемого или подозреваемого следователю нужно следить за своим поведением, имея в виду, что всякая неосторожность с его стороны может нарушить осуществление намеченной им тактической линии. Так, если обвиняемый неожиданно для себя проговорится об обстоятельствах, которые он пытался скрыть, или сообщит о факте, который больше всего интересует следователя, не нужно выражать явное удовлетворение по этому поводу, имея в виду, что обвиняемый может изменить свои показания. Следователь не должен проявлять растерянности, недоумения по поводу отдельных показаний обвиняемого или явной заинтересованности в тех или иных его сообщениях.

Допрос следует вести уверенно, спокойно. Тон не должен быть высокомерным, враждебным или, наоборот, заискивающим. Следователь не должен показывать, что он торопится и не имеет времени внимательно выслушать обвиняемого. Нельзя выражать предвзятость и недоверие ко всему, что говорит обвиняемый. Нужно его выслушать, а затем указать, что в его показаниях неправдоподобно или противоречит другим материалам дела. Психологически более сильное впечатление производит на обвиняемого следователь, который спокойно выслушивает его, а затем пункт за пунктом опровергает его показания. Обвиняемый, убедившись в том, что ему не удалось обмануть следователя, как правило, приходит к выводу, что дальше лгать бесполезно. Прибегая к таким средствам как юмор, ирония, сарказм, следователь должен следить, чтобы его замечания не носили оскорбительного характера, не вызвали у обвиняемого враждебного отношения. Вместе с тем шутливое или ироническое замечание, а также вовремя высказанное недоверие к словам обвиняемого иногда положительно отражаются на результатах допроса, уменьшают напряженность и замкнутость обвиняемого.

Следователь должен следить за тем, чтобы обвиняемый вел себя во время допроса вежливо, не допускал развязности или грубости. Если обвиняемый ведет себя неправильно, то ему нужно указать на это. Нередко после

замечания, вовремя сделанного следователем, поведение обвиняемого резко меняется к лучшему. Пропадает наигранный, беспечный тон и показная уверенность.

Расследуя дело о злоупотреблениях работников Московского городского управления рынков, следователь вызвал на допрос обвиняемого Горелика, систематически получавшего взятки от работников рынка. Решив не признавать получение взяток и стараясь показать, что он совершенно спокоен, уверен в своей правоте, ничего не боится и ничуть не волнуется, Горелик не снял головного убора, развалился в кресле и вел себя развязно. Заметив это, следователь сумел сделать ему замечание таким образом, что от показной беспечности обвиняемого не осталось и следа. Вот как об этом рассказывает следователь:

«Я смотрю и молча изучаю его. Заметив это, Горелик начал быстро осматривать свою одежду, нет ли в ней каких-либо неполадок. Ничего не обнаружив, он не выдержал и спросил:

— Что вы на меня так смотрите?

— Я жду, когда вы как следует усядетесь, — ответил я.

Горелик смущенно извинился и поспешно принял нормальную позу.

Я продолжал молчать.

— Разве я не так сижу? — снова спросил Горелик.

— Нет, я жду, когда вы снимете шапку, в головном уборе быть в комнате неудобно, — сказал я. Горелик снова смутился, быстро снял шапку и впопыхах положил ее поверх лежавших на столе бумаг.

— Возьмите ее к себе на колени, — спокойно предложил я.

Горелик окончательно растерялся, начал бессвязно извиняться¹.

После того как следователь убедился в том, что Горелик изменил свое поведение, он перешел к допросу по существу.

Выслушивание свободного рассказа обвиняемого. Согласно ст. 138 УПК РСФСР допрос обвиняемого начинается предложением рассказать все ему известное по делу. На практике, как правило, допрос обвиняемого начина-

¹ «Следственная практика» 1951 г. № 5, стр. 23.

ся с вопроса о том, признает ли он себя виновным в предъявленном ему обвинении.

Постановка такого вопроса в самом начале допроса представляется нам во многих случаях нецелесообразной, так как не способствует получению от обвиняемого правдивых показаний. Категорический ответ на первый в значительной мере формальный вопрос, с которым к нему обращается следователь, нередко мешает обвиняемому рассказать о совершенном преступлении. Иногда отрицательный ответ обвиняемого на вопрос, признает ли он себя виновным, зафиксированный в самом начале протокола допроса, противоречит дальнейшему изложению его показаний, из которых видно, что он фактически признает большинство инкриминируемых ему фактов.

Закон не обязывает обвиняемого в стадии предварительного следствия давать категорический ответ на вопрос, признает ли он себя виновным в предъявленном обвинении. Это задача следователя — получить от обвиняемого обстоятельные и правдивые показания, из которых бы само собой вытекало отношение обвиняемого к предъявленному обвинению. Поэтому мы считаем целесообразным в самом начале допроса, как правило, не фиксировать внимания обвиняемого на этом вопросе.

Свободный рассказ обвиняемого, определяя его отношение к предъявленному обвинению, является средством осуществления его права на защиту. Следователь не просто выслушивает показания, которые ему дает обвиняемый, а должен стремиться получить от него максимум сведений, которыми он располагает по делу.

Нередко обвиняемый в своем свободном рассказе дает ложное показание, заранее подготовленное. Внешне все выглядит вполне правдоподобно. Такого обвиняемого можно уличить во лжи лишь путем тщательной проверки показаний и предъявления обвиняемому доказательств, опровергающих его показания.

Бывают случаи, когда обвиняемый придумывает ложные объяснения уже в ходе самого допроса. Свободный рассказ такого обвиняемого, как правило, изобилует многими противоречиями и неточностями, которые впоследствии могут быть использованы следователем для разоблачения лживости показаний. Но могут быть и непреднамеренные ошибки и запамätования. Поэтому при оценке показаний обвиняемого следует учитывать особенности

его восприятия и памяти¹. Ошибки такого рода должны быть устранены теми тактическими приемами, которые рекомендованы в главе II для оказания помощи добро-совестному свидетелю в воспоминании упущенных и при-поминании забытых им фактов.

Если допрашиваемый отказывается давать показания, ему следует разъяснить, что никто лучше его самого не сможет объяснить обстоятельства дела и привести доводы в свою защиту. Разумеется, что убедить в этом обвиняе-мого не всегда удастся, но следователь должен приложить к этому все усилия. Во время свободного рассказа он не должен перебивать обвиняемого вопросами, предоставив ему возможность высказаться до конца. Это, конечно, не означает, что следователь не может предложить ему уточ-нить те или иные моменты, которые непонятны, или ука-зать обвиняемому на то, что он уклоняется от предмета допроса.

Свободный рассказ обвиняемого должен быть тща-тельно зафиксирован следователем в протоколе допроса, независимо от того, кажется ли он следователю правди-вым, или заведомо ложным, или ошибочным.

Постановка вопросов обвиняемому. Вопросы, как пра-вило, следователь задает обвиняемому после того, как он дал показания в форме свободного рассказа об опреде-ленном обстоятельстве, эпизоде или по поводу предъяв-ленного ему обвинения в целом.

При этом следует соблюдать следующие правила:

а) Вопрос должен быть конкретным, ясным и касаться одного какого-нибудь обстоятельства. Формулировка во-проса должна предполагать развернутый ответ. Лаконич-ный ответ обвиняемого «да» или «нет» не может удовле-творять следователя. Не следует загромождать протокол фиксацией излишних вопросов, которые по своему харак-теру не влияют на показания обвиняемого.

б) Нужно избегать вопросов, на которые можно дать предположительный ответ. Например, не следует спраши-вать обвиняемого, не считает ли он, что о совершенных хищениях должен был бы знать директор базы? А следует спросить: «Знал ли директор базы о хищениях?»

в) Следователь должен заранее продумать, в какой

¹ Подробнее об этом см. гл. I настоящей работы.

последовательности он будет выяснять интересующие его вопросы.

Как правило, один вопрос должен вытекать из другого и являться логическим продолжением предыдущего.

Так, директор одного из магазинов Ицков, вступив в преступную связь с бухгалтером тарного склада Молочниковой-Беловой и получая от нее фиктивные накладные на якобы сданную магазином винную посуду, списывал эту посуду в расход по товарным отчетам магазина, а стоимость ее, указанную в бестоварных накладных, изымал из выручки. В предъявленном ему обвинении Ицков себя виновным не признал, заявив, что вся посуда им действительно сдана. Следователь подробно зафиксировал ответы Ицкова на вопросы, которые задавались ему в такой последовательности:

«Вопрос: Кто отвозил порожнюю посуду на винзавод?

Ответ: Посуду отвозил я на автомашине.

Вопрос: Кто грузил посуду на автомашину?

Ответ: Посуду грузил лично я, и мне помогал рабочий Рябинкин.

Вопрос: Кроме рабочего Рябинкина Вам кто-либо помогал в погрузке?

Ответ: Другого рабочего в магазине нет, и, кроме Рябинкина, мне никто не мог помогать в погрузке.

Вопрос: Вам зачитываются показания рабочего Рябинкина от 18 мая с. г. о том, что он не помогал Вам грузить посуду и ни разу не видел, чтобы Вы лично отвозили ее на винзавод. Что Вы можете показать по этому поводу?

Ответ: Я точно не помню, может быть мне помогал не Рябинкин, а кто-нибудь из шоферов автомашин, на которых отправлялась посуда.

Вопрос: Знаете ли Вы фамилии шоферов этих машин?

Ответ: Фамилии шоферов я не знаю, это были совершенно случайные люди. Поскольку в Райпищеторге я машины в нужные дни достать не мог, я нанимал «левые» машины у бензоколонок за наличный расчет.

Вопрос: Почему Вы брали машины у бензоколонок в то время, как, по заявлению директора Райпищеторга, не было ни одной заявки магазина на транспорт, которая не была бы удовлетворена?

Ответ: Я сейчас не помню, почему это произошло. Видимо я не имел времени для того, чтобы подавать за-

явку в Райпищеторг, так как скапливалось большое количество посуды и она загромождала помещение.

Вопрос: Из каких средств оплачивались нанятые Вами машины и как оформлялась их оплата?

Ответ: Машины оплачивались за счет магазина, стоимость проводилась по товарным отчетам.

Вопрос: В бухгалтерии магазина отсутствует документация на оплату транспорта в те дни, когда согласно накладным Вами производилась отправка посуды. Как Вы это можете объяснить?

Ответ: Может быть, я оформлял эти расходы в другие дни и не указывал, что эти средства израсходованы именно на транспорт.

Вопрос: Вы можете указать, какие суммы и когда Вами оформлялись?

Ответ: Я не смогу это сейчас сделать, так как прошло много времени и я забыл, какие суммы и когда я оформлял».

Если обвиняемый не признает себя виновным и дает ложные показания, противоречащие материалам дела, последовательность задаваемых вопросов зависит от характера собранных доказательств и от очередности, в которой они предъявляются обвиняемому.

Так, допрашивая обвиняемого Сидоренкова, отрицавшего свое участие в убийстве рабочего Анашкина, следователь вначале выяснил, где был обвиняемый в день убийства:

«Вопрос: Как вы провели вчера день?

Ответ: Я работал с 7 утра до 4 часов дня. С работы пришел в общежитие.

Вопрос: Следствием установлено, что Вы вчера на работу не явились. Ознакомьтесь со справкой табельщицы и объясните, почему Вы говорите неправду?

Ответ: Справка правильная. На работе я не был. Я проспал и побоялся ехать на работу.

Вопрос: Где же Вы были в течение дня?

Ответ: Я бесцельно ходил по улицам и магазинам.

Вопрос: Чем Вы занимались вечером?

Ответ: Вместе с Сорокиным и еще одним знакомым парнем (его зовут Павлом, а где он живет и работает, я не знаю) мы ходили на танцы около корпусов. Часов около 11 мы разошлись, и я отправился домой спать.

Вопрос: А не были ли Вы вечером у себя в общежитии вместе с Анашкиным и Сорокиным?

Ответ: Нет. Я Анашкина не видел.

Вопрос: Как же Вы не видели Анашкина, если вечером в комнате общежития и в присутствии всех проживающих в этой комнате Вы выпивали вместе с Сорокиным и Анашкиным, а затем все вместе ушли?

Ответ: Ну, выпивали, что же тут такого?...

Уличив обвиняемого во лжи и установив, что обвиняемый вышел из общежития вместе с Анашкиным, а вернулся один в два часа ночи, следовательно переходит к вещественным доказательствам, собранным по делу.

«Вопрос: В какой одежде Вы проводили вечер?

Ответ: На мне был плащ и брюки, которые у меня изъяли после доставления в милицию, а также пиджак, который на мне.

Вопрос: Участвовали ли Вы в последние три дня до задержания в каких-нибудь драках? Били ли Вы кого-нибудь до крови, били ли Вас до крови?

Ответ: Ни в последние три дня, ни в течение двух-трех лет вообще я ни в каких драках не участвовал. Это я утверждаю категорически.

Вопрос: Получали ли Вы в последнее время какие-либо ранения или ушибы, сопровождавшиеся кровотечением?

Ответ: Нет, ничего подобного не было.

Вопрос: Объясните тогда, откуда у Вас на брюках и на плаще свежие пятна крови?...

Последовательное выяснение обстоятельств, исключая алиби обвиняемого, а затем обстоятельств, свидетельствующих о причастности Сидоренкова к совершенному преступлению, убедило обвиняемого в том, что следователь располагает достаточной совокупностью доказательств и что дальнейший отказ от правдивых показаний бесполезен.

г) Не следует подчеркивать вопросы, особенно интересные следователя. Напротив, их нужно задавать безразличным тоном и поочередно с вопросами, касающимися второстепенных моментов, для того чтобы обвиняемый не заподозрил важности ожидаемого ответа.

¹ «Следственная практика» 1954 г. № 19, стр. 77—80.

Так, например, если важно проверить характер отношений между обвиняемым и свидетелем Сидоровым, который дал изобличающие обвиняемого показания, не следует сразу приступать к выяснению этого вопроса. Обвиняемый, догадавшись о том, что Сидоров его изобличает, может умышленно опорочить показания свидетеля, заявив, что находится с ним в неприязненных отношениях, в то время как фактически отношения были нормальными. Поэтому рекомендуется выяснить взаимоотношения обвиняемого с целым рядом лиц, в том числе, с Сидоровым. Например, если Сидоров является сослуживцем обвиняемого, то следует выяснить отношения с другими сослуживцами, если он — сосед по квартире, то с другими соседями и т. д.

Когда следователя интересует вопрос, где был обвиняемый в определенное время, нужно постепенно выяснять, где он был на протяжении длительного отрезка времени, включая и интересующее следователя время. Таким тактическим приемом можно своевременно предотвратить выдвижение обвиняемым ложных аргументов.

д) После ответа обвиняемого на поставленный ему вопрос в случае необходимости следует задать вопросы, уточняющие и поясняющие его показания. При этом следует продумать, какими следственными действиями можно в дальнейшем проверить каждое из обстоятельств, на которые ссылается обвиняемый в своих показаниях.

Путем постановки контрольных вопросов показания обвиняемого проверяются уже в ходе его допроса. Обязательно следует уточнять сообщения о датах, времени, расстоянии, суммах и других подобных обстоятельствах.

Нередко следователь пассивно фиксирует показания обвиняемого и не уточняет их вопросами там, где это действительно необходимо. Это неправильно.

Так, обвиняемый Дубовицкий, привлеченный к уголовной ответственности за хищение государственных средств в сумме 15 073 руб. из кассы группового комитета Районного жилищного управления, председателем которого он являлся, показал следующее:

«Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю и поясняю, что денег в сумме 15 073 руб. 45 коп. я из кассы группового комитета Кировского РЖУ не похищал. Из кассы я взял только лишь 327 руб. в счет заработной платы, до ревизии кассы, а поэтому эта сумма актом ре-

визии и была отражена как недостача. Недостача помимо 327 руб. денег в кассе образовалась потому, что ко мне часто обращались работники райжилуправления с просьбой о выдаче им денег. Я им деньги выдавал без документов и не вел учета. Очевидно, мне все деньги не возвращались, а поэтому и образовалась недостача. Часто ко мне обращались работники РЖУ за деньгами для поездки в пионерлагерь. Я деньги давал, а оформлять документы забывал. Ездили ли сотрудники в пионерлагерь на те деньги, которые я им выдавал, я не знаю, так как их не проверял. Для себя лично я из кассы группкома, кроме 327 руб., не брал».

Следователь не поинтересовался у обвиняемого, кто же из работников РЖУ обращался к Дубовицкому за деньгами, кому и в какой сумме он выдавал их и почему эти выдачи денег не нашли документального отражения, кто из сотрудников и когда ездил в пионерлагерь и почему для этого выдавались деньги из кассы группкома. Очевидно, что все эти обстоятельства следователь должен был уточнить в форме вопросов, в целях полноты и всесторонности расследования и для последующей проверки объяснений обвиняемого. Однако следователь отнесся формально к допросу. Такой неполный допрос обвиняемого не способствует правильному разрешению дела и влечет за собой возвращение дела на доследование.

е) Допрос обвиняемого в ряде случаев успешно сочетается с производством таких следственных действий, как очная ставка, предъявление для опознания, следственный эксперимент, для чего допрос прерывается, о чем делается отметка в протоколе. Продолжая прерванный допрос, следователь использует данные, полученные в результате проведенных в перерыве следственных действий.

Так, если обвиняемый заявляет, что он не был на квартире у взяточдателя (или взяточполучателя), целесообразно прервать допрос для предъявления обвиняемого лицам, видевшим его в этой квартире. После опознания обвиняемого допрос продолжается с учетом полученных новых сведений.

Допрашивая обвиняемого Отоку по поводу убийства работницы Лысенко, следователь построил допрос следующим образом:

«Вопрос обвиняемому: Где Вы были вечером 20 августа?»

Ответ: я уже говорил, что 20 августа вечером я был в столовой поселка Пяльма вместе с Борисом Старовойтовым. Мы вместе обедали, выпивали, а потом разошлись.

Вопрос: работницы столовой Абрамова и Клокова утверждают, что видели Вас 20 августа в столовой вместе с Лысенко. Была ли Лысенко с Вами в столовой?

Ответ: нет, мы были с Борисом только вдвоем. Лысенко я не знаю.

Я, — пишет следователь, — прервал допрос и произвел очную ставку между Отокой и Абрамовой. На очной ставке Абрамова весьма образно рассказала о том, как она, будучи официанткой, обслуживала Отоку и Лысенко, напомнила отдельные детали их поведения и разговоров.

Отока сначала отрицал показания Абрамовой, а потом признал, что, помимо его и Старовойтова, в столовой была и Лысенко. — Закончив очную ставку, я снова вернулся к допросу Отоки.

Вопрос: значит Лысенко была с Вами в столовой 20 августа?

Ответ: да, она была вместе с нами, со мной и Борисом. Она — знакомая Бориса. После обеда они вместе ушли...»¹

Следует иметь в виду, что при допросе обвиняемого применяются и те тактические положения, которые изложены в разделе о постановке вопросов при допросе свидетеля, в частности, приемы, применение которых помогает обвиняемому припомнить обстоятельства, которые он забыл или перепутал. При этом, разумеется, следует учитывать заинтересованность обвиняемого в исходе дела.

Тактика допроса намечается заранее, но в ходе допроса следователь может перестроить свой тактический план. В тех случаях, когда тот или иной тактический прием не дает результатов, следователь должен смело и быстро принимать решение, не проявляя растерянности или замешательства.

По окончании допроса необходимо проанализировать его результаты, выяснив причины успеха или допущенные ошибки для того, чтобы учесть их при проведении последующих допросов.

¹ См. «Следственная практика» 1954 г. № 24, стр. 28—30.

Если в процессе изучения результатов допроса у следователя возникают вопросы к обвиняемому, то их целесообразно записывать с тем, чтобы выяснить на первом же из последующих допросов обвиняемого.

Основные тактические задачи, разрешаемые путем постановки вопросов обвиняемому. Целесообразно более подробно остановиться на рассмотрении основных тактических задач, разрешаемых следователем при постановке вопросов обвиняемому. Эти задачи таковы:

1. Выявление доказательств, необходимых для последующей проверки показаний.

2. Выявление и использование противоречий в показаниях.

3. Выявление и использование обстоятельств, о которых обвиняемый умалчивает.

Имея в виду, что все показания обвиняемого должны быть тщательно проверены, следует выяснять источники сведений, уточнять обстоятельства, при которых произошло то или иное событие, и выявлять доказательства, которые могут подтвердить или опровергнуть сообщения обвиняемого.

В советском уголовном процессе обязанность представления доказательств лежит на следователе и прокуроре. Но это не означает, что следователь не должен стремиться к тому, чтобы выяснить у обвиняемого, какие доказательства, по его мнению, опровергают предъявленное обвинение, подтверждают его показания или могут разъяснить те или иные обстоятельства дела. Даже в тех случаях, когда обвиняемый дает явно неправдивые показания, следователь должен попытаться уточнить и конкретизировать их с тем, чтобы в дальнейшем они могли быть проверены.

При допросе нельзя ограничиваться ответами общего характера. От обвиняемого следует получать подробное изложение всех обстоятельств дела и тут же сопоставлять его показания с материалами, имеющимися в распоряжении следователя. При этом важно выяснить как можно больше фактов, обстоятельств, деталей, которые после надлежащей проверки могут стать ценными доказательствами по делу.

О значении конкретизации и детализации показаний подробно сказано в главе II. Здесь следует лишь добавить, что конкретизировать и детализировать объяснения

обвиняемого нужно и в том случае, когда он полностью признает предъявленное ему обвинение. Это необходимо прежде всего для того, чтобы можно было проверить, насколько признание обвиняемого соответствует действительности.

При расследовании дела по обвинению работников приискового управления, получавших взятки за поставку электрооборудования, детализация показаний обвиняемого Путятин решил успех расследования. Показания его имели важное значение, так как он являлся единственным лицом, непосредственно передававшим взятки директору завода Кустановичу. Уточняя его показания, следователь не только выяснил, какие предметы передавались Кустановичу, но их характерные приметы. Так, было выяснено, что Путятин, в частности, передал Кустановичу дамские туфли 36-го размера, цвета беж. Был даже уточнен фасон туфель. Детализируя далее показания Путятина о посещении им квартиры Кустановича, следователь выяснил расположение комнат, расположение мебели, наружный вид запора на дверях, состав семьи Кустановича, имена и одежду членов семьи. Были выяснены и такие детали, как хранение Кустановичем бидончика со спиртом в стенном шкафчике. Удалось узнать у Путятина и такую характерную деталь: поднимаясь на 2-й этаж дома, где находилась квартира Кустановича, он слышал за стеной лестничной клетки ритмичный шум, похожий на шум работающего мотора. При проверке оказалось, что за стеной действительно работал электромотор, подтвердились и другие факты, приведенные Путятиным в его детализированных показаниях.

Таким образом, детализация правдивых показаний Путятина имела важное значение для изобличения Кустановича¹.

К чему приводит отсутствие детализации показаний обвиняемого, можно проследить на примере расследования дела по обвинению Куразаевой в убийстве мужа. Труп убитого был расчленен и вывезен в лес, недалеко от станции Царицыно, где и были обнаружены впоследствии части трупа. Куразаева уличалась в убийстве рядом собранных по делу доказательств.

¹ См. «Следственная практика» 1951 г. № 5, стр. 34.

Признавшись в совершении убийства, Куразаева показала, что части трупa она сама вывезла за город на автобусе. При этом Куразаева заявила, что не может точно указать место, где она закопала труп, так как забыла это место. Такое заявление не насторожило следователя, который, удовлетворившись тем, что Куразаева признала себя виновной, не стал уточнять ее показания.

Когда дело поступило к другому следователю, он попытался детализировать показания Куразаевой и стал выяснять у нее: в чем именно ею вывозились части трупa, как они были упакованы, сколько раз она ездила в Царицыно, на какой станции и на какую сторону пути она выходила, какова стоимость проезда, в какую сторону от остановки она шла в Царицыно, в скольких местах закапывались части трупa? Ни на один из этих вопросов Куразаева ответить не смогла. Стало совершенно ясным, что труп вывозила не Куразаева и что она пытается скрыть своих соучастников. В процессе дальнейшего расследования было установлено, что в убийстве активное участие принимала сестра Куразаевой, которая и вывезла части трупa¹.

Обвиняемый, вызванный на допрос, так или иначе всегда готовится к нему. Он, конечно, еще не знает, в каком объеме ему будет предъявлено обвинение, но, если он совершил преступление, ему известно, в чем именно его будут обвинять. Если обвиняемым подготовлено ложное показание, очень важно допросить его таким образом, чтобы он вышел за рамки подготовленного ложного объяснения. В процессе самого допроса ему трудно придумывать новые ложные детали. Он начинает противоречить себе. Возникающие противоречия следует вскрывать, указывая на них допрашиваемому и требуя от него объяснений. Но противоречивые показания допрашиваемого сначала нужно выслушать и зафиксировать, а уже потом сообщить о них обвиняемому, получить и записать его объяснения. Обвиняемый Асташев, допрошенный по поводу убийства своей жены (труп которой был обнаружен висющим в петле), показал, что зашел к жене примерно в 2 часа дня, чтобы вручить повестку о явке в суд для рассмотрения дела о разделе

¹ Дело по обвинению Куразаевой положено в основу учебного следственного дела об убийстве, Госюриздат, М., 1956.

жилплощади. Жена разорвала повестку, схватила кочергу и замахнулась на Асташева, после чего он выбежал из комнаты и больше туда не возвращался. Записав эти показания обвиняемого в протоколе допроса, следователь стал уточнять его показания и попросил, в частности, объяснить, почему в зажатой руке трупа оказалась пуговица, вырванная из рукава пальто обвиняемого. Асташев вынужден был ввести в свои показания новые обстоятельства. Он заявил, что жена, поссорившись с ним, «незаметно» оторвала пуговицу от его пальто и, когда он выбегал из комнаты, крикнула: «повешусь, будешь отвечать» и схватила веревку. Но Асташев не мог объяснить, каким образом он увидел, что жена «схватила веревку», поскольку, по его же показаниям, он убежал из комнаты, как только она замахнулась на него кочергой. Не смог он также толком рассказать и об оторванной «незаметно для него» пуговице. Показания Асташева были полностью опровергнуты показаниями свидетелей — жильцов квартиры, которые видели, как Асташев спокойно вышел из комнаты и запер за собой дверь. Каких-либо криков из комнаты никто из них не слышал.

Проверка и опровержение противоречивого и ложного утверждения обвиняемого нередко дает в руки следователя новые ценные доказательства.

Доказывание какого-либо ложно отрицаемого обвиняемым факта почти всегда приводит к получению доказательств, подтверждающих иной, положительный факт. Так, если обвиняемый заявляет о своем алиби, утверждая, что он не мог быть на месте преступления, поскольку находился в ином месте, то опровержение его утверждения вооружает следователя доказательством, подтверждающим, что обвиняемый не был в указанном им месте и умышленно искажает факты.

Категорическое утверждение обвиняемого о том, что ему неизвестен предъявленный предмет, в то время, как принадлежность его обвиняемому бесспорно доказана (о чем обвиняемый пока еще не знает), является веской уликой против него. Заявление обвиняемого Леднева, что он в первый раз видит кепку, найденную на месте преступления, в то время как родственники обвиняемого при предъявлении кепки опознали ее как принадлежащую Ледневу, явилось одной из улик, изобличавших Леднева в совершении преступления.

Иногда обвиняемый умалчивает о каких-либо обстоятельствах, о которых он должен знать. Зафиксировав его показания, следует выяснить причины умолчания. Так, выясняя соучастников преступления, следователь обычно просит обвиняемого перечислить всех, с кем он находился в дружеских отношениях. Если обвиняемый, перечислив ряд лиц, «забывает» упомянуть своего близкого друга, а нередко даже отрицает знакомство с последним, то опровержение такого отрицания является уликой против обвиняемого.

По делам об убийствах следователь может успешно использовать умолчание обвиняемого о месте, где захоронен труп, когда он еще не обнаружен, а по делам о хищениях — о месте, где спрятаны похищенные вещи, когда последние еще не найдены.

Расследуя дело по обвинению Зои Едигаровой в убийстве Эльвиры Шиляевой, следователь пытался прежде всего выяснить, где скрыт труп. По материалам дела можно было предположить, что Эльвира убита где-то по дороге между деревнями Старые Уни и Баженово. Следователь попросил обвиняемую рассказать, как можно пройти из одной деревни в другую. Обвиняемая подробно рассказала о более длинной дороге, а про короткий путь, которым обычно пользовались жители (через деревню Кокоры), лишь упомянула. Это показалось следователю подозрительным, и он попросил обвиняемую рассказать о всех особенностях именно этой дороги. Тогда Едигарова подробно описала и эту дорогу, упомянув обо всех оврагах, но при этом упустила самый большой и глубокий, находившийся на самом глухом участке дороги, где преступнику было удобнее всего совершить убийство и захоронить труп. Следователю и это показалось подозрительным, и он напомнил обвиняемой про большой овраг. Вот как об этом пишет следователь: «Волнение Едигаровой увеличилось, тогда я ей заявил: «Вы задушили Эльвиру возле большого оврага... Сейчас мы поедem туда, и вы покажете, где находится труп». Зоя заплакала и спросила: «Откуда вы это знаете». Затем она подробно рассказала, как вместе со своей сестрой Ириной задушила Эльвиру»¹.

¹ «Следственная практика» 1950 г. № 1, стр. 55—56.

Если следователь располагает сведениями о каком-либо из эпизодов совершенного преступления, о котором обвиняемый умолчал в свободном рассказе, нецелесообразно в начале допроса сообщать обвиняемому детали этого эпизода. Лучше просто заявить обвиняемому, что он еще не все рассказал. Иногда достаточно только намекнуть на какое-либо обстоятельство, связанное с этим эпизодом, как обвиняемый сообщает новые, еще неизвестные следователю факты.

Такой прием был успешно применен при расследовании дела по обвинению Хоменко, Дрозда и др. в разбойных нападениях на граждан в Хабаровске. К моменту допроса обвиняемого Хоменко следователь располагал сведениями лишь о небольшом числе разбойных нападений, так как в начале следствия еще не все потерпевшие были выявлены. Вместе с тем, было очевидно, что преступная группа действовала на протяжении длительного времени. Поэтому следователь не ограничил допрос обвиняемых только проверкой уже известных фактов, а попытался получить новые сведения.

Из материалов дела было известно, что нападения, в которых участвовал Хоменко, имели место на ул. Широкого. Но в своем свободном рассказе обвиняемый умолчал о преступлениях, совершенных им на этой улице.

Следователь задал Хоменко вопрос, на каких улицах еще им совершались нападения на граждан? Наряду с улицей им. Широкого Хоменко назвал еще несколько улиц. О фактах нападения на этих улицах следователю ранее не было известно. Далее, следователь располагал сведениями о том, что у гр-на Иванова на одной из улиц при участии обвиняемого Дрозда были отобраны золотые часы. Об этом факте Дрозд не упомянул в своем свободном рассказе. Обвиняемого спросили, когда и при каких обстоятельствах были отняты золотые часы. Обвиняемый назвал не тот случай нападения, который имел в виду следователь, а совершенно другой.

Показания обвиняемых были тщательно проверены, и на основании этих показаний были выявлены и допрошены другие потерпевшие, ранее не делавшие заявлений о нападениях на них из-за боязни мести со стороны преступников.

§ 4. Выявление особенностей личности обвиняемого и их использование для получения от него правдивых показаний

Первоначальные сведения о личности обвиняемого следователь может почерпнуть из материалов дела, собранных им к моменту допроса.

Наблюдение следователя за поведением обвиняемого перед началом допроса и в момент его производства помогает ему правильно наметить и применить соответствующие тактические приемы допроса. Поэтому следует внимательно присматриваться к тому, как обвиняемый себя ведет, как реагирует на те или иные вопросы и замечания, чего боится и что ему импонирует.

Личность обвиняемого изучается на протяжении всего расследования по делу. Если имеются веские основания предполагать, что обвиняемый дает ложные показания, наблюдение помогает следователю по реакциям на отдельные вопросы или на предъявленные ему доказательства нащупать слабое звено в подготовленной им системе защиты.

Обвиняемый часто пытается скрыть истинные чувства, не показывать их. Иногда он старается внешне проявить чувства, противоположные тем, которые он фактически испытывает. Так, чувство страха часто внешне проявляется в дерзости, наглости, ухарстве и т. п. Но не всякий человек может скрыть свои чувства. Нередко выражение лица, нервные движения обвиняемого выдают истинные чувства, испытываемые им.

Следует отметить, что поведение обвиняемого во время допроса, его реакция на те или иные вопросы, волнение не имеют никакого доказательственного значения. Но все это очень важно для выбора правильной тактики допроса.

Расследуя дело по обвинению г-ки Щербак в убийстве своей свекрови, следователь заметил, что обвиняемая, категорически отрицавшая свою виновность, очень взволнована и явно боится выдать себя. При обыске у Щербак была обнаружена кофта, на которой имелись пятна, похожие на кровь. Решив проверить, какое впечатление на обвиняемую произведет сообщение об этом, следователь, не предъявляя кофты, спросил обвиняемую: «Почему у вас пятна крови?» Обвиняемая стала судорожно

вытирать свое лицо и осматривать свою юбку (допрос производился непосредственно после осмотра места происшествия и обыска). Почувствовав, что своим неосторожным поведением она выдает свое участие в преступлении, Щербак окончательно смешалась, и, когда следователь предъявил ей кофту, она полностью призналась в совершенном преступлении¹.

Однако нужно иметь в виду, что внешние проявления нервозности у обвиняемого далеко не всегда свидетельствуют о том, что он дает ложные показания. Подобные физиологические реакции нередко проявляются у человека, возмущенного напрасно приписываемым ему обвинением или испытывающего чувство стыда. Лица, непричастные к преступлению, при допросе иногда проявляют гораздо большую нервозность, чем опытные преступники. Поэтому следователь должен осторожно оценивать результаты своих наблюдений и не делать вывода о том, что обвиняемый лжет, основываясь лишь на своих наблюдениях. Только сопоставление показаний обвиняемого с другими, объективно проверенными доказательствами, дает основание для их правильной оценки.

Поведение обвиняемого меняется в зависимости от обстановки. Изменения в его поведении следует подмечать, анализируя и выясняя их причины. Так, если сравнительно спокойный обвиняемый начинает озлобляться, следует изменить тон допроса. Напротив, если обвиняемый, замкнутый и угрюмый в начале допроса, становится более разговорчивым и спокойным, следует подметить факты, благоприятно действующие на его состояние.

Анализ поведения обвиняемого, его эмоций и отношения к окружающему помогает следователю составить представление об особенностях его характера². При этом важно определить, какие черты наиболее типичны для того или иного обвиняемого: вспыльчивость, хвастливость, трусость, гордость, болтливость, осторожность и т. д. Разумеется, что правильное впечатление об особенностях темперамента и характера того или иного обвиняемого складывается не сразу. Однако, наблюдая за его поведением, прибегая к сравнениям, обращаясь к прежнему опыту, следует попытаться представить себе, что же в

¹ См. «Следственная практика» 1955 г. № 24, стр. 54—55.

² Подробнее об этом см. гл. 1 настоящей работы.

основном характеризует данного человека, чтобы расплывчатое и неопределенное впечатление стало конкретным и могло быть использовано при выборе тактических приемов допроса. В зависимости от свойств характера обвиняемого определяется тактика его допроса.

Так, например, с болтливым обвиняемым следует быть сдержанным. Такого обвиняемого нельзя прерывать резким замечанием, так как он может вообще перестать давать показания.

Если обвиняемый замкнутый человек, ему полезно напомнить об обстоятельствах, способных его взволновать.

Главный бухгалтер базы Шилин, человек неразговорчивый и замкнутый, обвинявшийся в хищении государственных средств, во время допроса вел себя совершенно безучастно до тех пор, пока следователь не начал выяснять, какие проводки были выполнены его женой Козельской, работавшей на той же базе счетоводом. От прежней замкнутости Шилина не осталось и следа. Обвиняемый принялся убеждать следователя, что Козельская по роду своих обязанностей не могла иметь отношения к фиктивным проводкам, отмеченным экспертизой. Он подробно рассказал, как были распределены обязанности среди счетных работников базы и кто из них участвовал в преступных операциях. В ходе следствия было установлено, что Козельская действительно не принимала участия в хищении.

Следователь не должен подходить к допрашиваемому с предубеждением. В каждом обвиняемом следует найти что-нибудь положительное. Именно положительные качества обвиняемого, умело использованные следователем, нередко являются ключом к успешному проведению допроса. Так, например, если обвиняемый ранее был фронтовиком, проявил себя смелым и храбрым бойцом, следует напомнить ему обстоятельства, характеризующие его положительно. У обвиняемого может появиться желание загладить свою вину правдивыми показаниями и проявить себя перед следователем с положительной стороны.

В большинстве случаев обвиняемые дают правдивые показания под давлением неопровержимой и неизбежной доказанности совершенного преступления, реже — под влиянием раскаяния. Однако возможность раскаяния также должна быть учтена следователем при выборе тактических приемов допроса обвиняемого. Раскаяние яв-

ляется результатом эмоциональных переживаний человека. Если собранные сведения о личных особенностях обвиняемого свидетельствуют о расположении его к эмоциям, этот фактор также должен быть использован следователем для получения правдивых показаний.

Так, Устьянский обвинялся в убийстве своей жены Ульяны Безлуцкой и их сына Валерия, но он упорно отрицал свою вину. Расследование осложнилось тем, что дело было возбуждено только через семь лет после исчезновения Безлуцкой. Рассчитывая на то, что после столь продолжительного времени следователю не удастся добыть необходимые доказательства, Устьянский выдвигал одно ложное объяснение за другим. То он заявлял, что ребенок был смертельно ранен осколком бомбы, то утверждал, что Безлуцкая бросила его в дороге и уехала с каким-то «Федором», взяв с собой ребенка. Когда Устьянскому указывали на противоречия в его показаниях, он, не смущаясь, объяснял это тем, что на него подействовала разлука с женой и сыном, которых он очень любил, и поэтому он смутно припоминает события. Однако когда Устьянскому предъявили фотографию, приложенную к заключению экспертизы, на которой был изображен труп убитой им Ульяны Безлуцкой, это произвело такое сильное впечатление, что он, раскаявшись в содеянном, сознался в совершении преступления¹.

В ряде случаев следует уделять внимание обстоятельствам личной жизни обвиняемого, поговорить о его семье, прежней деятельности, вызвать у него стремление загладить совершенное им преступление чистосердечным признанием, напомнив о его гражданском долге. Если обвиняемый рассказывает следователю об обстоятельствах личной жизни, его не следует прерывать, напротив, нужно внимательно выслушать его, проявив доброжелательную заинтересованность. Так, при расследовании дела по обвинению работников конторы мелиорации в систематических переплатах работникам, выполнявшим проектные работы, нужно было допросить бригадира Гущина. Именно члены его бригады получили основную часть перерасходованных сумм. К моменту возбуждения дела Гущин был осужден по ст. 117 УК РСФСР за преступление, совершенное им в другой организации. Вызов

¹ См. «Следственная практика» 1954 г. № 17, стр. 256—262.

к следователю был для Гущина полнейшей неожиданностью. Поскольку он считал свое осуждение неправильным, у него возникло предположение, что следователь вызывает его в связи с одной из его жалоб, адресованных прокурору города. Не успел следователь объяснить, по какому поводу вызван Гущин, как тот стал взволнованно рассказывать о своем деле и о тех нарушениях, которые, по его мнению, были допущены при расследовании дела. Конечно, можно было сразу прервать Гущина и объявить ему, что допрос производится совершенно по другому делу. Однако следователь поступил иначе. Было очевидно, что Гущин очень переживает свое осуждение и ему просто необходимо высказаться. Следователь внимательно и терпеливо выслушал Гущина и только после этого (кстати, этот рассказ помог следователю составить представление о Гущине и его прошлой деятельности) заявил: «Я к Вам совсем по другому делу. Постараюсь узнать, как обстоит дело с Вашими жалобами, но сегодня нам придется поговорить о конторе мелиорации»¹. Гущин явно растерялся и начал было уверять следователя, что ничего не знает о системе оплаты в конторе. Однако чувствовалось, что ему неудобно давать ложные показания следователю, который так участливо отнесся к его переживаниям. Следователь доказал Гущину, что факт преступных переплат установлен, следует лишь выяснить, какую роль в преступлении играл он сам и другие работники конторы. В результате этой беседы Гущин дал развернутые показания, правдивость которых подтвердилась рядом других доказательств. В частности, Гущин рассказал об участии в хищениях работника сельхозбанка, о котором в тот период в материалах дела не было никаких указаний.

Если следователь видит, что обвиняемый занимает выжидательную позицию или вообще не склонен давать правдивые показания, подход к допросу должен быть иным. Здесь нужно апеллировать не к чувству, а прежде всего к рассудку обвиняемого. Такому обвиняемому следует разъяснить, что его показания отнюдь не решают судьбы дела и сам следователь не так уж заинтересован

¹ В дальнейшем следователь выполнил свое обещание и сообщил Гущину о результатах проверки его заявлений еще до того, как обвиняемый был уведомлен официально о том, что прокуратура не находит оснований для принесения протеста.

в получении от него показаний, поскольку и без них он сможет собрать достаточные доказательства. Показания же обвиняемого нужны прежде всего ему самому, чтобы можно было проверить объективность собранных доказательств, а также выяснить доказательства в защиту обвиняемого. Именно такая тактика была успешно применена при допросе обвиняемого Колосова, задушившего в драке Смирнова. Следователь направил его внимание на обстоятельства, которые могли бы объяснить его действия и смягчить ответственность, после чего Колосов записал свои показания собственноручно:

«Считаю себя виновным в том, что я, побуждаемый стремлением сохранить в квартире порядок и прекратить плач детей, вмешался в драку. Что во время моего вмешательства, стремясь освободить себя от руки Смирнова, я схватил его за шею и в результате состояния опьянения не рассчитал своих движений и причинил тягчайшее увечье, кончившееся смертью. Считаю себя виновным и в том, что, обуреваемый страхом, побоялся сразу же признать себя виновным и скрыл труп. Все это произошло потому, что был в состоянии ошеломляющего страха перед ответственностью и положением моей семьи. Мои показания записаны собственноручно. Колосов».

Если в таких случаях обвиняемый дает показания, явно преувеличивая обстоятельства, смягчающие его ответственность, не нужно возражать против этого. Достоверность показаний обвиняемого в дальнейшем будет проверена.

При определении тактики допроса должны также учитываться возраст, пол, образование, профессия и интересы обвиняемого.

Как правило, люди пожилого возраста медленнее, чем молодые реагируют на поставленные следователем вопросы, а поэтому допрос таких лиц надлежит производить терпеливо и не спешить с постановкой дальнейших вопросов. Кроме того, пожилой человек может быстрее забыть о тех или иных обстоятельствах и ему нужно помочь вспомнить их.

Женщины иногда подвержены истерическим припадкам, чаще склонны к слезам. В таких случаях следователь не должен проявлять волнение и раздражение, так как это препятствует успешному проведению допроса.

Образование, уровень развития и профессия обвиняе-

мого определяют выражения и термины, которыми следователь может оперировать во время допроса. Допрос должен производиться в понятных для обвиняемого выражениях. Изучение интересов обвиняемого помогает следователю определить те аргументы, которые больше всего могут убедить данного обвиняемого и с помощью которых можно получить от него правдивые показания.

У обвиняемого появляется защитный импульс, создающий определенное торможение, препятствующее даче правдивых и полных показаний. Иногда обвиняемый стремится направить следствие по неправильному пути с тем, чтобы избежать ответственности за содеянное. Задача следователя — вовремя преодолеть этот импульс, выяснить, какие психологические причины препятствуют даче правдивых показаний. Эти причины весьма разнообразны, но в основном сводятся к следующему:

1) Обвиняемый надеется на то, что против него не будет собрано достаточно доказательств и, если он сам не сознается в совершенном преступлении, то его не изобличат и он сможет избежать ответственности. Крушение этой надежды обычно приводит к прекращению записательства.

Расследуя дело по обвинению главного бухгалтера Острова в систематическом хищении государственных средств, следователь обнаружил на квартире обвиняемого черновик акта ревизии от 16 мая, в котором отмечались грубейшие финансовые нарушения. Сличив его с подлинником акта, он убедился в том, что все существенные нарушения, отмеченные в черновике, в подлиннике отсутствуют. Было очевидно, что не случайно черновик акта, составленный ревизором Хорьковым, попал к Острову и изменения в акт вносятся не без участия последнего, тем более, что на обороте черновика акта имелись записи, сделанные обвиняемым.

Остров не присутствовал при обыске и не знал о том, что черновики акта изъяты у него на квартире, поэтому он смело отрицал преступную связь с ревизором Хорьковым.

Следователь спросил Острова, помнит ли он содержание акта ревизии от 16 мая. Остров ответил утвердительно.

После этого обвиняемому был предъявлен черновик акта.

Остров решительно заявил, что содержание черновика акта ему стало известно только теперь, на данном допросе, а раньше он не видел такого документа. Однако, когда следователь предъявил обвиняемому оборот черновика и Остров увидел свои записи, он понял безвыходность своего положения и рассказал правду¹.

Чем нагляднее, убедительнее опровергаются ложные утверждения обвиняемого, тем скорее он приходит к выводу о том, что его ложные показания не помогут ему избежать ответственности за совершенное преступление².

2) Обвиняемый боится наказания, которое ему будет назначено судом. В подобных случаях ему нужно разъяснить, что правдивые показания могут смягчить вину.

В законе не содержится прямого указания на то, что чистосердечное признание и раскаяние обвиняемого являются смягчающими вину обстоятельствами. Однако судебная практика последних лет идет по пути смягчения наказания при наличии указанных обстоятельств. Так, в приговоре Московского городского суда по делу о хищении на Московском рыбообрабатывающем комбинате прямо указывается:

«В предъявленном обвинении Улицкий виновным себя полностью признал, подробно и объективно сообщил о совершенных им преступлениях, причем изложил факты, неизвестные в тот момент органам предварительного расследования, впоследствии подтвердившиеся документально... Судебная коллегия признает Улицкого виновным по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». При назначении подсудимому Улицкому меры наказания судебная коллегия считает необходимым учесть и чистосердечное раскаяние его в совершенном им преступлении, признание им своей вины на предварительном и судебном следствии»³.

В газете «Известия» от 1 июля 1956 г. было опубликовано письмо гр-ки Соколовой, привлеченной к уголовной ответственности за хищение 2595 руб. из артели, в которой она работала. В письме «Как это случилось...» Соколова подробно рассказала о совершенном ею преступле-

¹ См. «Следственная практика» 1951 г. № 5, стр. 71—72.

² Более подробно об использовании доказательств при опровержении ложных показаний обвиняемого см. в § 5 настоящей главы.

³ «Социалистическая законность» 1956 г. № 9, стр. 58.

нии и о своем чистосердечном раскаянии. Коллегия по уголовным делам Калининского областного суда, признав Соколову виновной, приняла во внимание молодость подсудимой и ее чистосердечное признание и раскаяние, осудив ее к условной мере наказания — с испытательным сроком на три года¹.

В соответствующих случаях было бы полезно давать обвиняемым прочитывать опубликованные в печати материалы о подобных делах для того, чтобы они могли лично убедиться в том, к каким результатам приводят чистосердечное раскаяние и правдивые показания обвиняемого.

3) Обвиняемый опасается, что, если он даст правдивые показания, ему придется рассказать о своих соучастниках, которых он не хочет выдавать либо из жалости к ним, либо из боязни мести с их стороны.

В этом случае в начале допроса можно не настаивать на таких показаниях и ограничиться выяснением и уточнением роли данного обвиняемого в совершенном преступлении. Именно так поступил следователь, допрашивая обвиняемого Канаева, принимавшего участие в хищении пряжи с ткацкой фабрики. Результаты осмотра места происшествия давали основания предполагать, что в хищении участвовало три человека. Двое из них не были установлены, а Канаев, потерявший на месте происшествия платок и удостоверение личности, был задержан. Произведенный обыск не дал результатов, пряжу не обнаружили. Канаев отрицал свое участие в хищении. По оперативным данным следователю было известно, что он не хочет выдать соучастников. Следователь учел это и, вызвав Канаева на допрос, интересовался, в основном, где спрятана похищенная пряжа. Такая позиция следователя привела к положительным результатам. Канаев выехал вместе со следователем в один из дворов небольшого дома в Замоскворечье, где между сараями были спрятаны три мешка пряжи. Добытые данные помогли установить и соучастников преступления.

В том случае, если обвиняемый опасается мести со стороны соучастников, следует принять меры, указанные в § 7 гл. II настоящей работы².

¹ См. «Известия» 28 июля 1956 г.

² См. стр. 91.

Если соучастники преступления находятся под стражей и, следовательно, не могут причинить вред допрашиваемому или его семье, на это обстоятельство следует указать обвиняемому.

Чтобы преодолеть указанные мотивы, следователь должен также учитывать противоречия между соучастниками преступления и характер их взаимоотношений.

Возникшие противоречия между обвиняемыми, как правило, нарушают согласованность их действий, порождают у них взаимное недоверие и стремление выгородить себя за счет другого участника преступления. Это может привести к тому, что обвиняемый начнет давать правдивые показания, отказываясь от линии поведения на следствии, ранее намеченной вместе с соучастником, или, наоборот, стремясь выгородить себя, начнет клеветать, взваливая основную вину на соучастника, и при этом раскрывает обстоятельства дела.

В этой связи можно рекомендовать прочитать одному из обвиняемых показания его соучастника. Так, Сорокин, убивший вместе с Ожоговым гр-ку Горбик, дал правдивые показания после того, как ему предъявили показания Ожогова. Ожогин рассказал на следствии, что о совершенном преступлении он знает якобы со слов Сорокина, но сам в убийстве участия не принимал. Ознакомившись с показаниями Ожогова, Сорокин был возмущен поведением своего соучастника и рассказал все обстоятельства совершенного преступления¹.

Если один из обвиняемых пользуется большим влиянием на своих соучастников или последние его боятся, следует попытаться, опираясь на объективные факты, подорвать к нему «доверие».

По делу о хищении государственных средств в механическом институте привлекались к уголовной ответственности руководитель ремонтных работ Никулин и прораб Зверева. Завышая объем выполненных работ, Никулин и Зверева получали деньги по фиктивным доверенностям от имени рабочих. Пользуясь неопытностью Зверевой, Никулин поручал ей составление всей фиктивной документации, ссылаясь на то, что у него самого «плохой почерк». Ознакомившись с предъявленным обвинением, Никулин заявил, что о хищении ему ничего не известно, по-

¹ См. «Следственная практика» 1954 г. № 17, стр. 190—192.

сколько всю документацию оформляла Зверева. Последняя была очень предана Никулину, во всем повиновалась ему и, помня его строгий наказ: «не признаваться во что бы то ни стало», отрицала свое участие в хищении, вопреки фактам.

Ознакомившись с характером взаимоотношений между обвиняемыми, следователь умело использовал их в ходе допроса Зверевой. Он разъяснил ей, какую неблагоприятную роль сыграл Никулин в ее судьбе: втянув Звереву в преступление, Никулин пытается избежать наказания, для чего взваливает всю ответственность на Звереву. Следователь напомнил Зверевой, что на похищенные средства Никулин выстроил себе дачу, в то время как ей передал всего пять тысяч рублей и делал недорогие подарки. После недолгого колебания Зверева дала правдивые показания, подробно рассказав об обстоятельствах хищения, организованного Никулиным.

Если даче правдивых показаний препятствует стыд, испытываемый обвиняемым при воспоминании о содеянном, следует попытаться расположить его к откровенности или разрешить ему записать свои показания собственноручно.

§ 5. Использование доказательств для получения от обвиняемого правдивых показаний

Основным тактическим приемом допроса обвиняемого является умелое использование доказательств. Следователь еще до допроса обвиняемого или подозреваемого должен располагать определенной совокупностью доказательств, ибо если их нет, допрос может быть безрезультатным. Дело заключается в том, чтобы умело использовать доказательства, имеющиеся в наличии к моменту допроса. Если при допросе обнаруживается противоречие между показаниями обвиняемого и другими имеющимися в деле доказательствами, это означает одно из двух: или обвиняемый умышленно или неумышленно дает ложные показания по данному вопросу, или другие имеющиеся в деле доказательства недоброкачественны или были неправильно истолкованы следователем.

В тех случаях, когда обвиняемый отрицает свое участие в хищении, несмотря на предъявление ему фиктивных документов за его подписью, не исключается, что его подпись кем-то подделана.

Возможен и такой случай, когда на месте происшествия оказываются предметы, принадлежавшие обвиняемому и, казалось бы, бесспорно свидетельствующие о его пребывании в этом месте, но обвиняемый упорно отрицает это. Было бы ошибочным делать поспешный вывод о том, что обвиняемый дает ложные показания, так как эти вещи могли быть в действительности умышленно подброшены лицом, совершившим преступление, или оказаться в этом месте в силу других обстоятельств. Такие примеры не единичны.

Во всех случаях правильное истолкование доказательств является эффективным средством установления истины. Но надо иметь в виду, что одна и та же совокупность доказательств при правильном их использовании может привести к положительным результатам, а при неправильном использовании либо вооружит допрашиваемого сведениями, которые тот использует для защиты ложного объяснения, либо помешает неосновательно привлеченному к ответственности опровергнуть выдвинутое против него обвинение.

Использование доказательственного материала зависит от индивидуальных особенностей обвиняемого и от совокупности и характера собранных по делу доказательств. Однако существует целый ряд общих положений, которые следует иметь в виду при предъявлении обвиняемому доказательств по конкретному делу.

Предъявлять доказательство не следует до тех пор, пока обвиняемый не допрошен по всем обстоятельствам, связанным с этим доказательством. Исключением из этого правила является случай, когда при допросе используется элемент внезапности.

Следователь должен предусмотреть, что обвиняемый может опорочить предъявляемое доказательство или, пользуясь нечеткостью формулировок в предыдущих протоколах допроса, может заявить, что его прежние показания неправильно поняты следователем. Поэтому еще до предъявления доказательства полезно выяснить у обвиняемого определенные детали, которые затрудняют ему дачу ложных показаний по поводу этого доказательства.

Предъявляться могут только вполне достоверные и тщательно проверенные доказательства. Предъявление непроверенных, недостоверных доказательств может нанести вред, так как у обвиняемого создается впечатле-

ние, что следователь не располагает данными, объективно обосновывающими предъявленное обвинение, и поэтому будет голословно отрицать правильно предъявленное обвинение.

Получив, например, сведения о том, что в день получения взятки в сумме 15 000 руб. обвиняемый сделал вклад на эту сумму в сберегательной кассе, следователь до предъявления этого доказательства обвиняемому должен выяснить, не получены ли эти деньги обвиняемым из законных источников (выигрыш или погашение по облигациям займов, продажа собственного имущества, получение наследства, случайный заработок и т. п.).

Об этих обстоятельствах обвиняемому должны быть заданы вопросы. Если обвиняемый ответит на вопросы отрицательно, следователь может предъявить ему выписку из лицевого счета сберегательной кассы. Если же обвиняемый выдвинет какое-либо объяснение по поводу источника получения денег, его показания до предъявления доказательств должны быть предварительно проверены.

Если обвиняемый изобличается показаниями свидетелей, то прежде чем оглашать показания последних, у обвиняемого следует выяснить отношения между ним и свидетелями и нет ли причин, которые могли бы побудить свидетеля дать ложные показания. Если обвиняемый на вопрос ответит, что отношения со свидетелем были нормальные — в дальнейшем ему будет трудно заявить, что свидетель его оговаривает ввиду неприязненных отношений. Если же такое заявление ложно, его можно опровергнуть. Так, по делу Букова, обвинявшегося в убийстве Галины Григорьевой, важное значение имели показания сестры убитой — Екатерины Григорьевой. Вот как было предъявлено обвиняемому это доказательство:

«Вопрос: Какие взаимоотношения были у вас с сестрой Григорьевой — Екатериной?

Ответ: Очень хорошие.

Вопрос: Не было ли у вас с Екатериной Григорьевой каких-либо личных счетов?

Ответ: Я повторяю, что отношения у меня с ней были хорошие.

Вопрос: Вам оглашаются показания Екатерины Григорьевой, из которых видно, что вы ревновали Галину Григорьеву к ее сослуживцу Николаю Сидорову и од-

нажды, когда она поздно пришла домой, нанесли ей удар по лицу...»¹

Связанные с предъявляемым доказательством обстоятельства выяснять нужно осторожно, чтобы обвиняемый не догадался, почему они интересуют следователя. Например, если следователю предстоит предъявить обвиняемому заключение экспертизы о том, что след, обнаруженный на месте преступления, оставлен ботинком, изъятым у него, очень важно выяснить, как давно он носит эти ботинки и были ли они на нем в день совершения преступления. Однако если эти вопросы прямо поставить перед обвиняемым, он, догадавшись в чем дело, может заявить, что ботинки купил подержанными у неизвестного гражданина или что эти ботинки у него одалживал товарищ, фамилии которого он не знает, и т. п. В данном случае было бы целесообразно вначале не объяснять обвиняемому обстоятельства, в силу которых возникла необходимость в постановке указанных вопросов. Предварительно следует разузнать, сколько у него пар обуви, какие носильные вещи им приобретены в последнее время, когда именно; какую одежду и обувь он носит обычно; не пользовался ли кто-нибудь его вещами. При такой постановке вопросов обвиняемый в последующем не сможет опровергнуть предъявленное доказательство умышленным искажением фактов. Когда есть основания предполагать, что обвиняемый может опорочить предъявленное ему доказательство, то в процессе получения ответов на предварительные вопросы следует фиксировать его показания по каждому обстоятельству, а затем дать подписать их. Только после этого можно предъявить доказательства, опровергающие объяснение обвиняемого, что отмечается в протоколе допроса.

Приведем характерный пример.

В одной из торговых организаций по делу о хищении необходимо было выяснить, подписаны ли накладные обвиняемым. Подпись была крайне неразборчива и не имела характерных признаков. Если бы следователь предъявил обвиняемому подписанные им фиктивные накладные сразу, тот мог бы заявить, что подпись ему не принадлежит. Следователь поступил иначе. Сначала он предъявил ему оприходованные накладные с такой же подписью. Обвиняемый показал, что подпись на накладных действи-

¹ См. «Расследование убийств», Госюриздат, 1954, стр. 234.

тельно его и что именно так он обычно расписывается на документах. Только после этого следователь предъявил ему фиктивные накладные. Обвиняемому ничего не оставалось делать, как подтвердить свою подпись и на этих накладных.

В практике бывает, что обвиняемый, ознакомившись с предъявленным доказательством, пытается «подогнать» к нему свои прежние показания. Один из обвиняемых в изнасиловании категорически утверждал, что он не знаком с неким Поповым Владимиром, который изобличался в соучастии в преступлении. Когда же обвиняемому предъявили доказательства, опровергающие его показания, он заявил, что Попов действительно ему знаком, однако ему не была известна его фамилия, а он знал его под кличкой «Нос». Такую возможность нужно предусмотреть. В данном случае нельзя было ограничиться предварительным выяснением, знает ли обвиняемый «Попова», а нужно было установить кличку соучастника, его приметы, адрес, и по этим данным уточнить, о ком, собственно, идет речь, с тем чтобы обвиняемый не мог в дальнейшем изменить свои показания в соответствии с предъявленным доказательством.

После ознакомления обвиняемого с доказательством следует выслушать его объяснения и подробно зафиксировать в протоколе допроса.

Практически есть две возможности предъявления доказательств обвиняемому в ходе его допроса: а) предъявление отдельных разрозненных доказательств, с постепенным введением новых доказательств при последующих допросах; б) одновременное предъявление обвиняемому совокупности доказательств.

Предъявление доказательств изолированно одно от другого с большими интервалами во времени, как правило, психологически не эффективно. Знакомясь с каким-либо одним доказательством, не подкрепленным другими, обвиняемый обычно пытается привести свои показания в соответствие с предъявленным ему новым материалом. Поэтому в ходе допроса ему следует предъявлять не отдельные доказательства, а определенную совокупность их, связанных между собой. Практически правильно предъявлять подряд те доказательства, которые подтверждают определенный факт. Если одно доказательство, предъявленное отдельно, не сможет убедить обвиняемого в до-

казанности обвинения, то предъявление ряда доказательств, как правило, дает положительные результаты.

Если очная ставка взяточника с одним из взяточдателей еще оставляет обвиняемому возможность придумать ложные объяснения, то последовательное проведение подряд очных ставок с несколькими взяточдателями часто убеждает его в бесполезности дальнейшего уклонения от дачи правдивых показаний. В таких случаях сам обвиняемый нередко просит прекратить очные ставки, заявляя о том, что он расскажет все, и в своих последующих показаниях даже называет лиц, еще неизвестных следователю. Но вместе с тем не всегда целесообразно при первом же допросе демонстрировать обвиняемому все, чем располагает следователь для подтверждения предъявленного обвинения.

Преждевременная осведомленность его в том, чем располагает следователь, а следовательно, и чем он не располагает, дает возможность обвиняемому использовать имеющиеся в материалах дела пробелы для того, чтобы повести следствие по неправильному пути.

В этой связи возникает вопрос: нужно ли в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого приводить доказательства. В ст. 129 УПК РСФСР содержится указание на то, что в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого должны быть указаны основания привлечения.

Советские процессуалисты по-разному объясняют это положение. Одни считают, что закон имеет в виду доказательства, на которых основано предъявленное обвинение, другие понимают под основаниями привлечения — юридические признаки преступного деяния. Предложение о включении доказательств в формулировку обвинения встречает поддержку со стороны ряда теоретиков-процессуалистов. Мы считаем, что такое решение вопроса является неправильным. Ссылка на доказательства и ознакомление с ними обвиняемого перед допросом тактически разоружает следователя и отрицательно отражается на результатах допроса.

Следователю обычно легче выяснить позицию обвиняемого в том случае, когда доказательства, по которым необходимо получить объяснения, будут предъявляться постепенно, в ходе самого допроса. В постановлении о привлечении в качестве обвиняемого следователь может

ограничиться только приведением данных о противоправных действиях обвиняемого, подпадающих под признаки определенного состава преступления, не приводя конкретных доказательств, собранных по делу.

Поэтому в практике почти не встречается постановлений, в которых бы приводились собранные по делу доказательства. Разумеется, было бы совершенно неправильно относить ознакомление обвиняемого с собранными доказательствами к самому концу расследования или предъявлять их лишь в момент выполнения требований ст. 206 УПК РСФСР. На практике все же встречаются такие случаи, когда обвиняемый начинает давать правдивые показания лишь после того, как он ознакомился с делом в порядке ст. 206 УПК. Так, Степанов, обвинявшийся в убийстве своей жены, дал правдивые показания после того, как ознакомился с делом и убедился, что собранными доказательствами инсценировка самоубийства жены полностью опровергнута¹. Очевидно, что эти доказательства следовало предъявить обвиняемому раньше для того, чтобы он своевременно мог дать по ним объяснения, а это в свою очередь позволило бы следователю, не затягивая расследования, проверить его объяснения.

При ознакомлении обвиняемого с доказательствами следователь должен учитывать, что ему не запрещено производить повторные допросы и в соответствии с этим он определяет объем доказательственного материала, с которым считает необходимым ознакомить обвиняемого при первом его допросе.

Исходным моментом для решения вопроса о том, какие доказательства следует предъявлять в ходе допроса, является характер собранных материалов, их достаточность для вывода о доказанности совершения данным обвиняемым преступного деяния. Чем больше совокупность собранных доказательств, тем полнее они могут быть использованы при первом же допросе.

Если доказательственный материал имеет существенные пробелы, пользоваться им нужно крайне осторожно. В таких случаях в первую очередь предъявляются доказательства, о которых обвиняемый уже знает (результаты обыска, производившегося в его присутствии, результаты ревизии, с которыми он ознакомлен), а также те, по кото-

¹ «Следственная практика» 1951 г. № 17, стр. 214—215.

рым необходимо получить объяснения обвиняемого в данный момент. При этом нужно учитывать уровень развития и опытность обвиняемого, чтобы решать, насколько он способен проанализировать предъявленные доказательства и подметить в них пробелы.

Очевидно, что опытному обвиняемому, неоднократно привлекавшемуся к уголовной ответственности, не следует сразу предъявлять весь доказательственный материал, имеющий пробелы. В тех случаях, когда свидетель или соучастник подтверждает лишь отдельные обстоятельства интересующего следователя события, проводить очные ставки не рекомендуется, а следует ограничиться предъявлением обвиняемому соответствующей части протокола допроса свидетеля.

Иногда у допрашиваемого складывается впечатление о полной осведомленности следователя после предъявления наиболее яркого, запоминающегося доказательства, в то время как в цепи улик это доказательство играет второстепенную роль. По одному делу о получении взятки все участники преступления давали ложные показания. Передача взятки происходила на квартире взяткодателя ранней весной. Случайно в это время у хозяина квартиры находился врач, который не видел передачи денег, но присутствовал на обеде, который был устроен после передачи взятки. Он обратил внимание на то, что хозяин всячески пытался услужить своему гостю и даже в знак особого расположения поставил на стол свежий арбуз, являющийся редкостью в такое время года. Это обстоятельство и было использовано следователем. Его осведомленность о такой характерной детали, связанной с получением взятки, произвела на обвиняемого такое сильное впечатление, что он дал правдивые показания.

Как правило, доказательства должны использоваться следователем в строгой логической последовательности таким образом, чтобы каждый последующий факт вытекал из предыдущего и был с ним связан.

Доказать что-либо — значит установить истинность данного положения посредством суждений, достоверность которых несомненна или уже доказана. Поэтому процесс доказывания состоит из связанных между собой умозаключений, выведенных на основе законов логики.

Чтобы правильно наметить последовательность доказательств, предъявляемых обвиняемому при допросе, нуж-

но определить место каждого доказательства в совокупности улик и их взаимосвязь.

Следователь не только собирает и оценивает доказательства, но на основании собранных доказательств делает предварительные выводы о причинной связи наблюдаемых явлений. Он должен представить себе вероятный ход событий, последовательность, в которой они развивались (именно в такой последовательности и должны предъявляться доказательства). Но логические выводы следователя должны быть основаны на реальных фактах, иначе он неминуемо впадает в ошибку.

Доказывая какое-либо положение, следователь пользуется методом индукции (от частного к общему) и методом дедукции (от общего к частному).

Предъявляя доказательства, подтверждающие наличие враждебных отношений между обвиняемым и потерпевшим, следователь затем переходит к обоснованию положения о том, что клеветническое письмо могло быть написано обвиняемым. Или, наоборот, начиная с доказательств, подтверждающих наличие организованного хищения в какой-то организации, следователь переходит затем к обоснованию участия в нем допрашиваемого, который, используя свое служебное положение в корыстных целях, создавал для хищения необходимые условия.

Опровергая показания обвиняемого Попова о том, что убитый им Владимиров не был ограблен, а мотивом убийства была месть, следователь предъявлял доказательства так, что совокупность их логически приводила к выводу, что убийство совершено с целью ограбления.

Они предъявлялись в такой последовательности:

а) доказательства, подтверждающие, что, приехав за Владимировым, обвиняемые попросили его одеть самые хорошие вещи: новый костюм, хорошие туфли и т. д. ;

б) результаты осмотра трупа: с Владимирова были сняты пальто, пиджак, шапка и часы, карманы брюк были вывернуты;

в) доказательства, подтверждающие, что снятые с Владимирова вещи, были проданы обвиняемым в скупочный магазин;

г) показания соучастников о том, что на деньги, вырученные от продажи вещей, снятых с Владимирова, обвиняемые кутили в ресторане.

В тех случаях, когда следователь располагает достаточной совокупностью доказательств, он может сразу показать обвиняемому бессмысленность дальнейшего сопротивления. При этом предъявление доказательств целесообразно начинать с самого веского из них, а затем, если это окажется необходимым, предъявить доказательства, подтверждающие второстепенные обстоятельства. Но следователь должен быть уверен в том, что доказательство, которое он считает наиболее веским, не может быть опровергнуто или опровергнуто обвиняемым. По делу об убийстве гр-ки Шаньгиной ее мужем Шептуновым при участии Банзарова основным доказательством против последнего была продажа женой Банзарова вещей, принадлежавших убитой. Именно это доказательство в первую очередь и было следователем предъявлено Банзарову. Вот как описывает следователь ход допроса Банзарова:

«На допросе Банзаров показал, что с Шептуновым он познакомился летом 1953 года и переехал к нему на жительства. В отношении Шаньгиной Банзаров заявил, что она уехала в октябре 1953 года к своим родным и «потерялась».

Следует отметить, что арест для Банзарова был неожиданным и держал он себя на допросе очень осторожно, все время пытаясь узнать, где Шептунов, нашлась ли Наталья. Когда я ставил ему вопросы по наиболее существенным обстоятельствам, Банзаров подолгу молчал и увиливал от прямого ответа... Тогда я огласил ему некоторые выдержки из показаний Чистяковой и Грошевой о том, как бурятка «Маша» (жена Банзарова) продавала им вещи. Банзаров, услышав эти показания, заметно заволновался, попросил закурить и после долгого молчания заявил, что его жена продавала вещи, но ни она, ни он Наталью не убивали, а это сделал Прокопий, то есть Шептунов. Предложив Банзарову рассказать все подробно, я слушал его в течение трех часов»¹.

Какое из доказательств является наиболее веским и убедительным, зависит от характера дела и от того, насколько объективно проверено и подкреплено данное доказательство.

Так, например, по делам о хозяйственных преступлениях наиболее веским доказательством, как правило,

¹ См. «Следственная практика» 1955 г. № 24, стр. 23—26.

являются бухгалтерские документы (накладные, ведомости и др.), по делам об убийствах — доказательства, связанные с осмотром места происшествия, доказательства, характеризующие взаимоотношения между обвиняемым и потерпевшим, а также доказательства, опровергающие алиби обвиняемого; по делам об изнасиловании — показания потерпевшей.

В ряде случаев целесообразно применять и другую последовательность: постепенный переход от доказательств, подтверждающих второстепенные моменты, к доказательствам, убедительно подтверждающим участие обвиняемого в совершенном преступлении.

По делу об убийстве Шептуновым своей жены Шаньгиной обвиняемому Шептунову предъявлялись доказательства в иной последовательности, чем Банзарову. Следователь начал с доказательства, опровергающего показания Шептунова о том, что Шаньгина «скрывается от него» и лишь постепенно переходил к предъявлению доказательств, освещавших обстоятельства убийства:

«Вопрос: в каком платье ушла из дома Наталья?»

Ответ: в зеленом с вышивками.

После этого ответа я подвел Шептунова к шкафу, открыл его и спросил:

— Не в этом ли платье исчезла Наталья? Платье я заранее повесил в середине шкафа. Взглянув на платье, Шептунов заметно изменился в лице и ответил:

— Да, в этом.

Вопрос: куда девалась ваша жена?

Шептунов помолчал, а затем ответил:

— Не знаю...

Тогда я не торопясь стал говорить о скандалах, которые он устраивал жене, о том, как он ее бил, о том, как он договорился с Банзаровым убить Наталью, и о том, как он это осуществил при участии Банзарова. В нескольких словах я описал, как именно они убивали Наталью Шаньгину в ночь с 19 на 20 октября.

Дойдя до этого момента, я сказал:

— Дальше будете рассказывать вы, а я буду слушать.

Шептунов ни слова не ответил. Он был сильно взволнован. Помолчав несколько минут, он, наконец, заявил:

— Да, я убил Наталью...»¹.

¹ См. «Следственная практика» 1954 г. № 24, стр. 28—30.

Последовательность предъявления доказательств в каждом конкретном случае должен выбирать сам следователь, исходя из характера доказательств, их совокупности и индивидуальных особенностей обвиняемого. Зависит это и от опыта следователя, от того, как ему удобнее распорядиться собранными доказательствами.

Перед допросом обвиняемого следует обдумать, нельзя ли в данном случае подкрепить основной вопрос наиболее веским из доказательств, предъявления которого обвиняемый менее всего ожидает. Такой вопрос может быть задан в самом начале допроса или неожиданно для обвиняемого в середине допроса в числе малозначительных вопросов. Такой прием иногда дает положительные результаты, так как допрашиваемый не успевает использовать имеющиеся в доказательствах пробелы для того, чтобы повести следователя по неправильному пути. Так, допрашивая Симанова, обвинявшегося в убийстве Веры Кашковой, следователь вначале подробно выяснил все обстоятельства, связанные с его прошлой деятельностью, не затрагивая вопроса об убийстве Веры. На вопрос следователя об участии обвиняемого в Великой Отечественной войне Симанов стал хвастаться своими боевыми заслугами. Он заявил, что был хорошим стрелком и «бил без промаха», несмотря на то, что является левшой. Воспользовавшись этим заявлением обвиняемого, следователь внезапно спросил его: «Если вы хороший стрелок, то зачем же нужно было стрелять в Веру два раза?». Вопрос был настолько неожиданным, что обвиняемый, не справившись с охватившим его волнением, ответил: «Я думал, что промахнулся».

Успешное применение такого приема во многом зависит от индивидуальных особенностей допрашиваемого, от характера дела. Чаще всего он применяется по делам, где преступное деяние носит единовременный характер и предполагает физическое участие в нем обвиняемого. Когда совершение преступления носило систематический характер, обвиняемого целесообразно подготовить к даче правдивых показаний последовательным анализом собранных доказательств.

Если следователю предстоит допросить обвиняемого, совершившего преступление не в первый раз, или обвиняемого, который вопреки фактам отрицает свое участие в совершении преступления, его нужно убедить в том, что следователь располагает достаточной совокупностью изоб-

личающих обвиняемого доказательств. В таких случаях за менее вескими целесообразно предъявлять постепенно более веские доказательства. Этот прием разоружает обвиняемого, так как запас подготовленных им ложных объяснений, опровергаемых одно за другим, постепенно иссякает.

Если обвиняемый совершил преступление впервые, в силу случайного стечения обстоятельств или попав под дурное влияние, можно начинать предъявление доказательств с самого веского из них, либо предъявлять все доказательства одновременно.

По делу об убийстве с целью ограбления шоферов Коршунова и Подщеколдина привлекались к уголовной ответственности два брата, Галахов и Ануров. При их допросе следователь применил один и тот же прием предъявления доказательств, однако результаты допроса были совершенно разные.

Тщательным обыском на квартире Анурова были обнаружены удостоверения убитых шоферов (причем, на удостоверении шофера Коршунова была наклеена карточка обвиняемого Галахова); передний и задний номерные знаки похищенной грузовой автомашины, закрепленной за шофером Подщеколдиным; патрон для пистолета «ТТ» и пистолет системы «Дуан». Располагая этими вескими уликами, следователь решил предъявить их Анурову внезапно, неожиданно для него: «Во время этого допроса я испытал известный уже в следствии прием: на край стола мною были положены изъятые при вторичном обыске на квартире Анурова вещественные доказательства, которые я прикрыл газетой. Допрос я вел исключительно по делу о незаконном хранении Ануровым огнестрельного оружия. Ануров подробно рассказал мне все, что касалось пистолета, но смотрел не на меня, а на край стола, где лежала, прикрывая вещественные доказательства, старая газета. Чем более Ануров пытался угадать, что у меня под газетой, тем более он нервничал... Считая психологическую подготовку законченной, я объявил Анурову, что незаконное хранение оружия меня само по себе интересует мало и предложил ему рассказать, при каких обстоятельствах им было совершено убийство шоферов. С этими словами я откинул газету, предоставив Анурову возможность осмотреть доказательства его вины.

Ануров заметно побледнел. Некоторое время он сидел молча. Затем, пытаясь казаться равнодушным, сказал, что может мне пояснить происхождение всех этих вещей...»¹

Тактический прием, использованный следователем, не дал результатов. Ануров, хотя и растерялся, однако тут же придумал ложную версию о том, что все изъятые вещественные доказательства случайно получены им от «вора-рецидивиста» Крепчатова, местонахождение которого Анурову неизвестно.

Иначе обстояло дело с братом Анурова — Галаховым: «Предложив ему несколько общих, не относящихся к делу вопросов, я, неожиданно для Галахова, предъявил ему удостоверение шофера Коршунова с фотографией Галахова и тут же предложил рассказать мне все обстоятельства ограбления шоферов.

Галахов был так ошеломлен, что даже не пытался отказываться и сообщил все подробности совершенного им и Ануровым преступления»².

Чем объясняются различные результаты, полученные при применении одного и того же тактического приема при допросе Анурова и Галахова? Очевидно, в значительной мере их индивидуальными особенностями. Ануров — опытный преступник, ранее судимый, никогда не работал на средства, добываемые преступным путем. Уже после убийства шоферов он совершил крупное хищение зерна. Ряд документов Анурова оказался поддельным.

Тактический прием при допросе Анурова был ослаблен до некоторой степени тем, что доказательства, прикрытые газетой, некоторое время находились на столе следователя. Опытный преступник Ануров мог предположить, что следователь готовится к предъявлению изобличающих его доказательств. Поэтому обвиняемый сумел побороть возникшее волнение и придумать ложное объяснение.

Галахов, ранее не судимый, имел постоянное местожительство и работу. Преступление он совершил под влиянием Анурова. Менее опытный, чем его брат, Галахов не сумел скрыть свою растерянность при внезапном предъявлении доказательств и даже не пытался повести следствие по ложному пути.

¹ См. «Следственная практика» 1950 г. № 1, стр. 39—40.

² Там же, стр. 42.

В работе следователя существенное значение имеет возможно более полное представление о совершенном преступлении, которое складывается на основании доказательств, собранных по делу. В этом психическом процессе известную роль играет творческое воображение следователя. Оно дает ему то, что не дали или не могли дать его непосредственные наблюдения.

Так, внимательное изучение места совершения преступления вызывает у следователя представление о расследуемом событии, которое он сам не наблюдал. Он вспоминает, как происходили расследованные им сходные преступления. По отдельным установленным фактам следователь строит предположение о их дальнейшем развитии и завершении. Значительную роль в творческом воображении играет интуиция.

Интуиция есть не что иное, как способность человека по отдельным деталям, как бы по чутью, составить правильное представление о целом событии или отдельных его обстоятельствах¹.

Интуитивные предположения имеют значение только для самого следователя, который, руководствуясь ими, может направить следствие на выяснение и проверку определенных объективных фактов. Сами по себе эти предположения не могут быть положены в основу каких-либо окончательных выводов следователя (например, о достаточности собранных доказательств для привлечения лица в качестве обвиняемого или для признания следствия законченным), а лишь используются для решения вопроса о том, в каком направлении следует искать доказательства, в частности при допросе обвиняемого. Если он уклоняется от дачи показаний или дает ложные, следователь в некоторых случаях может развить перед обвиняемым представляемый им ход событий с тем, чтобы во время допроса проверить свои предположения.

В ряде случаев такой прием дает положительные результаты, но использовать его нужно крайне осторожно. Ошибочное предположение следователя, высказанное в категорической форме, может привести к непоправимой

¹ Интуиция... «чутье», догадка, являются результатом большого ранее приобретенного опыта и наличия накопленных научных знаний; интуиция играет не основную, а подчиненную роль в процессе познания, «Энциклопедический словарь», М., 1953, т. 1, стр. 694.

ошибке, так как допрашиваемый поймет, что следовательно далеко не все известно по делу. Нельзя заявлять допрашиваемому, что тот говорит неправду по тому или иному обстоятельству, если следователь не может противопоставить его показаниям ничего, кроме своих предположений. Например, нельзя заявлять о том, что обвиняемый зарыл труп убитого в землю в то время, как труп не найден и не исключена возможность, что он брошен в воду.

Свои предположения следователь должен сначала проверить, несколько раз проанализировать их, а в ряде случаев, если есть такая возможность, посоветоваться с товарищами, а потом только сообщить их обвиняемому. Наше воображение ограничено субъективными факторами. Строя предположение о том или ином событии, следует исходить не из того, как это вообще могло произойти, а как это могло произойти в данном случае, учитывая те объективные данные, на которых основано предположение.

Так, подозрение в убийстве и изнасиловании Зои У., труп которой был обнаружен на 15-й день после совершения преступления, пало на гр-на Стельмаченко. В день совершения преступления он ездил на почту за деньгами. Ехал Стельмаченко по дороге, недалеко от которой и был обнаружен труп убитой. С почты он вернулся пьяным и на работу в этот день не вышел. Пребывание Стельмаченко на почте подтверждалось показаниями свидетелей и наличием на почте перевода на его имя, по которому он в этот день получил деньги. Следовательно стало известно, что Стельмаченко отличался большой физической силой и однажды, затеяв борьбу с товарищами, заявил: «Это что! Я еще не так могу бороться. Однажды одну как взял в руки, пожал ее, и из нее дух вон». Конечно, перечисленных доказательств было совершенно недостаточно, чтобы с уверенностью заявить о том, что преступление совершил Стельмаченко. Однако, тщательно изучив протокол осмотра места происшествия, связав полученные данные с другими доказательствами, собранными по делу, следователь составил себе представление о том, как было совершено преступление. Приступая к допросу Стельмаченко, следователь рассуждал следующим образом: «если у него в ходе допроса сложится убеждение, что убийство совершил именно Стельмаченко, то следует показать ему, что вопрос о его виновности ясен и что сей-

час следователя, главным образом, интересует то, как и при каких обстоятельствах совершено это преступление...»¹.

Допрос был начат с выяснения вопроса о том, где был Стельмаченко в день совершения преступления. Он заявил, что был на работе. Следователь опроверг это утверждение, предъявив ему соответствующие доказательства. Тогда Стельмаченко стал давать путанные показания. Он скрыл от следователя, что находился недалеко от того места, где был обнаружен труп убитой, в то время как это обстоятельство было установлено доказательствами. Поведение Стельмаченко при допросе подтверждало возникшее против него подозрение.

«Продолжая разговор и перелистывая дело, следователь стал рассказывать, как Стельмаченко напал на лесной дороге на Зою У., утащил ее в лес, там изнасиловал, а затем убил ее»².

Стельмаченко были предъявлены фотоснимки места происшествия и убитой. После этого он дал подробные показания, подтверждающие правильность выдвинутой следователем версии. В дальнейшем Стельмаченко показал место, где им была изнасилована и убита Зоя У., и опознал принадлежавшие ей вещи.

Иногда предъявленные доказательства не производят на обвиняемого должного впечатления лишь потому, что он не понимает их значения. Поэтому в ряде случаев, предъявляя те или иные доказательства, полезно разъяснить допрашиваемому их значение. Особенно важно разъяснить значение доказательств, полученных с применением научно-технических средств. Для этого можно пригласить эксперта, который в понятных выражениях объяснит обвиняемому, в результате каких исследований он пришел к тому или иному выводу. Такой прием был успешно использован при расследовании дела по обвинению Климова, который обвинялся в умышленном отсечении себе пальцев правой руки с целью уклонения от призыва на военную службу. Обвиняемый сначала показал, что когда он рубил дрова, у него устала правая рука. Он переложил топор в левую руку, а правой поддерживал полено, поставив его на пень. Плохо владея левой рукой, он нечаянно попал топором по правой руке и отрубил

¹ «Следственная практика» 1956 г. № 28, стр. 145.

² Там же, стр. 146.

себе при этом два пальца. Показания обвиняемого опровергались заключением эксперта, в котором указывалось, что положение правой руки обвиняемого не могло быть таким, каким он описывал его в своих показаниях. В заключении устанавливалось, что пальцы правой руки отчленены одним ударом, острорубящим орудием. При этом пальцы были сомкнуты, вытянуты и находились, по-видимому, непосредственно на пне, на котором осталась зарубка острорубящего орудия. Ознакомившись с заключением, обвиняемый никак не мог понять, почему эксперт считает его показания неправильными. Только после того, как ему продемонстрировали микрофотограммы кусочка кожи с ладонной поверхности правой руки обвиняемого, который был обнаружен в зарубке на пне, и разъяснили смысл заключения эксперта о том, что человеческая ткань могла быть внедрена в зарубку лишь острорубящим орудием с выбоинкой, которым был произведен удар по вытянутым, сомкнутым пальцам, находившимся на пне, обвиняемый признал себя виновным и подтвердил заключение эксперта.

В ряде случаев следователь располагает, помимо доказательств, оперативными данными, не оформленными процессуально. Очевидно, что следователь может предъявить их обвиняемому лишь после соответствующего оформления в виде показаний свидетелей, заключения экспертов, выемки документов и т. д. Если такое оформление произвести невозможно, следователь не имеет права сослаться на них, как на установленные факты. Прежде чем оперировать полученными сведениями, следует выяснить, в какой мере они могут быть использованы следователем. Если они даны ему не только для ориентировки, но и для использования при допросе, следователь может в ходе допроса выснить указанные в оперативных данных факты, не ссылаясь при этом прямо на источник полученных сведений. Так, если следователю из оперативных источников стало известно, что обвиняемый встречался накануне со своим соучастником, знакомство с которым он отрицает (например, встреча состоялась в 6 час. вечера на ул. Качалова в вестибюле аптеки), можно выяснить это обстоятельство у обвиняемого путем постановки ряда вопросов, в частности, следует спросить, где он был в течение дня, с кем встречался. Если обвиняемый на эти вопросы дал ложные ответы, можно прямо спросить, не был

ли он на ул. Качалова в аптеке, проявив тем самым некоторую осведомленность. Ответ обвиняемого должен быть зафиксирован с тем, чтобы собрать доказательства, которые изобличат его во лжи, либо опровергнут правильность оперативных данных.

§ 6. Тактика допроса обвиняемого, заявившего о своем алиби

Ссылка на алиби¹ — наиболее часто встречающийся довод обвиняемого, отрицающего свою причастность к преступлению, по своему характеру требующему обязательного присутствия обвиняемого в определенное время и в определенном месте (например, убийство, разбойное нападение, изнасилование).

Следователь должен произвести тщательную проверку заявления обвиняемого о своем алиби, ибо значение его чрезвычайно велико. Если заявление обвиняемого подтверждается, исключается его физическое участие в совершенном преступлении.

Но в результате проверки может быть установлено, что обвиняемый заранее искусственно подготовил доказательства своего алиби. В этом случае против обвиняемого появляется серьезное косвенное доказательство.

Несвоевременная проверка алиби нередко приводит к серьезным и часто непоправимым последствиям. Прежде всего может иметь место неосновательное привлечение к уголовной ответственности и даже осуждение невиновного². В практике были и такие случаи, когда родственники и знакомые обвиняемого, выслушав его объяснения в суде, нередко при обращении дела к рассмотрению принимали меры к тому, чтобы алиби «подтвердилось». Поэтому важно не только своевременно проверить алиби, но и предусмотреть возможность такого заявления в будущем. Так, в ходе первого же допроса обвиняемого следует подробно выяснить, где находился и что делал обвиняемый в момент совершения преступления, кто может это подтвердить. Названные обвиняемым лица должны

¹ Алиби (от латинского слова *alibi*, где-либо в другом месте) — доказательство невиновности, основанное на том, что обвиняемый в момент совершения преступления находился в другом месте, а потому не мог участвовать в приписываемом ему преступном деянии (Юридический словарь, М., 1953, стр. 23).

² См. «Социалистическая законность» 1948 г. № 12, стр. 38—40.

быть немедленно допрошены, прежде чем сам обвиняемый или его родные и близкие смогут с ними встретиться.

Опытные преступники нередко заранее подготавливают доказательства своего алиби. Для этого они либо ссылаются на вымышленные события, либо говорят о событиях, действительно имевших место, но перемещенных во времени таким образом, чтобы они совпадали со временем совершения преступления. Такая возможность также должна быть предусмотрена следователем. Допрашивая обвиняемого, необходимо попытаться выяснить: во-первых, имело ли место то событие, на которое он ссылается в подтверждение своего алиби и, во-вторых, если такое событие действительно имело место, то не перемещено ли оно в показаниях обвиняемого во времени (не изменен ли день или час) таким образом, чтобы оно совпало со временем совершения преступления.

Наиболее распространенным приемом проверки заявления обвиняемого об алиби является детализация его показаний. Для этого он сначала подробно допрашивается по всем обстоятельствам, связанным с алиби, после чего его показания тщательно фиксируются в протоколе допроса. Недостаточно выяснить, что обвиняемый был в такое-то время в таком-то месте. Нужно спросить, почему и с какой целью он там был, кого видел, кто еще и откуда пришел, сколько времени находился там обвиняемый, что происходило в это время, состоялся ли какой-либо разговор, о чем именно и т. д. Если обвиняемый находился в общественном месте, следует выяснить детали, которые можно проверить. Если обвиняемый утверждает, что был в ресторане, его следует спросить, играл ли джаз, было ли выступление певицы (певца), какие подавали блюда и напитки. Если обвиняемый заявляет, что он был в кино, нужно выяснить, в каком кинотеатре, название и содержание кинокартины, начало сеанса. Вопросы, направленные на получение данных, поддающихся проверке, следует ставить лишь после того, как показания зафиксированы в протоколе допроса. Например, Гейкрайтер, обвинявшийся по ст. 117 УК РСФСР, заявил, что не мог находиться в указанном гр-ном Ассимокополо месте и получить там взятку в 8 час. вечера, поскольку в это время находился в кино. Следователь спросил обвиняемого, в каком кинотеатре он был и на каком сеансе. Обвиняемый ответил, что он был в кинотеатре «Спартак», на сеансе

7 час. 30 мин. Какая картина демонстрировалась? «Лесная быль». Показания обвиняемого, тут же проверенные следователем по телефону, подтвердились. Однако, когда следователь стал выяснять содержание картины, оказалось, что обвиняемый ее не смотрел. Он заявил, что не помнит содержание всего фильма, поскольку пошел в кино усталый после работы и, просмотрев начало кинокартины, заснул. С чего же начался фильм? «Какая-то девушка кого-то любила...», — начал свой ответ обвиняемый. Конечно такая ситуация нередко составляет сюжет кинокартины, но на этот раз обвиняемый просчитался. Картина была из жизни животных (бобров). Записав показания обвиняемого, следователь приобщил к делу рецензию из газеты, в которой подробно воспроизводилось содержание фильма. Таким образом, было опровергнуто ложное заявление обвиняемого о своем алиби.

Но необходимо иметь в виду, что лицо, действительно непричастное к преступлению, нередко хуже припоминает события, чем преступник, заранее подготовивший свои показания. Поэтому в некоторых случаях обвиняемому нужно помочь вспомнить обстоятельства, связанные с его алиби, применяя тактические приемы, изложенные в гл. II (тактика допроса свидетеля).

Если обвиняемый не помнит фамилии лиц, на которых он ссылается, или точного наименования места, в котором он находился, следует уточнить детали и обстоятельства, по которым это лицо или место могут быть установлены. Гр-н Павлов, обвинявшийся в убийстве гр-ки Михайловой, не мог назвать фамилию колхозника, у которого он остановился в деревне Хачики. Следователь детально допросил Павлова, и тот показал:

«Живет там гражданин, фамилию его я не спросил, но работает он столяром в Ишлейской МТС и является радиолюбителем. На крыше его дома установлен репродуктор и в избе еще два репродуктора...»¹.

Детальный допрос Павлова помог в дальнейшем установить лицо, на которое он ссылался в подтверждение своего алиби.

Иногда допрашиваемый по каким-либо причинам хочет умолчать о месте, в котором он находился, и о лицах, с которыми встречался. В этих случаях следует осторож-

¹ «Следственная практика» 1956 г. № 28, стр. 35.

но выяснить причину умолчания и постараться устранить ее, объяснив обвиняемому, какое важное значение для него имеют правдивые показания, подтверждающие его алиби.

Если со времени совершения преступления прошло длительное время, а обвиняемый в подтверждение своего алиби точно указывает день и час, следует выяснить, почему он их запомнил, и, если при этом указывается на какие-то события, нужно проверить, имели ли они место в действительности. Так, показания Павлова о том, что в день убийства гр-ки Михайловой (24 марта) он находился в другом месте (в колхозе имени Коминтерна), были им уточнены и зафиксированы следователем следующим образом:

«Дату эту можно установить так. В день, когда я пришел в деревню, колхоз силами колхозников сносил один дом под пасеку. Тогда же Петров Александр сказал мне: «Сегодня я работал по сноске дома под пасеку и очень устал, а работы еще осталось на завтра». На другой день утром, то есть 25 марта, кладовщик колхоза дал наряд Байбаторовой Евфросинье на работу по открытию колхозного бурта с картофелем»¹.

Подробная детализация показаний Павлова дала возможность проверить его показания, в результате чего была установлена непричастность допрашиваемого к совершенному преступлению.

При проверке алиби необходимо помнить о том, что повторяющиеся события, происходящие в одно и то же определенное время, могут иметь отклонения от обычного времени, например прибытие поезда, начало киносеанса, доставка почты. Поэтому обычно недостаточно получить официальную справку о том, в какое время происходит то или иное действие или событие, а следует выяснить, не было ли в данном случае каких-либо отклонений. Так, обвиняемый Заринг заявил, что он не мог быть на месте преступления, которое произошло в период от 6 до 7 часов вечера, поскольку он находился на работе до 8 часов вечера. Заринг работал продавцом и по роду своей работы не мог отлучиться в неурочное время. Однако проверка установила, что преступление совершено в воскресенье, а в этот день магазин закрывался на два

¹ «Следственная практика» 1956 г. № 28, стр. 34.

часа раньше, следовательно, Заринг в день совершения преступления ушел с работы не в 8, а в 6 час. вечера.

Когда у следователя возникает обоснованное предположение о том, что ссылка обвиняемого на алиби является ложной, целесообразно провести ряд повторных детализированных допросов по обстоятельствам, связанным с алиби. Сопоставив все показания обвиняемого, следователь может в них найти противоречия и неточности, изобличающие обвиняемого в даче ложных показаний. При повторных допросах целесообразно менять последовательность задаваемых вопросов, например спрашивать о тех или иных отрезках времени в разбивку. Однако данный тактический прием допроса надо применять осторожно, так как этим иногда можно сбить с толку обвиняемого, показывающего правду.

При расследовании дела по обвинению Сметской в убийстве гр-ки Мырсовой возникло предположение о том, что Мырсову помог отнести на полотно железной дороги муж Сметской — Кашеваров. Но Кашеваров заявил, что 21 ноября (день совершения преступления) он до поздней ночи был на работе и домой не возвращался. То же показала и Сметская. Допросом свидетелей было установлено, что около 5 час. вечера Сметская приходила на работу к мужу и сообщила ему, что их поросенок подавился костью, в связи с чем Кашеварова отпустили домой. Когда Кашеварову и Сметской предъявили собранные доказательства, подтверждающие, что Кашеваров отлучался домой, они не стали отрицать этого факта, заявив, что об этом они вначале забыли. Не удовлетворившись заявлением Кашеварова, следователь при последующих допросах стал детализировать его показания. Он предложил обвиняемому подробно рассказать о том, во сколько часов он ушел с работы, сколько времени пробыл дома, были ли в это время в квартире сын Сметской — Владимир, что случилось с поросенком, что предпринял Кашеваров. Запутавшись в деталях, связанных с его приходом домой, Кашеваров сознался в том, что давал ложные показания, и подробно рассказал, как вместе с женой относил Мырсову к линии железной дороги¹.

Если проверкой подтверждается, что событие, на которое ссылается обвиняемый, действительно имело место, но

¹ См. «Следственная практика» 1954 г. № 17, стр. 238—241.

возникает предположение, что оно перемещено во времени, целесообразно взять под контроль время, предшествующее этому событию и непосредственно следующее за ним, то есть выяснить, где и с кем был обвиняемый до того времени, на которое он ссылается в подтверждение своего алиби, как он попал в то место, а также куда и с кем ушел из этого места. Можно спросить обвиняемого, не припоминает ли он, что было на следующий день после тех событий, на которые он ссылается. Не будучи к этому подготовлен, обвиняемый может дать показания, содержание которых не согласовано с подготовленными им свидетельствами своего алиби, и при их допросе выявится расхождение. Можно связать объяснение обвиняемого с каким-либо событием, дата или часы которого могут быть точно установлены (начало сеанса и название кинокартины, посещение театра, передача по радио или телевизору и т. д.). Получив справку соответствующего учреждения, нужно сопоставить эти данные с датой и часом, названными обвиняемым.

При повторном допросе обвиняемого по обстоятельствам, связанным с алиби, могут быть успешно применены результаты осмотра личной корреспонденции и результаты проведенного следственного эксперимента (например по проверке возможности преодоления определенного расстояния в определенный отрезок времени).

Таким тактическим приемом была опровергнута ложная ссылка на алиби адвоката П., обвиняемой в мошенничестве. Следователь, проделав следственный эксперимент, доказал, что, взяв такси, обвиняемая могла успеть заехать на квартиру своего подзащитного, у которого она мошенническим путем получила 1500 руб, и вернуться к своим знакомым, на пребывание у которых она ссылалась в подтверждение своего алиби.

§ 7. Тактика допроса обвиняемого, изменившего свои первоначальные показания

В тех случаях, когда обвиняемый изменяет свои первоначальные показания, необходимо выяснить:

- 1) что в прежних и новых показаниях обвиняемого соответствует действительности и
- 2) каковы мотивы изменения показаний.

Следователь должен иметь в виду, что обвиняемый может:

- а) изменить правдивые показания на ложные;
- б) изменить ложные показания на правдивые;
- в) изменить ранее данные ложные показания на другие, тоже ложные.

Изменения могут касаться всех показаний, или отдельных их элементов, или деталей. Как в первоначальных показаниях, так и в измененных могут сочетаться элементы достоверности и лжи. Следователь должен правильно уяснить себе, что в показаниях обвиняемого, первоначальных и измененных, является достоверным и что ложным. Поэтому прежде чем сделать определенные выводы из измененных показаний, их следует проверить и оценить. Достоверность новых показаний обвиняемого проверяется путем их сопоставления с прежними показаниями, с новыми доказательствами, собранными по делу, и, наконец, путем проведения следственных действий, выполнение которых может подтвердить или опровергнуть правдивость показаний обвиняемого. При этом следует иметь в виду, что нередко изменение обвиняемым каких-то деталей в показаниях может явиться результатом запоминания, и обвиняемому следует помочь вспомнить эти детали, а, с другой стороны, буквальное повторение ранее данных показаний может быть результатом заучивания заранее подготовленного ложного объяснения.

Следователь должен выяснить мотивы изменения показаний. Если обвиняемый заявляет, что он давал ложные показания, а сейчас хочет рассказать правду, следует у него выяснить причину, почему он это делает. Так, обвиняемый Брандт отказался от своих показаний, заявив, что они не соответствуют действительности и что он дал их в результате уговоров следователя, обещавшего изменить меру пресечения. Заявление Брандта было проверено, и выяснилось, что правдивость его прежних показаний устанавливалась рядом тщательно проверенных доказательств, собранных по делу. Брандт снова изменил свои показания, заявив, что хочет рассказать правду. Он подтвердил свои первые показания, уточнив ряд обстоятельств. Записав показания обвиняемого, следователь поставил следующий вопрос:

«Вопрос: Может быть Вы и сегодня дали такие показания потому, что, как вы говорили раньше, следователь Вам что-либо обещал?»

Ответ: Нет, мне следователь ничего не обещал».

Поставленный следователем вопрос исключал возможность дальнейшего отказа обвиняемого от данных им показаний по ранее выдвинутому мотиву.

Тактика допроса обвиняемого, отказавшегося от ранее данных им показаний, заключается в следующем.

Нужно отметить все обстоятельства, о которых говорит обвиняемый, максимально подробно зафиксировать их в протоколе, отразив мотивы, побудившие обвиняемого изменить ранее данные им показания. Чаще всего обвиняемые отказываются от данных правдивых показаний в тех случаях, когда у них появляется надежда избежать ответственности за совершенное преступление. При этом они не учитывают, что за время, которое прошло с момента дачи ими первоначальных показаний, следователь тщательно проверил их, собрал новые данные, подтверждающие достоверность полученных показаний. На эти доказательства в первую очередь и следует обратить внимание обвиняемого и убедить его, что, изменив показания, он не может изменить выводы следователя. Кроме того, обвиняемому следует указать на те моменты в его прежних показаниях, про которые мог знать лишь он сам.

Обвиняемая в хищении денежных средств Копытова при повторном допросе отказалась от своих первоначальных показаний, в которых она признавала себя виновной. Следователь тут же ей продемонстрировал доказательства, собранные в процессе проверки ее первоначальных показаний. Так, Копытова на первом допросе заявила, что во время ее отпуска незаконно выписанные деньги получила вместо нее работница Николаева, на имя которой была выписана доверенность. Следователь не мог знать об этом факте до допроса Копытовой, так как платежная документация к этому времени еще не была изъята. Получив показания Копытовой, он изъясил документацию и установил, что обвиняемая действительно была в отпуске, а деньги получила вместо нее работница Николаева, которая и была допрошена. Ознакомившись с вновь собранными доказательствами, Копытова подтвердила правильность своих первоначальных показаний.

В тех случаях, когда обвиняемый, отказываясь от прежних показаний, заявляет, что они даны в результате неправильного ведения допроса и применения незаконных

мер, расследование этого заявления должно быть произведено прокурором.

У обвиняемого, отказавшегося от ранее данных им показаний, необходимо тщательно выяснить, что именно в своих прежних показаниях он считает неправильным, что изменяет, что уточняет, а что подтверждает. Для этого нужно получить объяснения обвиняемого как по поводу вновь собранных доказательств, так и в отношении доказательств, уже ранее предъявлявшихся ему. Вот каким образом следователь уточнил показания обвиняемого Брандта, отказавшегося от данных им ранее показаний:

«Вопрос: Ранее Вы показывали, что после получения Вами денег от Воронова за обменную операцию полугрубой шерсти на козий пух, имевшую место во втором квартале, Вы договорились о встрече с Бураковским в Костяцком переулке, где передали жене Бураковского 4500 руб. Подтверждаете ли Вы эти показания в части встречи и передачи денег?

Ответ: Такие показания я действительно давал, но этой встречи не помню.

Вопрос: Значит Вы придумали эту встречу?

Ответ: Нет, факта такой встречи я не придумал. Такая встреча была, но она была не в связи с этой операцией. Когда была такая встреча — в этом или прошлом году — я не помню. Денег я жене Бураковского не передавал.

Вопрос: По поводу чего у Вас была эта встреча и что делали в это время Ваша жена и жена Бураковского?

Ответ: Во время этой встречи, после работы, мы вчетвером просто прогуливались — я с женой Бураковского, а Бураковский — с моей женой.

Вопрос: Была ли в этот раз у Бураковской хозяйственная сумка?

Ответ: Да, у Бураковской была хозяйственная сумка...

Вопрос: Вы ранее также показывали, что в августе прошлого года к Вам на квартиру по Вашему приглашению приехали Бураковский с женой. Вы были больны и, лежа в постели, передали Бураковскому, который сидел возле Вас, заранее приготовленные для него 4500 руб. Подтверждаете ли Вы эти показания?

Ответ: Такие показания я действительно давал, но такого факта не было, я его придумал.

Вопрос: Однако Вы действительно были больны в это время?

Ответ: Да, я действительно был болен в это время, но посещал ли меня в это время Бураковский с женой — я не помню. Это могло быть...».

Таким образом, допросив Брандта по обстоятельствам, фигурировавшим в его прежних показаниях, следовательно уточнил, какие из них Брандт в настоящее время подтверждает и от каких отказывается.

Новые показания обвиняемого следователь должен тщательно зафиксировать в протоколе допроса. В некоторых случаях, например, если обвиняемый в ходе допроса начинает отказываться от того, что он только что заявил, целесообразно давать ему на подпись каждый из его ответов на важнейшие вопросы. По поводу противоречий, содержащихся в показаниях обвиняемого, следует получить подробные объяснения. С результатами проверки новых показаний обвиняемого нужно ознакомить, предъявив ему собранные доказательства. Если произведенной проверкой не подтверждается правильность показаний обвиняемого, его следует поставить об этом в известность и зафиксировать полученные объяснения. Убедившись в том, что все его показания тщательно проверяются, а ложные опровергаются, обвиняемый нередко возвращается к ранее данным правдивым показаниям. Характерно в этом отношении дело по обвинению Васильевой в убийстве Долгодворовой. Васильева неоднократно меняла свои показания, но каждый раз убеждалась в том, что ее ложные утверждения тщательно проверяются и опровергаются. Сначала Васильева заявила, что в день убийства она ушла к своей матери в 9 час. 30 мин. утра, а вернулась в квартиру Долгодворовой лишь после того, как услышала о ее убийстве. Вскоре Васильева обнаружила, что из ее сумочки, которая оставалась в квартире убитой, похищено 500 руб., из них 334 руб. принадлежали артели «Фотоателье», где Васильева работала кассиром. Выслушав ее, следователь предъявил доказательства, опровергающие ее показания: показания матери о том, что Васильева пришла к ней не в 9 час. 30 мин., а в 11 час. 30 мин.; показания свидетельницы Грязевой и матери обвиняемой о том, что Васильева была одета не в красное платье и жакет, как она показывала, а в халат и пальто; показания матери и мужа Васильевой о том, что у нее всего было 50 руб. денег. Ознакомившись с предъявленными доказательствами, Васильева изменила свои показа-

ния. Рассказав подробно о совершенном ею преступлении, она ввела в свои показания новый персонаж — Ольгу Пьянкову, будто принимавшую участие в убийстве Долгодворовой. Следователь проверил новую версию об участии Пьянковой в убийстве, но было доказано ее алиби. И на этот раз обвиняемая недостаточно правдиво изложила обстоятельства преступления.

Когда Васильева была снова вызвана на допрос для уточнения показаний о Пьянковой, она отказалась от ранее данных показаний, заявив, что не знает, кто убил Долгодворову. Следователь зафиксировал это заявление в протоколе допроса, после чего временно прекратил допрос. Следователь, решил собрать новые доказательства, которые уличили бы Васильеву в совершении преступления. Был допрошен муж Васильевой, подтвердивший, что у его жены была недостача в 334 руб., о которой он узнал накануне убийства.

Проведенной судебно-медицинской экспертизой было установлено, что на рубашке и косынке обвиняемой обнаружена кровь человека, относящаяся к III группе (к этой же группе принадлежала кровь убитой Долгодворовой), в то время как кровь Васильевой относится ко II группе. Ознакомившись с вновь собранными доказательствами, Васильева убедилась в том, что каждое ее показание тщательно проверяется, а поэтому бесполезно давать ложные показания¹.

Обвиняемая Величкина на первоначальном допросе подробно рассказала о том, как убила Фитину. Величкина показала, что уже после смерти Фитиной, чтобы замести следы, она совместно с Терлецкой написала от имени вымышленного лица письма отцу Фитиной, в которых сообщала, что его дочь якобы арестована. Когда в последующем Величкина отказалась от своих показаний, заявив, что они вымышленные, следователь спросил, откуда же ей известно содержание писем, полученных отцом Фитиной? Величкина ответила, что узнала о письмах от работников милиции. Тогда следователь предъявил Величкиной конверт, в котором Фитин прислал письма в милицию. Осмотрев конверт, обвиняемая убедилась в том, что письма прибыли в милицию после того, как она дала показания,

¹ См. «Следственная практика» 1954 г. № 17, стр. 246—255.

и, следовательно, работники милиции не могли сообщить ей содержание писем¹.

Если по делу проходит несколько обвиняемых, то обстоятельства, в отношении которых один из них изменил свои показания, в некоторых случаях могут быть подтверждены или опровергнуты показаниями других. Путем допроса соучастников иногда можно выяснить, в какой мере показания, от которых обвиняемый отказался, соответствуют фактическим обстоятельствам совершенного преступления. Такой тактический прием допустим только в случаях, когда следователь уверен в том, что соучастники не знают об изменении обвиняемым показаний и не договаривались об общей тактике поведения на допросе. В таких случаях нужно тщательно следить за тем, чтобы они не могли догадаться о таком отказе. С показаниями соучастника, в которых опровергаются новые утверждения обвиняемого, следует немедленно ознакомить обвиняемого, отказавшегося от своих прежних показаний. Это в ряде случаев дает положительные результаты.

Нередки отказы обвиняемых от прежних правдивых показаний в тех случаях, когда дело поступает к другому следователю (например в случаях передачи дела в порядке ст. 108 УПК РСФСР). Считая, что новый следователь еще не успел разобраться в деле, обвиняемый ищет возможности избежать ответственности за содеянное путем отказа от прежних показаний. В этих случаях неправильно начинать допрос обвиняемого с вопроса: «Подтверждаете ли Вы ранее данные показания?». Вначале следует поговорить с обвиняемым, выяснить его личные особенности и позицию, которую тот намерен занять. Следователю рекомендуется показать свою полную осведомленность в малейших деталях обстоятельств дела. Только после того, как обвиняемый убедился, что следователь хорошо изучил дело, можно перейти к уточнению прежних показаний обвиняемого.

§ 8. Составление протокола допроса обвиняемого

Недостаточно правильно допросить обвиняемого, нужно еще правильно записать его показания. Самый успешный допрос не может быть в дальнейшем исполь-

¹ См. «Следственная практика» 1954 г. № 17, стр. 80—81.

зован как доказательство, если он не запротоколирован надлежащим образом, если в нем не отражены все обстоятельства, имеющие значение для дела.

Протокол допроса в ряде случаев является средством изобличения обвиняемого в даче ложных показаний. Известно, что ложные показания, подробно зафиксированные следователем, нередко служат уликой против обвиняемого. Однако необходимо иметь в виду, что сам по себе факт дачи обвиняемым ложных показаний, как и всякое косвенное доказательство, не может служить основанием для вывода о виновности обвиняемого. В практике известны случаи, когда невиновное лицо, ошибочно привлеченное в качестве обвиняемого, дает ложные показания, опасаясь, что, если он расскажет правду, ему не поверят. Обвиняемый может скрывать истину и по другим соображениям, в частности, чтобы не втянуть в дело другое лицо, скрыть какой-либо свой поступок, не имеющий, однако, ничего общего с расследуемым преступлением, и т. п. Но и в этих случаях показания обвиняемого нужно точно фиксировать в протоколе, так как без этого невозможно сопоставить его показания с результатами их проверки и выявить подлинные мотивы дачи ложных показаний.

Протокол начинается с заполнения анкетных данных об обвиняемом. При повторных допросах в протоколе делается указание: «анкетные данные содержатся на листе дела...» В протоколе рекомендуется отмечать не только дату допроса, но часы и минуты начала и окончания его. Это необходимо для того, чтобы определить в необходимых случаях продолжительность допроса и в какое время суток он производился (утро, день, вечер).

Показания обвиняемого должны быть запротоколированы во всех случаях настолько подробно, чтобы в дальнейшем можно было проверить каждое обстоятельство, на которое ссылается обвиняемый.

Запись должна производиться в первом лице, по возможности дословно, с сохранением индивидуальных особенностей речи обвиняемого. Это требование связано с тем, что протокол, по возможности, должен отражать не только то, что показывает обвиняемый, но и как он излагает свои показания. Поэтому не следует стремиться к тому, чтобы придать показаниям обвиняемого литературную форму, ибо в этих случаях пропадают индивидуальные особенности его речи. Хорошо отражены индивиду-

альные особенности изложения обвиняемым своих показаний в протоколе допроса Гаевого.

«...22 марта 1955 г. мне стало известно, что умерла бабушка — теща Кубышкина. Отец в этот день принес домой пол-литра водки. Но водку дома отец не пил, так как он ушел с матерью к покойной. Я, оставшись дома один, вечером выпил сам эту водку и собрался было пойти посмотреть покойную. По дороге к дому Кубышкиных, когда я опустился к балке, то возле дома Бережновых я увидел стоящую Александру Кубышкину, и поскольку я был на нее злой за то, что она меня опозорила на весь город, называя меня «блатным» и «курытником», то у меня все «закипело», и я решил ей отомстить, отлупить ее. Дальше к дому я не пошел, а пошел в город, где выпил кружку пива и стакан водки. В городе я был недолго и после 7 час. вернулся домой.

Дома я сидел до полуночи. Немного занимался вязанием сети, покушал. При мне пришел от Кубышкиных отец и лег спать, а мать домой не приходила. После полуночи, часов после 12, я решил, вернее подумал, что поскольку во дворе у Кубышкиных похороны, то Александра будет во дворе и я ее встречу и изобью. Для этой цели я пошел во двор к Кубышкиным, заглянул в дом к ним. Поскольку Александры в доме не было, то я пошел к дому Бережновой, заглянул в окно и увидел спящую на кровати Александру.

Я зашел с другой стороны дома, так как со стороны улицы горел свет на столбе, и решил проникнуть в дом, чтобы там отлупить ее. Попробовал дверь — она закрыта. Вытащил стекло в раме веранды — не пролезу туда, тогда я выставил стекло со стороны дома Кубышкиных и проник в дом. В руках у меня была палка. Когда я зашел в комнату, то Александра проснулась и спросила: «Кто там?» Я подошел ближе и ударил ее палкой. Она закричала и кинулась к постели, ногой ударила меня в живот. В этот момент я упал. Александра разбудила Нину. Нина вскочила и побежала в другую комнату, а Александра стала меня душить за шею. Затем прибежала с кочергой Нина и вдвоем они начали меня убивать. Тогда я вытащил имеющийся у меня перочинный ножик и ударил ножом по голове Александру, которая схватилась руками за голову и присела. Нина в это время закричала, и я ей стал наносить удары ножом и порезал ей шею.

Думая, что Александра убита, я в другой комнате схватил чемодан с вещами. Какие были вещи, я не знал. В это время Александра сказала: «Иван, это тебе не пройдет...». Я тогда повернулся и стал наносить удары ножом Александре. Защищаясь, Александра схватила нож рукой. Я его вырвал и резанул ей по шее. После этого я забрал чемодан, положил в него еще вещей из другого деревянного чемодана и через дверь ушел.

Из дома я вышел и пошел по переулку, где за ручьем оставил часть вещей, затем часть вещей оставил в огороде на улице Фрунзе, а часть вещей во рву. Чемодан оставил в начале улицы Пугачева и остальные вещи в овраге над шоссе по Гипроградской улице. Вещи я закапывал руками и так, чтобы их можно было видеть, так как делал это я с целью отвлечь от себя подозрение в убийстве. Я хотел, чтобы все думали, что на Кубышкиных напали грабители. Домой я возвратился около трех часов утра. Застирал рубашку, так как рукав немного запачкал кровью. Брюки-спецовку хлопчатобумажные, которые были в крови, сразу сжег в печи и лег спать. Наутро я принимал участие в похоронах девочек. О своем преступлении никому не говорил. Нож, которым я порезал девочек, я бросил при выходе из дома в огород, по направлению к колодцу...

Протокол допроса мне прочитан, записано верно». Если в показаниях обвиняемого встречаются местные, необщепринятые выражения или наименования, их следует пояснить в скобках, с тем чтобы было понятно, о чем, собственно, идет речь. Так, в показаниях свидетелей по делу Колосова и других неоднократно указывалось, что «на потерпевшем была одета «москвичка». Естественно, возникал вопрос, что же это такое? Оказалось, что таким образом местные жители называют мужское полупальто. Очевидно, что местное наименование нужно было пояснить в тексте протокола.

Показания обвиняемого в протоколе допроса должны быть записаны так, чтобы исключалась возможность их превратного истолкования. Объективная фиксация показаний вызывает у обвиняемого доверие к следователю.

Протоколирование показаний одновременно с устным допросом отвлекает следователя, мешает ему сосредоточиться. Это обстоятельство также связывает и обвиняемого (следователь фиксирует его показания, не выслушав их до конца). Поэтому рекомендуется, как правило, вна-

чае устно допросить обвиняемого и выслушать его, делая отдельные пометки на листке бумаги или составляя краткий конспект показаний, а только потом следует переходить к протоколированию. Но из этого правила есть исключения. Если допрос сложный, то целесообразно, закончив часть допроса, записать показания обвиняемого и дать ему их подписать, выяснив при этом, правильно ли его понял следователь, и лишь затем переходить к дальнейшему допросу. В ряде случаев целесообразно вслух произносить записываемые формулировки, с тем чтобы обвиняемый мог своевременно внести поправки. Такая запись показаний по частям является гарантией от ошибок при протоколировании и мешает обвиняемому отвлечься от допроса или изменить свои правдивые показания, которые уже зафиксированы в протоколе.

Если дело многоэпизодное, целесообразно запись в протоколе производить по отдельным эпизодам.

После записи показаний обвиняемого ему задаются вопросы, которые также фиксируются в протоколе наряду с ответами. В тех случаях, когда в ответах обвиняемого содержатся противоречия или он в ходе допроса меняет свои показания, целесообразно предложить обвиняемому подписывать каждый из ответов.

В тех случаях, когда обвиняемый, отвечая на вопросы следователя, дает дополнительные объяснения по поводу предъявленного обвинения и вносит уточнения в свой рассказ, ответы обвиняемого на заданные вопросы обычно включаются в текст изложения свободного рассказа обвиняемого.

Но в тех случаях, когда обвиняемому предъявляются доказательства и когда целью допроса является изобличение его в даче ложных показаний, фиксировать показания следует вслед за получением каждого ответа. Вопросы следователя вносятся в протокол лишь в тех случаях, когда предъявляются доказательства или когда для правильной оценки ответа обвиняемого необходимо знать содержание и формулировку вопроса. Предъявление обвиняемому в процессе допроса тех или иных доказательств должно отражаться в протоколе в тексте вопросов.

Если обвиняемого знакомят с показаниями другого лица, следует в протоколе точно указать, кому принадлежат эти показания, от какого числа протокол и, по возможности, листы дела. Если обвиняемому оглашается

выдержка из показаний, в протоколе желательно привести ее дословно или, во всяком случае, отразить основное содержание зачитанных показаний. Так например: «Вопрос: Вам предъявляются показания свидетельницы Цветковой от 7 марта с. г. (т. II, л. д. 38—41), в которых она указывает, что деньги по наряду № 24 от 20 января с. г. ей не выписывались и она их не получала. Как Вы объясните это обстоятельство?» или «Вопрос: подтверждаете ли Вы предъявленные Вам показания обвиняемого Степина от 26 февраля с. г. (т. II, л. д. 116—118) о том, что он не принимал участия в ограблении квартиры № 2 по ул. Разина и что об обстоятельствах ограбления узнал от Вас?»

Если обвиняемым в процессе его допроса составлены план или схема, они должны быть приложены к протоколу его допроса. Оформление таких чертежей производится с соблюдением тех же тактических требований, которые предусмотрены для составления таких документов свидетелями при их допросе (см. гл. II, § 5).

Обвиняемый, в случае его о том просьбы, по закону имеет право собственноручно написать свои показания (ст. 139 УПК РСФСР). При этом соблюдаются те же требования, которые предъявляются к собственноручному написанию показаний свидетелями (см. гл. II, § 8).

Протокол допроса неграмотного обвиняемого оформляется с соблюдением тех же тактических правил, которые установлены для подписания протоколов при допросе неграмотных свидетелей (см. гл. II, § 4).

Протокол по окончании допроса прочитывается и подписывается обвиняемым и следователем (ст. 139 УПК), а также экспертом или переводчиком, если они принимали участие в допросе обвиняемого. Обвиняемый подписывает каждую страницу протокола. Если допрос производился в присутствии переводчика, последний подписывает протокол до подписи его следователем. Эксперт, участвовавший в допросе, ставит свою подпись на протоколе допроса после подписи следователя. В конце протокола отмечается, прочитан ли он обвиняемому или же последний ознакомился с протоколом самостоятельно. Обвиняемому во всех случаях должна быть предоставлена возможность лично прочитать протокол. Следователь зачитывает его обвиняемому только по его просьбе. До подписи протокола обвиняемым отмечается подтверждение им правильности изложенного.

Обвиняемый имеет право дополнить протокол и внести в него поправки согласно данному им показанию (ст. 139 УПК). Поправки и дополнения могут быть внесены в связи с тем, что обвиняемый желает чем-либо дополнить запись своих показаний или считает, что его показания изложены неправильно. Иногда обвиняемый, прочитав протокол, убеждается в том, что дал показания, которые его изобличают, и в связи с этим пытается изменить ту или иную часть протокола, требуя внести «поправку», меняющую смысл его показаний. Следователь должен выполнить требование обвиняемого. В таких случаях можно либо вычеркнуть из протокола допроса ту часть записи, против которой возражает обвиняемый, либо в конце протокола записать «уточняющее» показание в редакции обвиняемого, с отметкой, взамен какой части протокола дана новая редакция. У обвиняемого нужно, по возможности, выяснить, почему он меняет ту или иную формулировку или часть показания, и это объяснение также записать. В конце протокола до подписи обвиняемого перечисляются поправки и дополнения, внесенные в протокол по ходатайству обвиняемого. Если в результате внесенных обвиняемым поправок часть текста протокола исключается, то в конце протокола отмечается, какой именно текст зачеркнут. Подчистки в тексте не допускаются. Свободные места в протоколе прочеркиваются.

Если обвиняемый отказался от подписи постановления о привлечении в качестве обвиняемого или от дачи показаний, об этом составляется протокол, с указанием мотивов отказа. Он подписывается следователем, обвиняемым и понятыми. Нередко обвиняемый отказывается подписать постановление только из-за опасения, что его подпись будет означать признание им своей вины. В таких случаях необходимо разъяснить обвиняемому, что его подпись лишь подтверждает факт ознакомления с постановлением, а отношение обвиняемого к предъявленному обвинению отражается не на постановлении, а в протоколе его допроса. В том случае, если обвиняемый дал показания, но отказался подписать протокол допроса, это отмечается в конце протокола, с указанием мотивов отказа. Протокол подписывается следователем и приобщается к делу. По усмотрению следователя можно в присутствии понятых составить особый протокол об отказе обвиняемого подписать протокол допроса.

Если пригласить понятых невозможно (например при производстве допроса в тюрьме), следовательно ограничивается составлением протокола об отказе обвиняемого подписать постановление о привлечении в качестве обвиняемого или протокол допроса за подписью двух следователей или прокурора. В тех случаях, когда и этих лиц пригласить не удастся, следовательно, не составляя отдельного протокола, делает соответствующую отметку на постановлении или в протоколе допроса за своей подписью.

ГЛАВА IV

ТАКТИКА ДОПРОСА НА ОЧНОЙ СТАВКЕ

§ 1. Значение очной ставки

Допрос на очной ставке — разновидность допроса свидетелей и обвиняемых. Он представляет собой процессуальное действие, позволяющее следователю проверять показания допрашиваемых, устранять противоречия между ними и вносить ясность в отдельные обстоятельства дела. С процессуальной точки зрения очная ставка заключается в допросе ранее допрошенных лиц, но в присутствии друг друга.

Согласно действующему закону (ст. ст. 137 и 163 УПК РСФСР) очная ставка может быть произведена между свидетелями, между обвиняемыми, а также между обвиняемым и свидетелем (потерпевшим).

Очная ставка является сложным следственным действием. Прибегать к ней надо лишь в тех случаях, когда нельзя достигнуть цели иным, более простым путем. Далеко не каждое противоречие в показаниях нужно устранять очной ставкой. В тех случаях, когда они несущественны для дела, нет необходимости в очной ставке. Основная цель ее — устранить противоречия в показаниях допрошенных лиц и установить, какое же из них является правильным.

Если, например, следователю нужно установить возраст обвиняемого, а два допрошенных по этому поводу свидетеля дают противоречивые показания, то было бы нецелесообразно попытаться устранить это противоречие путем очной ставки между свидетелями. Гораздо проще

и правильнее истребовать из районного отдела записи актов гражданского состояния по месту рождения обвиняемого выписку из книги о рождениях, из которой с полной достоверностью будет установлена дата рождения, а следовательно, и возраст обвиняемого.

Свойства человеческого восприятия и памяти делают неизбежными расхождения в описании разными лицами деталей одного и того же предмета или события. Один свидетель мог заметить и запомнить одни свойства предмета, другой свидетель, наоборот, разглядел и запомнил те свойства, которые оказались вне поля зрения первого свидетеля. Если допросить их об этом предмете, то, естественно, показания обоих не совпадут во всех деталях.

Этих противоречий никакая очная ставка не устранит, да и следователь не должен стремиться к устранению всех без исключения расхождений, которых в каждом деле может быть очень много.

Устранять необходимо те противоречия, которые имеют значение для установления состава преступления и виновности данного лица в совершении преступления.

Например, если соучастники разбойного нападения, закончившегося убийством потерпевшего, утверждают, что Иванов участвовал в убийстве, а Иванов отрицает это, то для устранения этого существенного противоречия выяснения истины необходимо произвести очную ставку между Ивановым и другими обвиняемыми.

В следственной практике известны многочисленные случаи, когда даже опытные преступники, придумывавшие целую систему ложных показаний в свою защиту, были вынуждены на очной ставке отказаться от выдуманных объяснений и говорить правду.

В качестве иллюстрации можно привести следующий пример. Однажды ночью на одной из улиц г. Бабушкина Московской области группа бандитов в составе четырех человек напала на женщину с целью ее ограбления. На крики потерпевшей пришел на помощь проходивший по той же улице майор милиции Щербаков. Бандиты оказали ему сопротивление. Щербаков выстрелил из своего пистолета системы «Браунинг» и ранил одного из бандитов. Те в свою очередь открыли стрельбу из имевшегося у них пистолета «ТТ» и двумя выстрелами убили Щербакова и скрылись с места преступления.

В результате розыска удалось установить, что в эту ночь в Институт имени Склифасовского в Москве был доставлен раненый гр-нин Бабкин из г. Бабушкина. Ранение было слепым, и при операции была извлечена пуля от пистолета «Браунинг». Впоследствии экспертиза установила, что эта пуля была выстрелена из пистолета майора милиции Щербакова, найденного на месте происшествия.

При допросе родных Бабкина выяснилось, что он в ночь происшествия дома не ночевал, что той ночью к ним на квартиру пришел приятель Бабкина Цыганов и попросил медикаменты для оказания помощи раненому Бабкину. Кто ранил Бабкина — Цыганов не сказал. Мать и сестра Бабкина полагали, что Цыганов отвез Бабкина в больницу. Цыганов объяснил, что раненого Бабкина доставили к нему домой его приятели Осипенков, Климов и Кусов. Он сделал ему перевязку и вместе с Кусовым отвез Бабкина в Москву, в Институт имени Склифасовского.

Соучастники преступления — Климов и Кусов — под давлением улик признались в том, что они вместе с Бабкиным и Осипенковым участвовали в покушении на ограбление проходжей женщины в г. Бабушкине и в перестрелке с майором милиции Щербаковым. Но Бабкин это категорически отрицал. Рассчитывая на договоренность со своими соучастниками о том, что те не скажут о действительных обстоятельствах ранения, он на предварительном следствии упорно твердил, что в него стреляли неизвестные люди в Останкинском парке, находящемся на полпути между г. Бабушкиным и Москвой.

Бабкин — рецидивист, имевший в прошлом две судимости. Следователь справедливо заподозрил в нем главаря бандитской шайки. Он вполне основательно опасался влияния Бабкина на своих соучастников, которые все были моложе по возрасту и не имели преступлений в прошлом. Решив сломить сопротивление Бабкина путем очной ставки с кем-либо из его соучастников, следователь выбрал для этого Кусова, менее всего запутавшегося в преступных связях с Бабкиным, в отношении которого было точно установлено, что он в ночь убийства в Останкине не был и что он вместе с Цыгановым участвовал в доставлении раненого Бабкина в институт имени Склифасовского. Очную ставку следователь начал с допроса Ку-

сова, который подтвердил свои показания о том, что в ночь убийства Щербакова он вместе с Осипенковым доставил раненого Бабкина в дом Цыганова. Это было неожиданно для Бабкина, который рассчитывал на то, что Кусов выполнит данное им обещание и не расскажет об этом.

«Выслушав показания Кусова, — пишет следователь, — Бабкин смутился, а потом попросил меня прервать очную ставку и удалить Кусова. Очевидно, эта очная ставка произвела большое впечатление на Бабкина, и после удаления Кусова он начал давать правильные показания»¹.

На очной ставке лицо, давая правдивые показания, может столкнуться с таким фактом, что второй допрашиваемый упорно настаивает на ложных показаниях. Тогда первый мобилизует свою память и приводит факты, позволяющие проверить его показания и тем самым установить истину. В некоторых же случаях лицо, давая ложные показания, придумывает аргументы и факты, опровергающие правдивые показания. При этом он нагромождает новую ложь на старую и запутывается в собственных противоречиях, тем самым разоблачая себя.

Очная ставка помогает установить истину по делу и в тех случаях, когда каждый из допрашиваемых дает прежние показания. Поведение их, содержание и характер показаний каждого из них помогают следователю лучше ориентироваться в показаниях допрашиваемых, наметить пути и способы проверки показаний. При этом могут быть выявлены новые обстоятельства и собраны новые доказательства. Кроме того, в процессе очной ставки иногда раскрываются такие свойства темперамента и характера допрашиваемых, которые должны быть учтены следователем в ходе расследования для правильного выбора тактических приемов допроса.

Иногда в следственной практике возникает вопрос, можно ли допрашивать на очной ставке людей, не знающих друг друга. Следует признать, что препятствий к этому нет, но все зависит от конкретных условий, от обстоятельств дела. Это вполне целесообразно делать, например, в тех случаях, когда два свидетеля, не знакомые

¹ См. «Следственная практика» 1954 г. № 19, стр. 63—73.

друг с другом, одновременно наблюдали одно и то же событие, но по-разному освещают его; их допрос на очной ставке часто помогает им обоим припомнить, как было дело в действительности и внести исправления в свои ранее данные показания. Возможен допрос на очной ставке и незнакомых друг с другом обвиняемых по сложным хозяйственным делам, когда показания одного сознавшегося в преступлении обвиняемого могут побудить отказаться от своих неверных объяснений второго, не знакомого с ним обвиняемого, ранее ссылавшегося при допросе на какие-либо выдуманные им обстоятельства в целях доказывания законности какой-либо преступной хозяйственной операции. Так, при расследовании уже упоминавшегося выше сложного дела о злоупотреблениях при сдаче бутылочной тары на винный завод заведующий винным магазином Шершов при допросе заявил следователю, что бутылки сдавались им на завод в тарный склад, где и выписывались накладные, которыми он отчитывался. На самом деле Шершов посуду на тарный склад не сдавал, а подложные накладные, которыми он отчитывался за расхищенные государственные деньги, систематически изготавливались бухгалтером завода Молочниковой-Беловой и передавались Шершову через третьего соучастника хищения. С Молочниковой-Беловой Шершов знаком не был. Очная ставка между Молочниковой-Беловой и Шершовым, во время которой Молочникова-Белова заявила, что накладные на бутылочную тару составлялись ею и являются бестоварными, побудила Шершова тут же отказаться от придуманных им объяснений и сознаться в соучастии в расхищении государственных средств.

Если свидетель изобличает в совершении преступления незнакомое ему лицо, которое он видел во время описываемого им события, необходимо перед очной ставкой предъявить свидетелю изобличаемого им человека для опознания. Если после опознания окажутся противоречия в показаниях свидетеля и изобличенного им лица, их можно допросить на очной ставке.

Очная ставка производится только между ранее допрошенными лицами, показания которых зафиксированы в протоколах допроса. Нарушение этого правила привело бы, по существу, к первичному допросу двух лиц в присутствии друг друга, что запрещено законом.

§ 2. Подготовка к очной ставке

Подготовка следователя к очной ставке заключается в тщательном изучении показаний допрошенных лиц, между которыми предполагается провести ее. При этом следователь должен установить, какие противоречия имеются в их показаниях и какие именно обстоятельства требуют уточнения. В случае необходимости следователь должен произвести дополнительные допросы и собрать недостающие данные. После этого он должен продумать, какие из противоречий необходимо устранить путем производства очной ставки и какие могут быть устранены иными следственными действиями. Таким образом, выявляется перечень противоречий и спорных обстоятельств, по поводу которых должна быть назначена очная ставка. Одновременно определяется перечень основных вопросов, которые должны быть заданы допрашиваемым, очередность допроса ее участников и последовательность задаваемых им вопросов. Как правило, следует исходить из того, что если в первоначальных показаниях одного из участников очной ставки содержится утверждение о том, что произошел определенный факт, а в показаниях второго он отрицается, то первым целесообразно допросить человека, утверждающего, что факт имел место. Если противоречия в показаниях заключаются в различном освещении одного и того же факта (например, по разному излагается очередность событий, место и время их совершения), то целесообразно первым допросить того человека, показания которого изобличают обвиняемого в совершении преступления.

Если очная ставка назначается по ходатайству кого-либо из ранее допрошенных лиц, то, определяя очередность допроса, следует исходить из характера ходатайства. Например, если ходатайствующий заявляет, что он сам на очной ставке хочет рассказать, как было дело в действительности, то его рекомендуется допросить первым. Если ходатайство заявляется, например, в такой форме: «пусть такой-то повторит мне в глаза то, что он наговорил, посмотрим, хватит ли у него на это совести»,—бывает целесообразно начать допрос на очной ставке с того человека, об очной ставке с которым заявлено ходатайство. В некоторых случаях целесообразно начинать очную ставку с допроса лица, показания которого представляют

ся более правильными на основании совокупности собранных доказательств. Следователь должен иметь в виду, что твердо установленных правил очередности допроса на очной ставке не существует, и, намечая очередность допроса, он должен исходить из конкретных особенностей собранных доказательств и личных качеств каждого из ее участников. При этом все меры должны быть приняты к тому, чтобы предотвратить сговор между участниками очной ставки. Для этого следователь должен продумать во всех деталях, как разместить в комнате всех ее участников, чтобы они не могли переговариваться шепотом или передавать друг другу записки. Необходимо предусмотреть и освещение в помещении, чтобы облегчить следователю наблюдение за допрашиваемыми.

Последовательность задаваемых вопросов целиком зависит от количества и характера конкретных противоречий, обнаруженных в первоначальных показаниях, а также и от личности допрашиваемых.

Как правило, вопросы должны быть построены таким образом, чтобы первый допрашиваемый в своем ответе не охватывал широкого круга фактов и обстоятельств, а ограничился бы изложением лишь одного из них. Только путем расчленения темы допроса можно достигнуть наиболее глубокого выяснения имеющихся в деле противоречий и их устранения. Намечая вопросы, следователь должен строго следить за тем, чтобы к следующему вопросу не переходить до тех пор, пока участники очной ставки не допрошены исчерпывающе, глубоко и детально по предыдущему.

В зависимости от личности допрашиваемых и характера имеющихся доказательств тактика постановки вопросов может быть различной: от второстепенных противоречий к главному, либо, наоборот, от главного противоречия к второстепенным.

Следователь, учитывая поведение допрашиваемых на предыдущих допросах, должен попытаться предугадать ожидаемые варианты ответов на заданные вопросы и заранее наметить дальнейшие вопросы. Однако показания, данные допрашиваемыми на очной ставке, могут заставить следователя отказаться от заготовленных формулировок вопросов и на ходу перестроить весь план допроса.

При подготовке к более сложным очным ставкам, во время которых должно быть задано много вопросов по

разным эпизодам, рекомендуется составить письменный план очной ставки, включающий перечень основных противоречий, подлежащих устранению, последовательность задаваемых вопросов, а иногда и их формулировку.

Допрос на очной ставке может сопровождаться предъявлением вещественных доказательств и документов. Эти доказательства должны быть заранее подобраны, чтобы в процессе очной ставки их не искать и не подбирать.

Важное тактическое значение для расследования имеет также выбор момента очной ставки. В каждом конкретном случае следователь должен правильно определить его в зависимости от особенностей дела и личности допрашиваемых. В ряде случаев целесообразно произвести очную ставку непосредственно вслед за первоначальным допросом, на котором выявились противоречия с другими показаниями, имеющимися в деле, прежде чем допрошенные успели встретиться и договориться об устранении противоречий. Это необходимо сделать, например, для устранения противоречий в показаниях по поводу алиби обвиняемого, чтобы не дать возможности обвиняемому или его друзьям и родственникам встретиться со свидетелем и уговорить его изменить свои показания в пользу обвиняемого. В других случаях, наоборот, не следует спешить с производством очной ставки во избежание преждевременной осведомленности допрашиваемых о показаниях друг друга. Целесообразно предварительно попытаться собрать доказательства, подтверждающие или опровергающие показания допрашиваемых лиц, и если это удастся сделать, то вообще может отпасть необходимость в проведении очной ставки ввиду ясности вопроса.

§ 3. Тактика проведения очной ставки

Допрос на очной ставке подчиняется общим процессуальным правилам допроса. Если допрашиваются свидетели, то перед началом допроса они должны быть предупреждены об ответственности за дачу ложных показаний и отказ от дачи показаний, независимо от того, что они уже об этом предупреждались раньше.

Очная ставка начинается с выяснения, знакомы ли допрашиваемые друг с другом и каковы их взаимоотношения: не являются ли родственниками, не состоят ли в дружбе, вражде, нет ли между ними служебных отноше-

ний. Уточнение этих сведений позволяет следователю более правильно определить действительные взаимоотношения допрашиваемых, выявить возможные мотивы их последующего поведения на очной ставке и исключить для них возможность недобросовестно ссылаться в дальнейшем на то, что показания другого участника очной ставки даны ввиду якобы ненормальных взаимоотношений.

Затем следователь задает первому допрашиваемому вопрос, что ему известно об определенном факте. Выслушав ответ, он, в случае необходимости, задает вопросы, направленные на уточнение его показаний и на получение от него контрольных сведений, то есть сведений о фактах, подтверждающих данные показания и поддающихся проверке. После исчерпывающего допроса первого участника по первому вопросу следователь спрашивает второго, считает ли он правильными эти показания, и в случае положительного ответа предлагает ему подробно изложить свои показания, задает вопросы для уточнения и дополнения показаний. Если же второй возражает против показаний первого, следователь выслушивает его подробные показания, задает вопросы для уточнения и для получения контрольных сведений, а затем снова обращается к первому допрашиваемому с вопросом, считает ли он правильными эти показания.

Если первый участник изменит свои показания, следователь должен подробно выяснить у него содержание новых показаний. В случае подтверждения первым допрашиваемым своего первоначального показания следователь должен спросить его, не припоминает ли он новых фактов, о которых раньше не говорил, но которые могли бы подтвердить правильность его показаний или опровергнуть показания второго участника очной ставки. Далее следователь может задать обоим допрашиваемым вопросы, направленные на выяснение причин противоречий, после чего спрашивает их, не имеют ли они вопросов друг к другу. С разрешения следователя эти вопросы могут быть заданы и на них даны ответы. Если в процессе этого допроса кто-либо из допрашиваемых изменит свои показания, следователь обязан детально выяснить причину изменения показаний.

В ходе очной ставки иногда нецелесообразно заниматься выяснением причин изменения допрашиваемыми своих первоначальных показаний. Следователь может ог-

раничиться только подробнейшим уточнением содержания измененных показаний, а выяснение причин изменения показаний откладывает до дополнительного допроса свидетеля или обвиняемого, который, как правило, производится вслед за очной ставкой.

Вопросы, задаваемые друг другу допрашиваемыми, как правило, сначала излагаются ими следователю. Это делается для того, чтобы очная ставка не была использована ее участниками для запугивания свидетелей и обвиняемых, дающих показания, изобличающие другого допрашиваемого, или для сговора между допрашиваемыми. Во время очной ставки следователь должен буквально не спускать глаз с обоих допрашиваемых, чтобы те не могли обмениваться знаками или перебрасываться записками или иным путем сговариваться друг с другом. Он должен внимательно следить за ходом очной ставки и все время держать в руках инициативу допроса. Следователь может отклонять ненужные вопросы, вносить в них необходимые уточнения или изменения, ставить дополнительные вопросы и этим давать правильное направление очной ставке. Но иногда тактически целесообразно предоставить возможность одному из допрашиваемых непосредственно задавать вопросы другому для того, чтобы изобличить его в ложных показаниях. С целью раскрытия преступления и полного разоблачения его соучастников в отдельных случаях целесообразно, например, дать возможность допрашиваемым на очной ставке обвиняемым полностью высказать имеющиеся у них претензии друг к другу. При этом могут выявиться ранее неизвестные, но важные для дела факты.

В практике были случаи, когда обвиняемый, возмущенный поведением своего соучастника, в отместку сообщал на очной ставке все известное ему о преступных действиях второго допрашиваемого и при этом вскрывал факты, о которых ранее следователю ничего не было известно. Но и в этих случаях инициативу допроса следователь должен и в своих руках. Ни в коем случае не следует допускать, чтобы вопросы и реплики допрашиваемых переходили в бесцельную перебранку, так как она может быть умышленно инсценирована допрашиваемыми для того, чтобы под ее прикрытием сговориться о показаниях. При этом обвиняемые иногда пользуются беспомощностью следователя, чтобы запугать своего соучастника или свиде-

теля, которые могут изобличить их в совершении преступлений, и, таким образом, очная ставка вместо пользы приносит только вред делу.

Если у лиц, допрашиваемых на очной ставке, имеются противоречивые интересы по второстепенным фактам, то это обстоятельство иногда удается использовать для получения правдивых показаний о главном факте. Для этого следователь должен начинать очную ставку с выяснения тех второстепенных фактов, по которым между допрашиваемыми имеются противоречия. По делу о разбойном нападении два соучастника этого преступления — Астров и Варгин отрицали свою причастность к нему. Астров, желая отмежеваться от Варгина и доказать, что между ними не может быть ничего общего, рассказал на допросе о совершенной Варгиным краже белья, не имевшей никакого отношения к разбойному нападению. Варгин отрицал и этот факт. При допросе Варгина следователь не назвал ему источника сведений об этой краже и свел его с Астровым на очную ставку. Следователь первым допросил Астрова, и тот показал, что хотя он знаком с Варгиным, но у него нет ничего общего с ним, поскольку тот является вором и рассказал о краже белья. Для Варгина «предательство» Астрова было настолько неожиданным и настолько его разозлило, что он тут же рассказал о совершенном ими разбойном нападении.

На очной ставке следователь может предъявить допрашиваемым вещественные доказательства и документы. Это может иметь место в тех случаях, когда на предшествующих допросах участники очной ставки по-разному объясняли происхождение или значение вещественных доказательств или документов. Предъявление доказательств преследует цель активизации памяти участников и способствует конкретизации показаний путем демонстрации допрашиваемым тех частей документа или свойств вещественного доказательства, которые подтверждают или опровергают их объяснения, данные на очной ставке.

Доказательства предъявляются также и в целях изобличения человека, дающего ложные показания. Если показания одного из допрашиваемых объективно подтверждаются еще и другими доказательствами, то целесообразно тут же предъявить их второму допрашиваемому в целях усиления впечатления, оказываемого на него очной ставкой.

Если необходимо уточнить обстоятельства, которые недостаточно твердо помнит один из допрашиваемых, следователь должен ему помочь припомнить их, задавая вопросы о смежных событиях, которые могли бы натолкнуть на более четкое припоминание важного для дела обстоятельства. В этих случаях допрашиваемым разрешается напоминать друг другу побочные факты и обстоятельства, способствующие уточнению интересующего следователя события.

В производстве очной ставки могут участвовать переводчики. Они выполняют при этом те же функции, что и на обычных допросах.

В практике иногда встречается неправильная тактика проведения очной ставки, сводящаяся к тому, что следователь в присутствии обоих допрашиваемых только прочитывает вслух их первоначальные показания, содержащие противоречия, а затем требует от допрашиваемых ответа на вопрос, являются ли эти показания правильными. Такая «тактика» допроса на очной ставке не может дать положительных результатов, так как при этом каждый из допрашиваемых, как правило, подтверждает свое первоначальное показание хотя бы потому, что не хочет оказаться в положении человека, давшего ложное показание.

Значение очной ставки в том и заключается, чтобы непосредственно, лицом к лицу, столкнуть людей, давших разноречивые показания об одних и тех же предметах, явлениях, событиях, и получить данные, помогающие установить истину. В интересах раскрытия истины должны быть использованы реакции допрашиваемых на правду и ложь, их эмоции, переживания. Все это более интенсивно проявляется во время живого разговора, а не при чтении ранее составленных протоколов. К протоколам первоначальных показаний следователь может обратиться в конце очной ставки или после ее окончания для получения от допрашиваемых объяснений по поводу причин изменения первоначальных показаний и для напоминания отдельных фактов.

Очная ставка, как правило, должна производиться только между двумя лицами. Проведение очной ставки с большим количеством участников, хотя иногда и встречается на практике, но может быть рекомендовано лишь в исключительных случаях. С тактической точки зрения

опасно допускать большое скопление людей в одной комнате. Они могут быть заинтересованы в том, чтобы ввести в заблуждение следователя или легче сговориться в условиях, когда следователю трудно уследить за всеми участниками очной ставки. Кроме того, встретились бы и технические трудности при оформлении протокола очной ставки. Если же требуется устранить противоречия между тремя и более лицами, то их допрос на очной ставке должен, как правило, производиться попарно. В случаях, когда очные ставки с несколькими лицами являются средством изобличения обвиняемого или лжесвидетеля, рекомендуется производить очные ставки непосредственно одну за другой. Этим достигается то, что допрашиваемый, давший ложные показания, в конце концов убеждается в бесполезности запирательства.

§ 4. Составление протокола очной ставки

О проведенной очной ставке следователь должен составить протокол. Во вводной части его указывается: когда, где, каким следователем и между кем была проведена очная ставка. Кроме того, во вводной части протокола отмечается, что свидетели были предупреждены об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и за отказ от дачи показаний. Свидетели подписываются под текстом предупреждения.

В описательную часть протокола показания допрошенных заносятся в первом лице и могут быть записаны двумя способами:

I. Та часть протокола, в которой фиксируются вопросы и показания допрашиваемых, делится пополам вертикальной чертой. Запись показаний каждого из участников очной ставки ведется в половину строки. На левой стороне записываются фамилия, имя и отчество первого допрашиваемого, заданные ему вопросы и полученные от него показания. На правой стороне листа ведется запись допроса второго участника очной ставки. При этом способе ведения протокола следователь должен следить за тем, чтобы из записей были совершенно ясны очередность допроса и последовательность задаваемых вопросов. Для этого запись вопросов к каждому последующему допрашиваемому и его показаний должна начинаться с той строки, на

которой заканчивается запись показаний участника очной ставки, допрошенного до него. Так например:

Свидетель Н.	Обвиняемый Н. Н.
<p>Вопрос следователя: Знакомы ли Вы с Н. Н. и какие у Вас взаимоотношения?</p> <p>Ответ: Да, знаком. Мы с ним неоднократно встречались по службе. Я к нему тогда-то обращался с такими-то вопросами. Взаимоотношения у нас такие-то.</p> <p>Вопрос следователя: Что Вам известно по поводу накладной № 1528 от 10 октября 1956 г.?</p> <p>Ответ: По поводу накладной № 1528 от 10 октября 1956 г. мне известно следующее: ... и т. д.</p>	<p>Вопрос следователя: Знакомы ли Вы с Н.?</p> <p>Ответ: Да, знаком. Показания Н. об обстоятельствах нашего знакомства и наших взаимоотношениях подтверждаю.</p>

При таком способе записи совершенно ясна очередность допроса и последовательность заданных вопросов.

Из протокола также должно быть видно, кем задавались вопросы — следователем или одним из допрашиваемых лиц, для чего каждый вопрос озаглавляется следующим образом: «вопрос следователя» или «вопрос свидетеля Н.» или «вопрос обвиняемого Н. Н.»

Иногда описательная часть протокола оформляется по-другому:

II. Запись ведется в полную строку, последовательно отражая вопросы и ответы каждого из допрашиваемых, т. е. описывается по порядку все, что фактически происходило во время очной ставки. При этом способе ведения протокола следователь должен следить за тем, чтобы каждый раз в протокольных записях отмечалось, кем задавался вопрос, к кому из допрашиваемых он был обращен («Вопрос следователя свидетелю Н.» или «Вопрос об-

виняемого Н. Н. свидетелю Н.» и т. д.) и кому из них принадлежит каждый ответ («Ответ свидетеля Н.» или «Ответ обвиняемого Н. Н.»).

Если в ходе допроса допрашиваемым предъявлялись вещественные доказательства или документы, об этом делается отметка в записи того вопроса, во время постановки которого было предъявлено доказательство.

Протокол должен быть прочитан участниками очной ставки или по их просьбе полностью оглашен следователем. В заключительной части протокола отмечается, что протокол прочитан допрошенными лицами или оглашен следователем и что показания записаны со слов допрошенных правильно.

Каждый из допрошенных вправе требовать внесения исправлений в свои показания. О соответствии этих исправлений фактически сказанному на очной ставке следователь должен спросить и второго допрашиваемого. Ходатайства об исправлениях и заявление по этому поводу второго допрашиваемого должны быть занесены в протокол. Все исправления должны быть оговорены до подписания протокола.

Независимо от способа составления протокола допрошенные должны подписать:

1) Запись данных каждым из них показаний в описательной части протокола. Если запись показаний каждого из допрашиваемых ведется на одной половине вертикально разграфленного листа, то каждый подписывается под своей половиной листа. Если показания записаны последовательно одно за другим, каждый из допрошенных подписывается под каждым своим показанием, под каждым ответом.

В ряде случаев целесообразно отбирать подписи допрошенных под каждым показанием и под каждым ответом не в конце очной ставки, а непосредственно в ходе ее, после каждого показания, после каждого ответа, аналогично тому, как это делается при обычном допросе некоторых обвиняемых и свидетелей.

2) Заключительную часть протокола.

Затем протокол подписывается следователем, а если в допросе участвовал прокурор или переводчик, то протокол подписывается и ими.

ГЛАВА V

ВАЖНЕЙШИЕ ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Допрос несовершеннолетних имеет некоторые особенности, вытекающие из своеобразия психологии детей и подростков.

Различные периоды их возраста характеризуются различной степенью доступности явлений внешнего мира для их восприятия, различной степенью сознательности и различными особенностями протекающих у них психических процессов. Переход из одного возрастного периода в другой у разных детей может наступить в разное время, в зависимости от развития данного ребенка. Все же большинство несовершеннолетних может быть подразделено на следующие четыре возрастные группы: 1) дети дошкольного возраста (моложе 7—8 лет); 2) школьники младшей возрастной группы (от 7—8 до 11—12 лет); 3) школьники средней возрастной группы (от 11—12 до 14—15 лет) и 4) школьники старшей возрастной группы (от 14—15 до 18 лет).

Детей дошкольной и младшей школьной возрастных групп мы для простоты изложения в дальнейшем называем малолетними. В зависимости от возраста несовершеннолетнего должна соответственно видоизменяться и тактика его допроса.

В настоящей главе будут изложены особенности тактики допроса несовершеннолетних применительно к следующим этапам этого следственного действия:

- а) подготовка к допросу;
- б) допрос;
- в) составление протокола допроса.

§ 1. Подготовка к допросу

Допрос несовершеннолетних отличается от допроса взрослых. Он, как правило, проводится в присутствии и при участии педагога или воспитательницы детского сада, а в некоторых случаях — врача-педиатра. Иногда целесообразно, чтобы в допросе участвовали родители или лица, их заменяющие. Их участие в допросе должно обеспечивать получение от несовершеннолетних правдивых и откровенных показаний. Перед началом допроса следователь может ознакомить взрослых его участников с некоторыми материалами дела, имеющими отношение к данному допросу, и побеседовать с ними о личности допрашиваемого. Участие третьих лиц в допросе несовершеннолетних предусмотрено ст. 162 УПК УССР, циркуляром Прокурора СССР и Председателя Верховного Суда СССР от 21 июля 1935 г.

В законе (ст. 162 УПК УССР) не определен возраст несовершеннолетних, допрос которых обязательно производится с участием педагога или других представителей их интересов. Нам представляется, что допрос несовершеннолетних обвиняемых и свидетелей, достигших 16-летнего возраста, может быть произведен, как правило, в отсутствие третьих лиц. Вместе с тем нельзя согласиться с мнением о том, что при допросе любых несовершеннолетних обвиняемых присутствие представителей их интересов является излишним¹. Обвиняемых, не достигших 16-летнего возраста, необходимо допрашивать с участием педагога или кого-либо из родителей или близких. Исключение могут составлять обвиняемые в половых преступлениях, допрос которых, как правило, целесообразнее производить наедине.

При подготовке к допросу следователь должен решить, кого он намерен пригласить для участия в допросе: педагога, врача или родителей. Как правило, следует приглашать кого-либо из учителей или классного руководителя, хорошо знающих допрашиваемого и к которым допрашиваемый относится с доверием. Но в некоторых случаях участие лиц, знающих ребенка по школе, может лишь повредить выяснению истины (например по делам о половых

¹ См. «Социалистическая законность» 1956 г. № 2, стр. 21—25.

преступлениях). Боязнь, что присутствие при допросе знакомых учителей приведет к огласке «стыдных» фактов, может в этих случаях заставить несовершеннолетнего замкнуться и молчать. В этих случаях для участия в допросе целесообразно приглашать незнакомых допрашиваемому педагогов.

Родители приглашаются только в том случае, если они не связаны с совершенным преступлением и известно, что подлежащий допросу несовершеннолетний относится к ним с уважением. Их присутствие при допросе может оказать положительное влияние на допрашиваемого. Но иногда присутствие родителей стесняет несовершеннолетнего или внушает ему боязнь, что родители подвергнут его наказанию. Не единичны и такие случаи, когда родители уговаривают несовершеннолетних не признаваться в совершенном преступлении. Ясно, что участие таких родителей в допросе может лишь помешать следователю. Поэтому еще до допроса следователь должен выявить лиц, которые имеют влияние (как отрицательное, так и положительное) на допрашиваемого, и учитывать это при решении вопроса о том, кого следует пригласить для участия в допросе.

При расследовании дела по обвинению несовершеннолетнего Чижова в краже следователь выяснил, что мальчик груб с родителями и считается в семье только с мнением старшего брата, который к нему требователен. Поэтому для участия в допросе Чижова был приглашен его брат, что оказало положительное влияние на обвиняемого и помогло следователю получить от него правдивые показания.

Личность несовершеннолетнего должна быть подробно изучена до его допроса с тем, чтобы определить особенности его характера, уровень развития, способности и интересы. Это должно производиться в отношении всех без исключения несовершеннолетних свидетелей, потерпевших и обвиняемых. Следователь должен, по возможности, выяснить, какие люди окружают несовершеннолетнего, с кем он живет — с родителями, опекунами или родственниками либо воспитывается у лиц, которые не являются его родственниками, чем они занимаются, какие у них материальные средства, с кем он дружит, не воспитывается ли допрашиваемый в государственном или общественном детском учреждении, учится ли или учился ранее, где

именно (в школе, ремесленном училище или в школе ФЗО), работает ли он или работал ранее на производстве; состоит или состоял ли ранее в пионерской или в комсомольской организации, поведение его в школе и дома; особенности его темперамента и характера.

При собирании сведений о свидетеле необходимо установить его отношение к обвиняемому и потерпевшему. В отношении несовершеннолетних с плохим поведением следует установить, не имели ли они судимости или приводов. Для получения этих сведений о несовершеннолетнем следователь в необходимых случаях должен истребовать его характеристику из школы или с места работы. При истребовании характеристики несовершеннолетнего обвиняемого не нужно поручать получение ее родителям, которые могут оказать влияние на лиц, выдающих характеристику. Запрашивая характеристику, не следует сообщать, в чем обвиняется несовершеннолетний, чтобы на ее содержание не влияла осведомленность составляющего ее лица о совершенном преступлении.

Но одной характеристики, как правило, недостаточно для правильного суждения о личности несовершеннолетнего обвиняемого, а иногда и несовершеннолетнего свидетеля. Для более полного освещения личности допрашиваемого следователь должен допросить в качестве свидетелей кого-либо из учителей или классного руководителя, или старшего пионервожатого, или кого-либо из родителей, опекунов, соседей и знакомых несовершеннолетнего, управдома или дворника дома, в котором проживает несовершеннолетний. Сведения о приводах несовершеннолетнего можно получить у инспектора по детской работе районного отделения милиции и у участкового оперуполномоченного.

Собранные сведения позволяют правильно организовать и провести допрос несовершеннолетнего с учетом его индивидуальных особенностей и имеют большое значение при оценке его показаний.

Так, например, о Славе Колчанове, 14 лет, обвинявшемся в том, что он снял часы у ученика 7-го класса, была получена следующая характеристика: «Мальчик учится в 5-м классе второй год. Отец погиб. Живет Слава с матерью и отчимом. Дома обстановка ненормальная: отчим часто приходит пьяным, устраивает драки, в которых принимает участие Слава. У Колчанова средние

способности, но учится он хуже своих возможностей. Домашние задания выполняет не всегда. В классе ведет себя плохо: разговаривает на уроках, не может сосредоточиться, бьет девочек. Администрация школы неоднократно вызывала родителей, но мать не имеет влияния на сына и не следит за ним. Основное время мальчик проводит на улице, без надзора. Поведение Колчанова неоднократно обсуждалось. Он быстро дает обещания исправиться, но никогда не выполняет своих обещаний».

Получив характеристику, следователь смог сделать следующие предварительные выводы: прежде всего можно было предположить, что совершению преступления способствовала безнадзорность Славы Колчанова и ненормальная обстановка в семье, где он не мог получить правильного воспитания; сведения о том, что Колчанову трудно сосредоточиться, обязывали следователя при допросе мобилизовать внимание обвиняемого, не давать ему отвлечься от предмета допроса; то обстоятельство, что мать не имела влияния на сына, делало нецелесообразным ее присутствие во время допроса; легкость, с которой обвиняемый дает обещания, могла свидетельствовать о повышенной внушаемости подростка, о его повышенной эмоциональности. Все эти обстоятельства следователь учел при допросе.

Прежде чем приступить к допросу несовершеннолетнего обвиняемого, необходимо точно установить его возраст с тем, чтобы не привлечь к уголовной ответственности лицо, не достигшее возраста, установленного законом. Но возраст имеет значение и для определения тактики допроса. Очевидно, что тактика допроса 14-летнего обвиняемого отличается от тактики допроса 17-летнего. Последний допрашивается, в основном, с применением тех же тактических приемов, которые допустимы при допросе взрослого обвиняемого.

В анкетной части протокола допроса несовершеннолетнего обвиняемого должно содержаться указание на документ, на основании которого установлен возраст обвиняемого, а если имеют значение число и месяц рождения, следует приобщить к делу копию метрического свидетельства.

В исключительных случаях, когда возраст обвиняемого не может быть установлен по документам, следователь

должен направить его на судебно-медицинскую экспертизу.

Составляя план допроса несовершеннолетнего, следователь должен, с одной стороны, стремиться к тому, чтобы допрос был исчерпывающим и исключал необходимость повторного допроса, а с другой — не был слишком продолжительным.

Повторные допросы несовершеннолетнего не рекомендуются ввиду его повышенной внушаемости. На допрашиваемого могут оказать влияние лица, с которыми он будет обсуждать результат первого допроса. У несовершеннолетнего нередко наблюдается подмена собственного мнения мнением следователя, родителей и других лиц. Иногда несовершеннолетний, ввиду повышенной внушаемости, повторяет свои собственные первоначальные показания почти дословно (самовнушение), прибавляя то новое, что он усвоил из вопросов следователя (внушение со стороны следователя). Все это снижает достоверность его повторных показаний.

Допрос должен быть непродолжительным. Несовершеннолетний быстро устает, и внимание его рассеивается. Рекомендуется заранее сформулировать вопросы допрашиваемому с тем, чтобы они, охватывая все обстоятельства дела, вместе с тем были конкретными, точными, краткими и понятными (с учетом возрастных особенностей допрашиваемого). Предварительное планирование допроса позволяет сокращать время его производства.

В ряде случаев при составлении плана допроса целесообразно консультироваться с опытным педагогом или врачом-педиатром, знающими допрашиваемого.

Допрашивать несовершеннолетних свидетелей следует возможно скорее после совершения преступления, так как отдельные факты искажаются или забываются.

Несовершеннолетнего лучше вызывать на допрос через родственников или по телефону, не посылая ему официальной повестки. Его нужно оградить от разговоров окружающих и, по возможности, не предавать широкой огласке его вызов.

К приводу несовершеннолетнего следует прибегать лишь в случае крайней необходимости, поскольку это сильно его травмирует и затрудняет ведение допроса.

Допрос должен производиться только в дневное время.

Место допроса несовершеннолетнего свидетеля следо-

следователь намечает в каждом отдельном случае в зависимости от собранных сведений о его личности. Малолетних свидетелей, а также подростков, страдающих застенчивостью, целесообразно, как правило, допрашивать в привычной для них обстановке, лучше всего дома или в школе. Однако при допросе в школе следователь должен обеспечить, чтобы другие учащиеся не могли знать или догадаться о вызове их соученика к следователю.

При допросе в качестве свидетелей несовершеннолетних старше 14 лет или подростков с развязным, дерзким поведением, наоборот, целесообразно вызывать их в помещение прокуратуры и допрашивать в официальной обстановке и сразу же после их явки. Длительное ожидание нервирует несовершеннолетнего и затрудняет его допрос.

Несовершеннолетние обвиняемые должны допрашиваться в помещении прокуратуры.

§ 2. Тактика допроса

Важное значение для успешности допроса несовершеннолетних имеет умение следователя расположить к себе допрашиваемого.

Надо учитывать, что расположение детей можно завоевать очень быстро, но так же быстро и легко можно его и потерять, например в том случае, если следователь при ребенке плохо отзовется о другом лице, которого ребенок любит.

Допрос несовершеннолетнего дошкольного, а также младшего и среднего школьного возрастов, как правило, должен носить характер обыкновенной беседы, которая ведется следователем в доброжелательном, мягком тоне. В разговоре с ребенком следователь должен тщательно избегать всего, что может травмировать его психику. Но в некоторых случаях, например, когда допрашиваются дети старше 14 лет, отличающиеся развязностью поведения или вызывающим тоном, допрос должен, наоборот, проводиться вполне официально и строго.

Если несовершеннолетний свидетель при допросе держится робко, застенчиво или замкнуто, целесообразно сначала побеседовать с ним на постороннюю тему, которая, по сведениям следователя, может его заинтересовать. В частности, следователь может поговорить с ним о футболе или другом виде спорта, о каком-либо местном спор-

тивном событии, кинокартине, спектакле, заинтересовать его какой-либо книгой, журналом или картиной, а маленьких детей, в целях завоевания их расположения, иногда можно даже включить в игру. После того как свидетель начнет более свободно и охотно разговаривать и отвечать, следователь должен незаметно перейти к выяснению интересующих его фактов, попросив свидетеля рассказать все, что он видел или слышал о них.

Доверие несовершеннолетнего обвиняемого обычно завоевывается следователем путем объективного и подробного разъяснения допрашиваемому предоставленных ему законом процессуальных прав.

Иногда возникает вопрос, как следователь должен обращаться к несовершеннолетнему: говорить ли ему «Вы» или «ты». В значительной мере это зависит от возраста допрашиваемого и говорить ему «ты» или «Вы» нужно в зависимости от того, как к допрашиваемому обычно обращаются в школе или на работе.

Несовершеннолетние свидетели (и потерпевшие), достигшие 14-летнего возраста, должны быть предупреждены под расписку об уголовной ответственности по ст. 95 УК РСФСР.

Примером эффективности такой подписки, отобранной от свидетеля, может быть следующее дело. Пачин 21 июня 1948 г. совершил вблизи станции Калининград-сортировочная разбойное нападение на только что приехавшую с Южного Сахалина гр-ку Хлебнову. Он тяжело ранил ее, ограбил и скрылся. Личность преступника была установлена и объявлен его розыск, который в течение шести лет был безрезультатным, так как Пачин совершил подделку в документах и изменил свою фамилию на «Пагина».

В 1954 году он был задержан в Ленинграде, куда только что приехал из города Советская Гавань Хабаровского края вместе со своей женой Лобановой и дочерью от первого брака Людмилой 14 лет. Пачин упорно отрицал свою вину и утверждал, что настоящая фамилия его Пагин и что он никогда ее не менял.

В момент задержания Пачина и обыска на его квартире Людмила была в школе. По возвращении домой она была допрошена и первоначально заявила следователю, что ее фамилия Пагина и что другой фамилии она никогда не носила. Однако после предупреждения об уго-

ловной ответственности за дачу заведомо ложных показаний она, немного подумав, дала правдивые показания и сказала, что действительная ее фамилия — Пачина. С момента рождения она жила в поселке Бира Еврейской автономной области вместе со своей матерью — первой женой Пачина. После смерти матери она жила там же со своей бабушкой, все время под фамилией Пачиной.

В 1949 году к ней приехал отец, которого она совсем не знала. Он увез Людмилу с собой в Советскую Гавань и сказал ей, что теперь ее фамилия будет не Пачина, а Пагина, и прежнюю фамилию она должна забыть. О причинах изменения фамилии он ей не говорил. С тех пор она жила с ним под фамилией Пагина в Советской Гавани, а затем в Ленинграде.

Следователь должен помнить, что в самостоятельном рассказе несовершеннолетних меньше искажений, чем в их ответах на вопросы. Поэтому большое внимание должно быть уделено выслушиванию свободного рассказа допрашиваемого. Но от малолетних нельзя ждать последовательного и связного рассказа о событиях, как от взрослых свидетелей. Они неспособны продолжительное время вести такой рассказ. Поэтому при допросе малолетних свидетелей и даже детей среднего школьного возраста задаваемые им вопросы играют обычно большую роль, чем при допросе добросовестных взрослых свидетелей.

При постановке вопросов несовершеннолетнему следует выяснить, понятна ли ему формулировка вопроса. Учитывая, что несовершеннолетний не всегда правильно воспринимает значение тех или иных обстоятельств, у него нужно выяснить не выводы по фактам, а только факты.

Ввиду быстрой утомляемости малолетних при их допросе целесообразно делать перерывы, во время которых можно беседовать с ними на посторонние темы.

Вопросы допрашиваемым, как правило, должен задавать следователь; другие участвующие в допросе лица, по предварительной договоренности со следователем, могут тоже задавать вопросы на ту же тему с целью помочь следователю.

В тех случаях, когда допрашиваемый чувствует себя стесненно и замыкается, бывает иногда полезным, чтобы вопросы задавал не следователь, а по его просьбе и указаниям — педагог или другое лицо, участвующее в допросе.

Если выясняемые обстоятельства представляют для несовершеннолетнего известную сложность, то при составлении плана допроса и в ходе самого допроса нужно, по возможности, упрощать и расчленять вопросы, которые ему ставятся. К этому приему следует прибегать и в тех случаях, когда не удастся сразу получить от допрашиваемого ответ на поставленные вопросы. При этом целесообразно видоизменять формулировку вопросов, стараясь делать их более понятными и подходящими к уровню развития допрашиваемого.

Несовершеннолетний обвиняемый более, чем взрослый, в ряде случаев нуждается в участии, и это обстоятельство должно быть использовано следователем. Вместе с тем тон следователя не должен быть фамильярным и подчеркнуто покровительственным.

Обвиняемый Харлампиев, 17 лет, обвинявшийся в незаконном хранении и хищении оружия, а также в соучастии в разбойных нападениях, вначале вообще отказывался давать показания. Следователь спокойно и терпеливо разъяснил обвиняемому то значение, которое могут иметь правдивые показания обвиняемого для установления истины по делу. Пытаясь выяснить, что же толкнуло Харлампиева на совершение преступления, следователь спросил: «Баловали ли тебя дома?». Вопрос следователя возымел действие на обвиняемого. Волнуясь, он начал рассказывать о той обстановке, которая сложилась у него дома: Харлампиева с детства приучали пить («рюмка муската перед обедом по предписанию врача»), давали деньги на карманные расходы, отправляли одного на курорт. При этом мальчиком никогда и никто серьезно не занимался. («Отец порол под горячую руку не за то, за что было нужно. Мать я не уважаю. О том, как следует жить, поговорить было не с кем...»). Следователь постепенно в ходе допроса выяснил все обстоятельства, связанные с совершенными Харлампиевым преступлениями.

При допросе несовершеннолетнего обвиняемого нужно умело использовать его положительные качества, раскаяние и стремление загладить свою вину. Необходимо учитывать, что он не всегда критически относится к собственным действиям. Поэтому иногда, чтобы получить правдивые показания, ему нужно разъяснить противоправность совершенного деяния.

Полезно проследить, как допрашиваемый реагирует на

вопросы следователя: обидчив ли он, застенчив или запуган. В последнем случае необходимо выяснить, кем он запуган, чего боится.

Следует иметь в виду, что при допросе несовершеннолетнего чаще, чем при допросе взрослых, возможен самоговор. Поэтому нужно остерегаться чрезмерной настойчивости в постановке вопросов, которая нередко ведет к самоговору.

В практике известны случаи, когда взрослые обвиняемые уговаривают несовершеннолетних соучастников «взять всю вину на себя», мотивируя это тем, что несовершеннолетний обвиняемый подвергается более мягкому наказанию, чем взрослый.

Так, по делу об убийстве Касатова был привлечен в качестве обвиняемого несовершеннолетний Соболев Иван, который не только полностью признался в совершенном преступлении, но и предъявил свой перочинный нож, которым якобы было совершено преступление. Только тщательный анализ собранных доказательств помог следователю установить, что фактически преступление совершил старший брат Соболева — Егор, а Ивана уговорили «сознаться» его родственники¹.

При допросе несовершеннолетнего обвиняемого лучше применять тактику предъявления нарастающих доказательств, так как внезапность предъявления главных доказательств обычно пугает несовершеннолетнего и может привести к самоговору или к прекращению дачи показаний.

Помимо обстоятельств, непосредственно касающихся совершенного преступления, у обвиняемого необходимо тщательно выяснить причины совершения преступления².

Если несовершеннолетний обвиняемый боится мести со стороны взрослого соучастника, нужно разъяснить ему, что тот уж изолирован или будет изолирован, как только следователь сможет его задержать, разъяснить сколько вреда ему принес взрослый соучастник, толкнувший обвиняемого на преступление в своих корыстных целях.

Иногда обвиняемый боится первым «выдать» своих соучастников. Поэтому, если кто-либо из них уже сообщил

¹ См. «Социалистическая законность» 1940 г. № 4, стр. 8—9.

² См. приказ Генерального Прокурора СССР от 14 июля 1956 г. № 83 «Об усилении прокурорского надзора по делам о несовершеннолетних».

необходимые сведения следовательно, об этом нужно указать обвиняемому, разъяснив, что дружба и товарищество заключаются не в том, чтобы не выдать «своих», а напротив, правдивое изложение обвиняемым событий лишь способствует выяснению истины с тем, чтобы вина каждого из соучастников была определена правильно.

В показаниях несовершеннолетнего обвиняемого, как и в показаниях взрослых, нужно подмечать противоречия и указывать на них допрашиваемому.

Несовершеннолетний не всегда может быстро придумать новое ложное объяснение, тем более, если он дает показания в результате наущения со стороны других. Заметив противоречие, не следует спорить с обвиняемым, так как это может его испугать и он может согласиться со следователем вопреки действительному положению вещей. Нужно лишь спокойно указать обвиняемому на имеющиеся в его показаниях логические противоречия и предложить ему объяснить их.

У несовершеннолетнего обвиняемого часто нет правильного представления о том, к чему могут привести ложные показания. Поэтому целесообразно разъяснить ему, что показания, ложность которых опровергнута объективными доказательствами, являются уликами, изобличающими в совершении преступления.

Показания несовершеннолетних требуют тщательной проверки. Дети более искренни и непосредственны, чем взрослые, а ложные показания несовершеннолетних более бесхитростны и легко разоблачаются. Однако при оценке показаний несовершеннолетнего следует учитывать не только его непосредственность, но и подверженность к внушению со стороны третьих лиц, самовнушению и повышенную склонность к фантазированию.

Проверка и оценка показаний несовершеннолетних производится так же тщательно и по тем же правилам, что и показания взрослых. При допросе необходимо подмечать, не дает ли допрашиваемый показания слишком бойко и гладко, «как заученный урок». В таких случаях есть основание полагать, что несовершеннолетний находится под чьим-то воздействием. Такое предположение тем более обоснованно, если несколько несовершеннолетних свидетелей или обвиняемых по одному делу дают показания в одних и тех же выражениях. Здесь непременно

нужно выяснить, кто влияет на несовершеннолетнего, и устранить это влияние.

В случае необходимости очной ставки между несовершеннолетними или между несовершеннолетним и взрослым к участию в ней должны привлекаться взрослые, которые присутствовали при допросе несовершеннолетнего.

§ 3. Составление протокола допроса

Протоколирование показаний несовершеннолетних имеет ряд особенностей. Прежде всего при допросе несовершеннолетних нельзя пользоваться бланками протокола допроса взрослых свидетелей и обвиняемых, так как ряд содержащихся в них вопросов не имеет отношения к несовершеннолетнему, а ряд важных сведений в них отсутствует.

Во вступительной части протокола допроса должно быть указано, в присутствии кого производился допрос (фамилия, имя, отчество), с отметкой о том, кем он является для допрашиваемого, его специальность или должность и где он проживает.

В анкетной части протокола допроса несовершеннолетнего свидетеля указываются фамилия, имя и отчество допрашиваемого, дата и место его рождения, с кем и по какому адресу проживает, учится или работает и где именно, состоит или состоял ранее в пионерской организации или в комсомоле, его отношение к обвиняемому (родство, дружба и т. п.).

В анкетную часть протокола допроса несовершеннолетнего обвиняемого вносятся следующие сведения: фамилия, имя и отчество обвиняемого; место и время его рождения (с указанием дня, месяца, года, а также документа, на основании которого установлен возраст); национальность; адрес обвиняемого; с кем он проживает и на чьем иждивении находится; занятие родителей или опекунов; состав семьи (количество членов семьи, из них детей); где обвиняемый учится или работает; где обвиняемый учился ранее, из какого класса он ушел; состоит ли в пионерской организации или в комсомоле; сведения о прежних судимостях или приводах; часы и минуты начала допроса и его окончания.

При записи показаний несовершеннолетних нужно стремиться как можно полнее сохранить обороты речи до-

прашиваемого, характеризующие уровень его развития, окружающую его среду и привычки. Не следует стремиться к тому, чтобы изложение показаний несовершеннолетнего было гладким и отшлифованным. Следователь не должен употреблять не свойственные несовершеннолетнему выражения, что снижает значение его показаний, вызывая сомнение в объективности проведенного допроса.

Подробная запись показаний обвиняемого способствует правильному выяснению мотива совершенного преступления. Так, показания шестнадцатилетнего обвиняемого Рязанова Олега вначале были записаны следующим образом: «Признаю себя виновным в том, что, поссорившись с учеником Ягудиным, нанес последнему удар в глаз». Однако казалось неясным, почему Рязанов, характеризовавшийся как дисциплинированный ученик, затеял драку с Ягудиным. Только после того, как показания обвиняемого были зафиксированы с максимальной подробностью, причины драки, возникшей в 9-м классе, стали ясны: «В первых числах декабря 1955 года Ягудин, сидевший со мною на парте, взял мой перочинный нож. Впоследствии я узнал, что он раньше брал нож у ученика Морозова и этот нож сломал, а мой нож отдал Морозову. На следующий день я стал требовать свой нож у Ягудина, так как этим ножом я вырезаю по дереву и он мне всегда нужен. Ягудин мне обещал нож отдать, но когда — неизвестно, сказав, что «обещанного три года ждут». Взамен ножа я взял у Ягудина логарифмическую линейку, это не помогло. После этого на уроке, когда Ягудин был у доски, я попросил ученика Лоди взять с парты ручку Ягудина. Это заметила учительница Тамара Васильевна, которая отобрала у Лоди принадлежащую ему авторучку и передала ее Ягудину. 6 декабря 1955 г. после уроков я и Лоди стали требовать ручку Лоди у Ягудина и буквально отнимали ее.

Ягудин стал драться. Тогда я ударил его по лицу. При этом я очень разозлился, что он так нахально ведет себя, и совершенно забыл, что у меня в руке зажат жестяной номерок от вешалки. Ударив Ягудина, я нечаянно повредил номерком ему глаз...»

Если бы следователь изложил показания Рязанова более лаконично, то нельзя было бы установить историю

неприятных отношений между мальчиками, в результате которых между ними возникла драка.

Рекомендуется заносить в протокол основные вопросы следователя, так как в ряде случаев при оценке ответа допрашиваемого важно знать формулировку вопроса.

Протокол допроса несовершеннолетнего подписывается несовершеннолетним, следователем и лицом, участвовавшим в допросе. Лица, присутствующие при допросе, подтверждают своей подписью соответствие содержания протокола показаниям, данным обвиняемым. Кроме того, по их требованию следователь должен заносить в протокол сделанные ими замечания по поводу обстановки и хода допроса. Ни в коем случае нельзя передоверять этим лицам ведение протокола. Протоколировать показания несовершеннолетних во всех случаях должен сам следователь. Поэтому мы считаем неправильной рекомендацию В. С. Тадевояна о том, что в ряде случаев запись в протокол могут производить педагог или родители¹.

Разрешать несовершеннолетнему обвиняемому собственноручно излагать свои показания можно лишь в тех случаях, когда несовершеннолетний в состоянии правильно письменно излагать и формулировать свои мысли.

¹ См. «Социалистическая законность» 1939 г. № 4, стр. 127.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3

Глава I

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ ДОПРОСА

§ 1. Общие вопросы; ощущения и восприятие	9
§ 2. Восприятие быстротечных событий, пространства и времени	14
§ 3. Иные факторы, влияющие на восприятие	23
§ 4. Память (запоминание и воспроизведение)	28

Глава II

ТАКТИКА ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

§ 1. Значение допроса свидетеля	46
§ 2. Подготовка к допросу свидетеля	50
§ 3. Общий порядок допроса свидетеля	56
§ 4. Тактические задачи, разрешаемые при допросе свидетелей	61
§ 5. Тактические приемы оказания свидетелю помощи в припоминании забытых фактов	72
§ 6. Тактические приемы выявления и устранения противоречий в показаниях свидетелей	83
§ 7. Тактические приемы преодоления у свидетелей мотивов умолчания и лжи при даче показаний	89
§ 8. Составление протокола допроса свидетеля	93

Глава III

ТАКТИКА ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО

§ 1. Значение допроса обвиняемого	97
§ 2. Подготовка к допросу обвиняемого	102
§ 3. Общие процессуальные правила и тактические приемы допроса обвиняемого	111
§ 4. Выявление особенностей личности обвиняемого и их использование для получения от него правдивых показаний	129

§ 5. Использование доказательств для получения от обвиняемого правдивых показаний	139
§ 6. Тактика допроса обвиняемого, заявившего о своем алиби	157
§ 7. Тактика допроса обвиняемого, изменившего свои первоначальные показания	162
§ 8. Составление протокола допроса обвиняемого	168

Глава IV

ТАКТИКА ДОПРОСА НА ОЧНОЙ СТАВКЕ

§ 1. Значение очной ставки	176
§ 2. Подготовка к очной ставке	181
§ 3. Тактика проведения очной ставки	183
§ 4. Составление протокола очной ставки	188

Глава V

ВАЖНЕЙШИЕ ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

§ 1. Подготовка к допросу	192
§ 2. Тактика допроса	197
§ 3. Составление протокола допроса	203

Карнеева Лидия Михайловна
Ордынский Сергей Сергеевич
Розенблит Соломон Яковлевич

«Тактика допроса на предварительном следствии»

* *

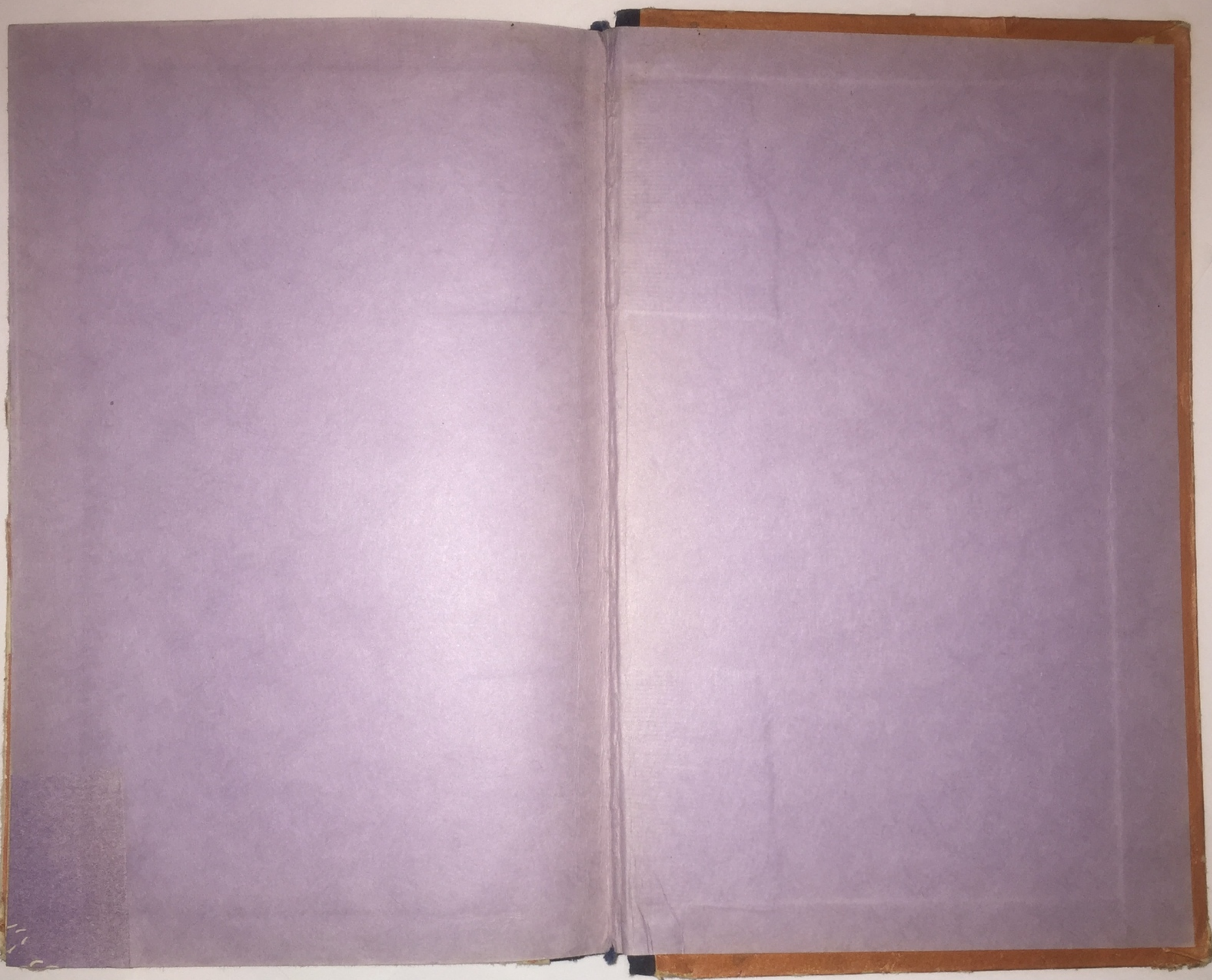
Редактор *Е. Я. Лямина*
Художник-оформитель *С. А. Бычков*
Художественный редактор *Ю. В. Алексеев*
Технический редактор *И. В. Астахова*

Сдано в набор 8/X 1957 г.
Формат бумаги 84 x 108¹/₃₂.
учетно-изд. л. 11,25.

Подписано к печати 10/V 1958 г.
Объем: физ. печ. л. 6,5; условн. печ. л. 10,66;
Тираж 10 000. А-04041. Цена 4 р. 40 к.

Госюриздат — Москва. Б-64, ул. Чкалова, 38—40

Заказ № 5070. Типолитография ВАФ.

4 р. 40 к.

ТАКТИКА ДОПРОСА

